This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Домашняя Старина.

МОСКВА.
Типо-Литографія Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1900.

Домашняя Старина.

МОСКВА.
Типо-Литографія Н. И. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1900.

HOOVER LIBRARY

Дозволено цензурою. Москва, Января 5 дня 1900 года.

DK 37.8
S5 S5
V. 1

Посвящаю моимъ дѣтямъ, внукамъ
и ихъ потомству.

Перечитывая эти наброски, нахожу, что они отрывочны, мелочны и случайны, и тѣмъ не менѣе оставляю ихъ въ такомъ видѣ, какъ писалось, безъ плана, безъ отдѣлки. Я записывалъ все, что приходило на память; думаю, что правдивѣе отразится прошлое нашего дома при такомъ первобытномъ пріемѣ. Многое покажется, быть можетъ, страннымъ, даже излишнимъ. Я старался описать нашъ старый домъ съ прошедшею въ стѣнахъ его жизнію, съ воспоминаніями о радостяхъ и счастіи, съ заботами, скорбями и треволненіями давно минувшихъ дней.

Въ отцѣ моемъ сказалась преемственность, основанная на крѣпкихъ семейныхъ преданіяхъ, которая и составляла всю силу прежнихъ поколѣній. Отреченіе отъ нихъ равносильно измѣнѣ кореннымъ основамъ нашего рода.

Отецъ былъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ хранителемъ этой древне Русской нерушимой основы.

Сознательно озираясь на прошлое и въ чаяніи свѣтлаго будущаго, пусть выступитъ молодое поколѣніе—на служеніе Родинѣ, на встрѣчу радостямъ и испытаніямъ жизни.

„Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья не посѣй его рука.
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!..“

Домашняя Старина.

„Минувшее проходитъ предо мною.“
„*Пушкинъ.*“

Отецъ мой занималъ почти всегда одну только комнату. Въ Петербургскомъ нашемъ домѣ то была комната верхняго этажа окнами въ садъ противъ образной. Въ ней прожилъ онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Перегородка отдѣляла его кабинетъ отъ уборной. Убранство комнаты было самое простое. На стѣнахъ висѣли литографированные виды Іерусалима и Москвы. Портретовъ не было никакихъ, ни на стѣнахъ, ни на письменномъ столѣ. Исключеніе составлялъ только висѣвшій около стола портретъ Государя Александра Николаевича съ собственноручною его подписью: „Старому товарищу.“ Кромѣ большого письменнаго стола краснаго дерева, стояло по комнатѣ нѣсколько ломберныхъ столовъ, на которыхъ въ систематическомъ порядкѣ разложены были бумаги. Чернильница простая бѣлаго фаянса съ отверстіями для гусиныхъ перьевъ, которыми исключительно писалъ отецъ У стѣны большой, широкій диванъ со спинкою и подушками зеленаго репса—который могъ служить и постелью. Такого образца диваны всегда бывали у отца въ Москвѣ и на дачѣ—Ульянкѣ. Въ углу комнаты стоялъ краснаго дерева кіотъ съ образами, посреди которыхъ находился большой крестъ съ мощами; имъ передъ смертью благословила отца

бабушка Прасковья Ивановна. Тутъ же находились: молитвенникъ, псалтирь и евангеліе. На одномъ изъ этихъ молитвенниковъ была надпись, довольно пространная, рукою дѣда Николая Петровича. Послѣ кончины отца я этой книги не нашелъ.

Вставалъ онъ въ девятомъ часу и позднѣе и долго не одѣвался. Ходилъ въ разнообразныхъ халатахъ, которыхъ у него было всегда очень много, и въ разноцвѣтныхъ сафьяновыхъ сапогахъ; но въ тѣ дни, когда бывала обѣдня, онъ вставалъ рано и никогда не опаздывалъ въ церковь. Занимался онъ урывками и въ неопредѣленное время, но довольно продолжительно— просматривалъ бумаги. Газетъ не читалъ никогда и ни одной не получалъ. Молился у себя въ комнатѣ долго, и тогда никто къ нему входить не могъ. Въ уборной его всегда господствовалъ пріятный запахъ разныхъ снадобій, ароматическихъ водъ и пр. Большая серебряная лохань придѣлана была къ стѣнѣ.— Вотъ и все убранство комнаты, вдоль которой разстилался простой коверъ. Пилъ онъ чай утренній, гдѣ придется и въ неопредѣленное время, много ходилъ по комнатамъ и рѣдко сидѣлъ долго на одномъ мѣстѣ. Болѣе всего любилъ онъ въ послѣдніе годы сидѣть въ зеленой гостиной въ креслѣ, у дверей въ малиновый кабинетъ. Необычайная подвижность его не покидала до послѣднихъ лѣтъ. Завтракалъ онъ въ первомъ, обѣдалъ—въ шестомъ часу. Бывало, любилъ онъ и ужинать, но въ послѣднее время позволялъ себѣ это рѣдко. Ужиналъ онъ тогда, гдѣ придется, въ разныхъ комнатахъ всегда одинъ, и это было лучшее время, чтобы съ нимъ посидѣть и поговорить. Неизмѣнный его напитокъ—это красное бордо. Выѣзжалъ онъ очень рѣдко, избѣгая кареты и саней, но ходилъ ежедневно и много. Бралъ онъ всегда съ собою деньги для раздачи бѣднымъ, заходилъ въ церкви и часовни, и вездѣ всѣ его знали. Ходилъ онъ всегда съ палкою, съ бѣлымъ, круглымъ костянымъ набал-

дашникомъ. Это была любимая его трость, донынѣ у меня сохранившаяся. Шагалъ онъ быстро.

Въ церкви слѣдилъ онъ за порядкомъ и соблюденіемъ Устава, все замѣчалъ и не любилъ разговоровъ въ ней, а когда кончалась обѣдня, то торопилъ всѣхъ въ гостиную, чтобы не было болтовни въ церкви. Всегда заходилъ въ алтарь и прикладывался къ жертвеннику. Въ церковь приходилъ онъ рано, когда еще никого не было, и распоряжался относительно пѣнія. Любилъ поговорить о музыкѣ съ регентами Алабушевымъ и Коноплевымъ,—съ хранителемъ нотъ Мареничемъ и съ старикомъ Соловьевымъ, смотрителемъ Невской богадѣльни и любителемъ канареекъ,-который въ торжественные дни являлся при шпагѣ въ мундирѣ Коллежскаго регистратора и въ рыжемъ парикѣ. „Что скажешь, Соловей?"—бывало начинаетъ отецъ его распрашивать, и долго онъ могъ съ нимъ разговаривать и шутить, выслушивая его остоумныя выходки и находчивые отвѣты. А тутъ же являлись хранитель образной, словоохотливый старикъ, съ длиннымъ носомъ Андрей Кузмичъ; являлся съ утреннимъ докладомъ о благополучіи и смотритель малолѣтнихъ пѣвчихъ Гребенниковъ также съ длиннымъ носомъ и безконечнымъ фуляровымъ платкомъ... Послѣ смерти его замѣнилъ въ этой должности Дій Орловъ. Приходила до начала обѣдни и Татьяна Васильевна съ неизмѣннымъ привѣтомъ: „Здравствуйте, батюшка графъ Дмитрій Николаевичъ!" Постоянно бывали—графиня Антонина Дмитріевна Блудова и отецъ ея графъ Д. Н. Блудовъ и всегда скрывались въ темной моленной. Послѣдній здоровался съ отцомъ на ходу и нерѣдко на вопросъ о здоровьѣ, принимая серьозный видъ, прижималъ руку къ груди и повторялъ: „la fièvre de Moldavie..." Отецъ зналъ это твердо. Особенно дружески встрѣчала отца Марья Андреевна Поликарпова, дочь князя Андрея Николаевича Щербатова и Антонины Воиновны Яворской

(прозванная—la belle Polonaise). М. А. въ молодости была красавицей, и ее очень любилъ дѣдъ мой Николай Петровичъ, называя ее всегда „княжнуша“.

Выѣздъ отца куда-либо, а тѣмъ болѣе во дворецъ былъ событіемъ весьма рѣдкимъ. Въ такіе дни онъ готовился къ тому заранѣе. Обязательно выписывался парикмахеръ; по старому обычаю—отецъ всегда завивался. Волосы у него были сѣдые, но довольно хорошо сохранившіеся. Любилъ онъ поболтать съ парикмахеромъ—французомъ, и особеннымъ покровительствомъ его пользовались Vauthier, а потомъ Moine. Шутя жаловался онъ на свои волоса и на лысину—а послѣдній серьозно утѣшалъ его, что волосы еще хороши: „seulement ils sont un peu legers sur le sommet“, и отца особенно забавляло, когда парикмахеръ осторожно добавлялъ: „il est vrai que les cheveux blancs predominent,“ и это деликатное „predominent“ необыкновенно нравилось отцу. Надѣваніе мундира было настоящимъ событіемъ, и видна была старая военная привычка, чтобъ все сидѣло въ струнку и по формѣ. Отецъ на это былъ очень взыскателенъ. Шляпы цилиндра никогда не надѣвалъ, но возилъ ее съ собою въ картонкѣ, и эту картонку многіе знали. Любимымъ головнымъ уборомъ его была фуражка съ козырькомъ военнаго покроя. Никакой моды отецъ не признавалъ, всегда зимою носилъ того же покроя пальто, съ бобровымъ воротникомъ и не любилъ перчатокъ. Платки носовые его были всегда самаго грубаго полотна, и вообще онъ мало обращалъ вниманія на тонкости туалета. Галстуки употреблялъ какіе-то особые съ готовыми бантами и пряжками. Неизмѣнно носилъ тѣ же карманные часы съ знакомой цѣпочкой, безъ всякихъ брелоковъ—которою всегда игралъ. Въ торжественные дни надѣвалъ онъ лаковые сапоги и никогда не ходилъ безъ штрипокъ. Когда надѣвалъ онъ фракъ, то носилъ звѣзду и на золотой цѣпочкѣ привѣшанные мелкіе ордена, медали

и крестикъ „virtuti militari.“ Во дворцѣ охотно встрѣчалъ онъ старыхъ товарищей, которыхъ не видалъ годами, и всегда передавалъ свои впечатлѣнія. Всѣ ему казались сильно постарѣвшими, и онъ надъ ними подтрунивалъ.

Всякій разговоръ съ Государемъ для отца былъ знаменательнымъ событіемъ, и онъ записывалъ его въ календарь. Всѣ швейцары были его знакомцы, и онъ, надѣляя ихъ по праздникамъ, пользовался особеннымъ ихъ вниманіемъ. По принципу, отецъ находилъ необходимымъ расписываться во всѣхъ дворцахъ, но прибѣгалъ къ особому пріему, пользуясь сочувствіемъ швейцаровъ. Ему приносили всѣ книги на домъ, и онъ преспокойно расписывался, сидя дома. Цѣнилъ онъ тонкій столъ и гастрономическое искусство, охотно бесѣдовалъ съ поваромъ и любилъ сочувствующихъ и понимающихъ это дѣло. Посты соблюдалъ строго.

Нашъ домашній старый врачъ Эмилій Ивановичъ Рейнгольдъ надоѣдалъ отцу своими грубыми солдатскими выходками и шутками. Въ хорошую минуту онъ подражалъ его коверканному французскому языку. Ils se ressemblent comme deux couteaux (вм. gouttes d' eau), разсказывалъ о разныхъ чудакахъ прошлаго времени, которые имѣли обыкновеніе вставлять въ свою рѣчь какую—нибудь поговорку. Такъ, одинъ все повторялъ „тенде, бренде съ горошкомъ,“ а другой на каждомъ шагу вставлялъ „Эксзазавія.“ Одну свѣтскую даму прозвали въ обществѣ „Какова,“ потому что когда она выѣзжала съ матерью, то послѣдняя, выхваляя свою дочь, часто говорила про нее вопросительно: „какова?“—Такъ прозвище это за нею и осталось. Помню стараго уланскаго полковника графа Витта, который ежегодно привозилъ въ нашу церковь изъ Гатчины икону Успенія. Онъ имѣлъ привычку то и дѣло повторять: „Ecoutez donc!“и очень былъ богомоленъ. Икону Успенія встрѣчали у насъ съ

особою церемоніей, съ пѣніемъ всего хора, и служба заключалась любимою молитвою отца: „Подъ Твою милость прибѣгаемъ.“ Отецъ любилъ духовныхъ разнаго чина, охотно ихъ угощалъ и крестилъ у нихъ дѣтей. Онъ знавъ многихъ петербургскихъ гробовщиковъ. Никогда не заходилъ въ магазины и ничего не покупалъ для своего удовольствія. Никакой потребности къ роскоши у него не было—но когда было нужно, любилъ, чтобы все было широко и безъ запинокъ. Чувство скупости было ему непонятно и противно. Онъ былъ очень неловокъ въ счетѣ денегъ и долго не могъ управиться съ ними при раздачѣ на улицѣ. Лучшимъ удовольствіемъ его было помогать втайнѣ, и не любилъ онъ, когда кто подмѣчалъ.

У него были свои привычки и причуды. Такъ, особенно любилъ онъ слѣдить за топкой печей, но избѣгалъ каминовъ. У него были примѣты, и на него вліяли сны, въ особенности когда во снѣ являлись лица умершія,-всегда очень ясныя, но всегда молчаливыя. Отецъ былъ очень остороженъ, когда его старались привлечь къ участію въ устройствѣ свадьбы. Разъ только въ жизни вмѣшался онъ въ такое дѣло и всегда о томъ сожалѣлъ, но онъ былъ поставленъ въ трудное положеніе. Баронъ Сергѣй Николаевичъ Петровъ приставъ къ нему во что бы ни стало помочь устроить его свадьбу. Отецъ его благословилъ, свадьба состоялась, и черезъ нѣсколько времени тотъ же Сергѣй Николаевичъ пришелъ къ отцу съ просьбою помочь ему разъехаться съ женою. Отецъ нерѣдко объ этомъ вспоминалъ и закаялся никогда въ такія дѣла не вмѣшиваться.

Онъ былъ раженъ до крайности и не мало было съ нимъ забавныхъ случаевъ, которые иногда бывали рассказаны. Такъ, во время Польскаго похода чуть не вышла непріятность, когда во время движенія полка онъ совершенно забылъ фамилію одного офицера, которого звали Ладыгинъ, и когда тотъ сказалъ мимо

онъ крикнулъ ему: „Пирожковъ!“ Отецъ былъ очень тяжелъ на подъемъ, чтобы переѣхать куда-либо. Даже на дачу-Ульянку собирался онъ весь май, и нерѣдко переѣзжали мы въ половинѣ іюня. Здѣсь въ Ульянкѣ, по старой привычкѣ, любилъ онъ проводить лѣто, часто обѣдалъ на балконѣ, много ходилъ, и были у него любимыя скамейки подъ тѣнью дуба или липы. Сюда приносили ему чай, зельтерскую воду или limonade gaseuse. Большею частію ходилъ онъ въ саду безъ фуражки.

Отецъ необыкновенно былъ чутокъ ко всякому проявленію сочувствія и расположенія. Простота и всего болѣе ласковый привѣтъ всегда быстро привлекали его. Сухость и холодность его сжимала, самонадѣянность коробила, а заносчивости онъ не выносилъ. Но когда видѣлъ сочувствіе и участіе, онъ готовъ былъ привязаться горячо и искренно и въ этомъ чувствовалъ потребность и успокоеніе. Такъ, цѣнилъ онъ, глубоко уважалъ и любилъ въ семьѣ моей матери Варвару Павловну Шереметеву, Авдотью Ивановну Булыгину и въ особенности бабушку Екатерину Васильевну Шереметеву.

Онъ былъ необыкновенно вспыльчивъ. Нерѣдко этимъ пользовались, нарочно доводили его до раздраженія, чтобы потомъ ему стало жаль, и тогда можно было всего добиться, какъ нельзя проще. Бывало горячится, хлопочетъ, находясь въ нервномъ состояніи, суетитъ прислугу, а на самомъ дѣлѣ всѣ знали, что за этимъ ничего нѣтъ серіознаго, и что уволить кого-либо было для него наказаніемъ. Къ нему можно было иногда примѣнить выраженіе: „le bourru bienfaisant.“ Онъ былъ смѣшливъ и когда подмѣчалъ что-либо забавное, любилъ дѣлиться впечатлѣніями и очень хорошо передавалъ иной разговоръ или происшествіе, представляя его въ лицахъ. Добродушію его тогда не было предѣловъ. Но бывали дни, когда на него находила безпричинная тоска, и грусть одолѣвала

его. Онъ былъ мнителенъ, нерѣдко придавалъ значеніе случайностямъ, пылкое воображеніе его преувеличивало дѣйствительность—иной разъ неясный намекъ или слово одно могло разстроить его совершенно, и онъ томился мыслями своими, не находя покоя. За то, когда объяснялось недоразумѣніе, онъ быстро веселѣлъ и дѣлался тогда необыкновенно счастливымъ и довольнымъ.

Въ послѣдніе годы дѣйствительность была такъ безотрадна, что только сила вѣры и молитвы могли дать ему облегченіе въ испытаніяхъ жизни. Послѣдніе мѣсяцы его были тайнымъ подвигомъ смиренія и духовной нищеты.

Его многіе не понимали, иные считали его неискреннимъ—но есть глубокая разница между этимъ понятіемъ и гибкостью уклончиваго ума, съ которымъ вполнѣ совмѣстимы правдивость и искренность убѣжденій. Убѣжденіямъ своимъ онъ не измѣнялъ никогда.

Зрѣніе для его лѣтъ было прекрасное, онъ носилъ синеватыя очки, только когда читалъ, слухъ до конца у него былъ юношескій. Музыкальный слухъ былъ необыкновенно чутокъ. Онъ замѣчалъ малѣйшую неправильность или уклоненіе звука. Вторилъ онъ замѣчательно хорошо.

Бывало, когда найдетъ на него тихое, грустное настроеніе, любилъ онъ бродить по большой бѣлой залѣ Фонтаннаго дома или садился за фортепіано и, перебирая аккорды, подпѣвалъ своимъ легкимъ, задушевнымъ теноромъ Въ манерѣ его пѣнія было умѣнье выражать слова и очень тонкое пониманіе передачи оттѣнковъ. Эти звуки проникнуты были глубокимъ чувствомъ и способны были задѣть за живое... Иногда призывалъ онъ живущаго въ домѣ учителя музыки Гренинга и заставлялъ его играть свои импровизаціи, а самъ слушалъ его издали. Въ комнатахъ полумракъ, старинные гербовыя лампы тускло освѣщали длинный рядъ комнатъ и залу. Случалось и то, что отцу

приносили бутылку его любимаго вина, и онъ могъ сидѣть тогда долго, въ задушевной бесѣдѣ вспоминая прошлое и молодость, и въ такіе дни особенно было отрадно съ нимъ говорить.

Оригинальное зрѣлище представляли комнаты близъ его кабинета: передняя и лѣстница малаго подъѣзда и низенькая комната въ антресоли. Это, помнится мнѣ—въ 50-хъ годахъ. Съ утра появлялись разныя личности, домашнія и пришлыя, кто по дѣлу, кто съ просьбой, кто просто по привычкѣ. Неизмѣнно появлялся дворецкій Василій Ивановичъ Сивковъ, ходившій всегда съ двумя носовыми платками,—фуляровымъ для носа и полотнянымъ для глазъ. Степенный и важный старикъ, онъ навѣщалъ ежедневно и меня и сообщалъ потомъ отцу о моемъ здоровьѣ.—Тутъ и камердинеръ Евграфъ Семеновичъ Кравцовъ съ помощниками, секретарь, конторскіе чины, портной Гробе, зубной врачъ Гиршфельдъ, подлѣкарь Васильевъ, Андрей Кузьмичъ, поваръ Дюсо, просители и домочадцы—тутъ же показывались разнообразныя личности нѣкоторыхъ дѣльцовъ: Поповъ, Боровковъ, Сироткинъ,—кассиръ смѣнившій старика Каленаго, Прокопенко, добродушный старикъ Моисей Ферапонтовъ, подписывавшій бумаги. Позднѣе появлялся Прокофій Сусловъ.....

Каждое первое число бывалъ молебенъ съ водосвятіемъ. Отецъ выносилъ свои образа и складни, и потомъ бережно все возвращалось въ кіоту. То же продолжалось и на дачѣ. Обязательно служили молебенъ въ конюшнѣ въ день Св. Фрола и Лавра. День Покрова былъ преимущественно конторскимъ праздникомъ, а день Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ—праздникомъ малолѣтнихъ пѣвчихъ.

Отецъ мой, всегда любившій музыку и въ особенности церковную, поддержалъ существовавшій еще при дѣдѣ хоръ пѣвчихъ, которымъ въ концѣ прошлаго столѣтія управлялъ Дехтяревъ, современникъ и другъ

Бортнянскаго. Оба они одновременно посѣтили Италію. При отцѣ учителемъ пѣнія былъ итальянецъ Саніенца. При немъ образовался даровитый преподаватель пѣнія и композиторъ Г. Я. Ломакинъ, который впослѣдствіи довелъ хоръ до совершенства. Съ Ломакинымъ отношенія отца были давнія. Уроженецъ села Борисовки, онъ еще мальчикомъ пѣлъ въ нашемъ хорѣ, Въ началѣ 60-хъ годовъ Ломакинъ вращался въ кругу любителей и музыкантовъ, замышлявшихъ учрежденіе безплатной музыкальной школы, и самъ сдѣлался душею этого дѣла вмѣстѣ съ Балакиревымъ. Въ это время уговорили отца уступить свой хоръ для публичныхъ концертовъ съ участіемъ постороннихъ въ пользу безплатной школы. Эти концерты привлекали публику и дали хорошіе сборы. Главною приманкою былъ, конечно, отцовскій хоръ, и на этихъ концертахъ Ломакинъ превзошелъ себя. Отецъ, неохотно согласившійся, потомъ рѣшительно протестовалъ противъ пользованія хоромъ. Изстари давались у него въ домѣ особые духовные концерты. Отецъ всячески ихъ поощрялъ, такъ что упрекнуть его въ узкомъ себялюбивомъ чувствѣ нельзя. Главнымъ образомъ, благодаря его содѣйствію, и основалась безплатная музыкальная школа. Отца за это офиціально благодарили, но онъ чутко понималъ невѣрную ноту, онъ видѣлъ, что Ломакинъ, весь погруженный въ безплатную школу, сталъ холоднѣе относится къ хору и къ его потребностямъ; это привело къ шероховатости и недоразумѣніямъ. Положимъ, все это уладилось и улеглось, но впечатлѣніе осталось, тѣмъ болѣе что Ломакинъ не всегда понималъ отца, что и сквозитъ въ его запискахъ. Въ концѣ концовъ они все-таки не разошлись, но отецъ настоялъ на своемъ—на неприкосновенности его хора.

Этими обстоятельствами хотѣли воспользоваться домашнія вліянія и уговорить отца распустить хоръ—такъ какъ въ то время напирали на экономію. То

было время появленія новыхъ дѣльцовъ, замѣнившихъ старый типъ.... Отцу же немыслимо было отказаться отъ единственной отрады его жизни, и здѣсь онъ выдержалъ борьбу, хоръ уцѣлѣлъ до его кончины, и на погребальныхъ службахъ пѣлъ онъ въ послѣдній разъ въ прежнемъ составѣ и пѣлъ такъ, какъ теперь уже не поютъ... Не боюсь упрека въ пристрастіи, но при всемъ совершенствѣ нѣкоторыхъ современныхъ хоровъ, все же души той въ нихъ нѣтъ, нѣтъ и неподражаемыхъ оттѣнковъ,—и это незабвенная заслуга Ломакина! Нѣтъ уже того, какъ бывало, когда стройное множество громкихъ голосовъ постепенно замирало, и потрясающія созвучія захватывали духъ. Листъ плакалъ, слушая это пѣніе, и назвалъ хоръ „orgue animée.“ Укого тогда не билось сердце и не пробѣгали мурашки... Словами не передать этого чувства— но кто, любя мызыку, хотя разъ слышалъ это пѣніе, тотъ не забудетъ его до конца!..

При отправленіи отца въ Польскій походъ (1830 г.) онъ передалъ управленіе всѣми дѣлами Куницыну. Когда бывало читалъ я Татьянѣ Васильевнѣ Шлыковой „Лицейскую годовщину“ Пушкина: „И мы вошли и встрѣтилъ насъ Куницынъ,“—она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ припоминала о знакомствѣ съ нимъ по близости его къ отцу.

Въ Петербургскомъ нашемъ домѣ, на Литейной, въ томъ зданіи, гдѣ потомъ помѣщалась главная контора, а теперь построенъ новый домъ—жила Маргарита Петровна Путятина, урожденная Реметева. Она была замужемъ за Тихвинскимъ помѣщикомъ и лѣтомъ жила въ любимомъ своемъ имѣніи—Милегежъ Когда она овдовѣла, то отецъ предложилъ ей переѣхать въ нашъ домъ, гдѣ она и прожила до самой кончины съ „компаньонкою“ своею Татьяной Ивановной Бровцыной, которую всегда называла „Themyre.“ Я не засталъ уже Маргариты Петровны, а Т. И. Бровцыну помню въ образной нашей церкви. У меня

отъ нея есть подарокъ—серебряная филиграновая корзина съ маленькими пасхальными яицами. Маргарита Петровна (дочь Петра Борисовича) была почтенная и важная старушка, но дурно говорившая по французски. Такъ напр. она говорила: „les eaux mineraux, la neopathie вмѣсто—homeopathie.“ Отецъ не иначе называлъ ее, какъ „ma tante.“

Татьяна Васильевна Шлыкова вскорѣ послѣ смерти дѣда моего поселилась въ комнатахъ подъ его кабинетомъ, гдѣ была его уборная. Въ этихъ комнатахъ прожила она около 50 лѣтъ. Только въ 1859 году пересилилась она по необходимости въ другую сторону дома. Она любила гостей и всегда радушно ихъ принимала. День ея ангела 12 января былъ настоящимъ торжествомъ. Утромъ бывала обѣдня, потомъ многочисленные гости собирались въ уютныхъ ея комнатахъ, завтракали, проводили весь день, обѣдали и оставались весь вечеръ. Такое количество бывало у нея гостей, что не хватало стульевъ, и многіе помѣщались на подоконникахъ. Въ дѣтствѣ бывалъ я въ эти дни. Почти всѣ товарищи отца по полку знали ее, иныхъ она любила, напр. А. П. Бутурлина, и князя Н. П. Трубецкаго. Она очень также была расположена къ воспитателю отца Simonin, который также знакомъ былъ съ многими изъ его товарищей. Съ нимъ часто шутили, заставляли его выговаривать трудныя слова — въ родѣ „ваше высокопревосходительство.“ Старикъ это любилъ, хотя иногда и поварчивалъ. Онъ былъ нумизматъ и физикъ. Въ дѣтствѣ смутно припоминаю его длинный синій носъ; онъ приносилъ мнѣ какіе-то часы съ плавающими въ бассейнѣ лебедями и магнитною стрѣлкой. Его любимымъ виномъ было бургондское Pommard. У него былъ старый слуга Степанъ, который ходилъ за нимъ, какъ за ребенкомъ. Они съ трудомъ другъ друга понимали, потому что Simonin еле говорилъ по русски. Но все же сходилось и были довольны. Этотъ Степанъ

иногда распоряжался съ французомъ по своему, и тотъ его слушался. Называлъ онъ его просто „Симана“ и говорилъ ему „ты.“ Разъ даже онъ нечаянно заперъ Simonin въ своей квартирѣ. Онъ жилъ въ мезонинѣ въ третьемъ этажѣ большаго дома на Фонтанкѣ. „Stepane, Stepane!“—кричалъ разсерженный старикъ, стуча въ дверь—произошло затѣмъ крупное объясненіе, но они скоро опять помирились. Еще при Данауровыхъ устраиваемы были въ нашемъ городскомъ саду ледяныя горы, прямо съ средняго балкона большаго дома, по направленію къ Литейной и оттуда обратно. Самый домъ былъ совершенно передѣланъ внутри въ 1837 году. Отъ прежняго устройства почти ничего не осталось. По словамъ отца, тамъ, гдѣ была бальная зала, находилось нѣсколько комнатъ, и въ одной изъ нихъ скончался его попечитель Михаилъ Ивановичъ Данауровъ. Зала же была тамъ, гдѣ теперь бѣлая гостиная, гдѣ такъ долго стояли мраморные пѣтухи. Прекрасная мраморная статуя трехъ борющихся пѣтуховъ приписывается Канова, но на ней позднѣйшая надпись: „Triscorni.“ На первой свадьбѣ моего отца къ ней подошелъ Императоръ Николай I и выразилъ удовольствіе, что дерутся три пѣтуха а не двое. Вся половина отъ церкви до нынѣшней галлереи была занята жилыми комнатами. Здѣсь жилъ отецъ въ дѣтствѣ и въ молодости. Галлерея же въ нынѣшнемъ ея видѣ была устроена впослѣдствіи моею матерью, и къ ней пристроено зданіе для кухни и кладовой, нынѣ архивъ, библіотека и помѣщеніе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Во время Польскаго похода одинъ изъ товарищей отца—Александръ Николаевичъ Полетика, бросившійся однажды въ палаткѣ на его кровать, сломалъ ее совершенно. Отцу было досадно; тогда Полетика предложилъ ему свою кровать, но съ условіемъ, чтобы онъ кормилъ его ежедневно завтракомъ и обѣдомъ. Нѣкоторое время отецъ состоялъ ординарцемъ при

Уваровѣ, но эта служба не была особенно пріятна и продолжалась не долго. Ординарцы дежурили въ пріемной и входили къ Генералу по звонку.

Подлѣкарь Петръ Герасимовичъ, довѣренное лицо дѣда Николая Петровича — былъ имъ еще назначенъ состоять неотлучно при отцѣ, послѣ его рожденія. Человѣкъ онъ былъ хорошій, по отзывамъ Т. В. Шлыковой, очень преданный и большой шутникъ. Ежедневно приходилъ онъ къ отцу справляться о его здоровьѣ и сидѣлъ рядомъ съ его дѣтскою комнатою.

Старшій изъ братьевъ Малиновскихъ Алексѣй Ѳедоровичъ, сынъ протоіерея Московскаго Благовѣщенскаго собора Ѳеодора Аксентіевича *), помогалъ дѣду при основаніи Страннопріимнаго Дома и при составленіи его Устава. Второй братъ его, Павелъ Ѳеодоровичъ, былъ попечителемъ отца и жилъ съ нимъ до поступленія его въ полкъ. У него былъ свой домъ близъ Литейной. Онъ любилъ отца, былъ человѣкъ хорошій и веселый, всегдашнею его поговоркою было: „прикажете сказать,“ которую безпрестанно повторялъ въ разговорѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ имѣлъ слабость къ крѣпкимъ напиткамъ, чему не разъ бывалъ свидѣтелемъ жившій у насъ въ домѣ Князь Николай Александровичъ Долгорукій.

Въ одно изъ посѣщеній Императоромъ Николаемъ I Останкина, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ вышелъ на средній балконъ дома, по направленію къ Москвѣ — то выразилъ сожалѣніе, что находящаяся за прудомъ роща мѣшаетъ любоваться видомъ на Москву. Черезъ нѣсколько времени Государь вновь посѣтилъ Останкино. Отецъ повелъ его на тотъ же балконъ и указалъ на просѣку, сквозь которую виднѣлась колокольня Ивана Великаго!

Въ молодости отецъ любилъ танцовать и въ особенности мазурку. Онъ сохранилъ отличное воспоминаніе

---

*) Бывшаго также „катихизаторомъ Московск. университета“, род. 1738 г., † 1811 г. (см. словарь Ровинскаго, стр. 1222).

о Варшавѣ. Въ старости онъ любилъ дѣлать замѣчанія на танцующихъ и нѣсколько критиковать неумѣлыхъ танцоровъ. Говорилъ, что въ его время танцовали лучше. Вальсъ à deux temps онъ совсѣмъ не признавалъ.

Передъ свадьбою въ 1837 году онъ нѣкоторое время прожилъ въ Ревелѣ, гдѣ купался въ морѣ, хотя и не былъ любителемъ морскихъ купаній. Съ нимъ жилъ тогда въ Ревелѣ Э. И. Рейнгольдъ. Помню, какъ отецъ смѣясь разсказывалъ, что въ Дворянскомъ собраніи Губернскій предводитель, кажется старикъ Кушелевъ, замѣтилъ ему по поводу его всегдашняго молчанія—что молчаніе вещь хорошая, „но,—прибавилъ онъ,—а уже такъ молчать, какъ Ваше сіятельство молчать изволите—невозможно!“ Впослѣдствіи отецъ совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Собраніе.

Любимыми операми его были: Оберонъ, Семирамида, Сомнамбула, Лучія... Онъ восхищался Rubini, Mario, Tamburini, Lablache, Grisi, Viardot, а позднѣе не любилъ ѣздить въ оперу, говоря что уже ничего подобнаго прежнему нѣтъ. Изъ фортепіанныхъ пьесъ любилъ онъ очень маленкій вальсъ Гензельта, мазурки и ноктюрны Шопена, ноктюрны Фильда и арію Stradella. Нельзя забыть, какъ эту арію исполняла пѣвица Грюнбергъ на одномъ изъ публичныхъ концертовъ нашего хора, который ей вторилъ. Любовь къ музыкѣ у отца была наслѣдственная. У бабушки Прасковьи Ивановны былъ прекрасный голосъ, и когда она пѣвала, Николай Петровичъ акомпанировалъ ей на віолончели, а Татьяна Васильевна перелистывала ноты. Всегда съ особымъ наслажденіемъ вспоминала она объ этихъ вечерахъ.

Иногда, (хотя въ послѣднее время все рѣже и рѣже) бывали у отца музыкальные вечера, квартеты, и онъ очень любилъ віолопчелиста Шуберта. Одно время онъ желалъ, чтобы Шубертъ сдѣлался моимъ преподавателемъ. Шубертъ игралъ охотно, особенно, когда ему ставили бутылку любимаго его краснаго

вина, чему отецъ всегда очень радовался. Конечно на этихъ музыкальныхъ вечерахъ неизбѣженъ былъ Ломакинъ. Изъ дамъ бывали Екатерина Владиміровна Родзянко, отличная пьянистка, Фрейлина, дочь начальницы Екатерининскаго Института, и фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева, у которой былъ прекрасный голосъ.

У отца была отличная память, любилъ онъ наизусть припоминать тирады изъ Корнеля и Расина, изъ Буало и Лафонтена, хорошо помнилъ стихи Державина и Пушкина. По французски говорилъ и писалъ безукоризненно и любилъ слушать изящную французскую рѣчь. По нѣмецки и по англійски не говорилъ вовсе. Когда отецъ служилъ въ полку, у него былъ сначала камердинеромъ, а потомъ дворецкимъ нѣкто Балдовскій, дожившій до глубокой старости, котораго въ домѣ долго, хотя и не добромъ вспоминали. Онъ пользовался большимъ значеніемъ и вліяніемъ надъ многочисленными служащими въ домѣ и въ имѣніяхъ, а также и довѣріемъ отца, которымъ злоупотреблялъ. Я еще помню Балдовскаго, приходившаго съ поздравленіями въ праздничные дни. У него былъ видъ отставного военнаго Аракчевскихъ временъ. Злоупотребленіемъ отличался не онъ одинъ, а многіе изъ сослуживцевъ его и преемниковъ. Человѣку молодому, не подготовленному къ управленію обширнымъ имѣніемъ во времена крѣпостнаго права, трудно было за всѣмъ услѣдить и усмотрѣть безъ опытныхъ и надежныхъ сотрудниковъ. Служба въ полку, а затѣмъ Польскій походъ отвлекали отца моего отъ дѣлъ; незамѣтно для него самого и помимо его воли часто распоряжались управители, люди неблагонадежные, цѣлью которыхъ было постепенное удаленіе отца отъ этихъ дѣлъ. Они занимали его второстепенными бумагами, чтобы тѣмъ легче хозяйничать въ имѣніяхъ и устраивать свои собственныя дѣла. Въ этомъ отношеніи отцу какъ-то осо-

бенно не посчастливилось. Съ самаго поступленія на службу довѣріемъ его злоупотребляли и пользовались добротою его и незнаніемъ дѣлъ и людей личности сомнительныя. Когда неблагонамѣренность становилась слишкомъ явною такъ, что и отцу бросалась въ глаза, онъ рѣшался разстаться съ этими людьми и приближалъ къ себѣ другихъ, но отъ перемѣны дѣло не выигрывало. Если припомнить, какую власть могли имѣть въ крѣпостное право подобные люди, то понятно вліяніе этихъ людей на человѣка съ характеромъ слабымъ, довѣрчивымъ и при томъ— безконечно добрымъ и щедрымъ. Эти люди доходили до того, что старались отдалить отца отъ людей, которые могли бы предостеречь или вырвать его изъ подобной среды. Они зорко слѣдили за нимъ, и когда представлялась возможность крутой перемѣны, когда онъ не разъ задумывался надъ женитьбою— они всѣми мѣрами старались отдалить такое событіе. Въ этомъ впрочемъ помогали и нѣкоторые товарищи полковые, которымъ также не было расчета видѣть отца въ большомъ отъ себя отдаленіи

Все это не мѣшало однако тому, что о свадьбѣ отца не мало было толковъ въ свѣтѣ. Была рѣчь о свадьбѣ его съ М. Н. Новосильцовой, извѣстной красавицей.

Въ 1826 году, въ Московское пребываніе во время Коронаціи Императора Николая—отецъ часто бывалъ у Шереметевыхъ, гдѣ принимали его, какъ родного. Тутъ познакомился онъ съ моею матерью, и если бы не вмѣшательство со стороны постороннихъ—по всей вѣроятности свадьба скоро бы и состоялась. Сколько разъ впослѣдствіи сожалѣлъ онъ о потерянномъ времени и о томъ, что женился поздно! Я помню разсказъ одного изъ товарищей отца, который хвалился тѣмъ, что помѣшалъ его свадьбѣ.

Насколько легко было пользоваться и злоупотреблять, можно заключить изъ того, что въ молодости,

когда отецъ былъ въ полку, у него деньги сохранялись на этажеркѣ; отдѣльными пачками лежали тогдашнія ассигнаціи, синенькія и красненькія бумажки, и соблазнъ былъ великъ, потому что контроля не было.

Товарищи отца: А. П. Бутурлинъ, Чоглоковъ, Князь Трубецкой (прозванный В. кн. Михаиломъ Павловичемъ „poupon chevalier"), Кожины, Араповы, Врасскій, Пантелѣевъ... Одно время имѣлъ на него вліяніе Врасскій, благодаря своеобразному мистическому настроенію. Я еще засталъ въ Москвѣ доживавшаго свой вѣкъ маленькаго, неблагообразнаго старичка Андрея Львова, также современника отца въ полку. У него былъ необыкновенный носъ и любилъ онъ щеголять французскими фразами. Въ шутку его прозвали „le beau Lwof." Одновременно съ отцомъ, хотя и былъ моложе его, служилъ въ полку и дядя Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Изъ сослуживцевъ и пріятелей отца въ другихъ полкахъ— довольно близки были братья Толстые, Павелъ и Николай Матвѣевичи и братья Голицыны,—Князь Левъ Григорьевичъ и такъ называемый „Ѳирсъ" Голицынъ. Они были большими любителями музыки; также гусары: Саломирскій и братья Вяземскіе, князь Прозоровскій-Голицынъ и др.

Жилъ въ Петербургѣ въ собственномъ домѣ на Фонтанкѣ, противъ Аничкова дворца, хорошо извѣстный всему Петербургскому обществу—Шишмаревъ. Это былъ типъ довольно любопытный; была у него жена, не дурна собою и всегда окруженная поклонниками. Она держала въ комнатахъ разныя банки и сосуды съ гадами и пресмыкающимся—(„для приманки!") въ то время, какъ мужъ былъ погруженъ въ карты или возился съ цыганами...

Другой домъ, совершенно иного строя, былъ домъ Дубенскихъ. Это были любители хороваго пѣнія и въ особенности церковнаго. У нихъ былъ свой прекрасный хоръ, и вліянію Дубенскихъ отецъ не мало

обязанъ развитіемъ своего музыкальнаго вкуса. Имя Дубенскихъ не должно быть забыто въ исторіи русской церковной музыки. Они оставили по себѣ въ Петербургѣ добрую память.

Въ 1830 году, когда вспыхнуло Польское возстаніе и Кавалергардскій полкъ былъ двинутъ въ Польшу, отецъ мой по болѣзни не могъ выступить одновременно съ полкомъ. Ему пришлось догонять его подъ Варшавой;—вотъ почему не присутствовалъ онъ подъ Остроленкой, хотя проѣзжалъ черезъ поле сраженія и видѣлъ слѣды ужасной рѣзни. Въ самый день взятія Варшавы—кавалергарды находились въ резервѣ, но были постоянно наготовѣ двинуться. Отцу былъ очень памятенъ этотъ день. Особенное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ первый выстрѣлъ изъ орудія на разсвѣтѣ 26 августа.

Послѣ сдачи города, отецъ прожилъ въ Варшавѣ нѣкоторое время съ полкомъ. Во время различныхъ переходовъ пришлось даже однажды перейти Прусскую границу. Отецъ шутя разсказывалъ, что и онъ бывалъ заграницей, потому что былъ въ Мемелѣ, въ Инстербургѣ и въ Тильзитѣ.

Князь А. А. Суворовъ (бывшій Петерб. Ген. губерн.) разсказывалъ мнѣ, какъ въ Польскій походъ 1830 года въ Инстербургѣ онъ нашелъ на постояломъ дворѣ блюдо пирожковъ, приготовленныхъ для моего отца; голодный, онъ обрадовался случаю и широко воспользовался ими. Въ Петербургъ отецъ вернулся съ полкомъ. Въ Вильнѣ оставались довольно долго. Губернаторомъ былъ тамъ Дмитрій Михайловичъ Обрѣзковъ.

Службою своею въ полку отецъ вообще былъ доволенъ. Послѣ Н. И. Депрерадовича Командиромъ полка былъ графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, весьма ему расположенный. Время командованія графа Апраксина было самое блестящее для полка. Шефъ кавалергардовъ Императрица Александра Ѳеодоровна

особенно благоволила Апраксину и любила полкъ. Послѣ Апраксина полкъ принялъ Генералъ Гринвальдъ, начальникъ весьма строгій и взыскательный. Вскорѣ отецъ, назначенный Флигель—адъютантомъ, покинулъ полкъ. Здѣсь познакомился онъ съ Э. Н. Рейнгольдомъ, полковымъ докторомъ, которому впослѣдствіи предложилъ переѣхать въ свой домъ и быть домашнимъ врачемъ. Рейнгольдъ родился въ Дюссельдорфѣ, сначала былъ полковымъ врачемъ въ Семеновскомъ полку, съ которымъ и участвовалъ въ Фридландскомъ сраженіи. Потомъ былъ переведенъ въ Кавалергардскій полкъ и участвовалъ въ походахъ 1812, 13 и 14 годовъ и былъ подъ Бородинымъ, когда убитъ былъ полковой командиръ Левенвольде. Онъ былъ подъ Малымъ Ярославцемъ, подъ Краснымъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ, подъ Парижемъ, словомъ—почти во всѣхъ дѣлахъ того времени. Любилъ онъ разсказывать о переходѣ черезъ Французскую границу—какъ вступали въ Pontarlier и пѣли пѣсни: „Mademoiselle, faites vous belle, votre amant viendra bientôt!...“ и пр. Впослѣдствіи онъ былъ взятъ ко двору и находился въ Таганрогѣ во время кончины Императора Александра Павловича, состоя при Лейбъ меликѣ Виллiе. Онъ же сопровождалъ Императрицу Елизавету Алексѣевну и присутствовалъ при ея кончинѣ въ Бѣлевѣ. При Николаѣ I онъ былъ Лейбъ медикомъ, хотя никогда не пользовался особеннымъ расположеніемъ Государя, не любившаго противорѣчій, а Рейнгольдъ не умѣлъ скрывать своихъ мыслей и говорилъ иногда довольно рѣзко. Хотя и отдавали ему справедливость, какъ медику, но за то нерѣдко подвергался онъ непріятностямъ. Однажды, когда Императоръ Николай захворалъ и Рейнгольдъ посовѣтовалъ ему лечь въ постель, Государь съ неудовольствіемъ возразилъ: „Я солдатъ!“ Тогда Рейнгольдъ отвѣтилъ, что ежели онъ солдатъ, то онъ какъ врачъ заставитъ его лечь въ военный госпиталь. Государь разсмѣялся и на этотъ разъ оказалъ повиновеніе.

Рейнгольдъ нѣсколько разъ лѣчилъ отца отъ трудныхъ болѣзней и до конца своей жизни прожилъ у насъ въ домѣ, гдѣ скончался въ 1867 году.

Любимою поговоркою А. П. Бутурлина было: „Дай Богъ воевать-вѣкъ шпагъ не вынимать.“ Въ одинъ день съ отцомъ произведенъ былъ и князь Н. П. Трубецкой, вскорѣ послѣ 1825 года вышедшій изъ полка. Часто собирались товарищи у отца и нерѣдко проводили время въ саду Петербургскаго дома. Въ обществѣ кавалергардскихъ офицеровъ постоянно находился знаменитый портретистъ Орестъ Адамовичъ Кипренскій, всѣ принимали его радушно, а у отца онъ былъ, какъ дома, да и нѣкоторое время жилъ у него. Кипренскій извѣстенъ былъ частыми приношеніями Вакху и никогда не отказывался отъ угощеній. Шампанское предпочиталъ онъ всему и когда пилъ, то всегда любовался пузырями шампанскаго и приговаривалъ: „Это міры, міры!.“ Онъ не предъ кѣмъ не стѣснялся, но побаивался только одной Татьяны Васильевны, къ которой очень былъ привязанъ. Она журила его за невоздержаніе, и когда бывало встрѣчалъ онъ ее у насъ въ саду, то всегда пряталъ бутылку шампанскаго за спиною.

Портретъ отца—работы Кипренскаго находится въ Страннопріимномъ Домѣ. Онъ написалъ нѣсколько женскихъ головъ, въ томъ числѣ „бѣдную Лизу,“ которыя и понынѣ у насъ сохраняются. Грустно и преждевременно кончилъ Кипренскій свой вѣкъ заграницею, еще молодымъ человѣкомъ послѣ мучительной болѣзни.

Императоръ Николай, хотя и благоволилъ къ отцу, но строго взыскивалъ за малѣйшій промахъ по службѣ. Такъ однажды въ Петергофѣ, въ праздникъ, когда сады были полны народомъ въ особенности передъ дворцомъ, гдѣ стояла гауптвахта—въ ожиданіи появленія на балконѣ Императора съ своею семьею—отецъ былъ дежурнымъ при караулѣ отъ Кавалергардскаго

полка. По существующему правилу, при появленіи Государя въ такое время на балконѣ, часовому звонить не слѣдовало и караулу выбѣгать было не нужно. Отецъ совершенно объ этомъ забылъ, и когда появился на балконѣ Государь—отецъ скомандовалъ „на краулъ!..“ Въ сильномъ гнѣвѣ Николай Павловичъ съ балкона подозвалъ отца и при всей многочисленной публикѣ распекъ его за незнаніе службы. Черезъ нѣсколько дней, однако, увидавъ отца во дворцѣ, онъ съ улыбкою спросилъ его: „Хорошо досталось?“ Но отцу было вовсе не до смѣха. Въ другой разъ Великій князь Михаилъ Павловичъ посадилъ отца подъ арестъ за то, что встрѣтилъ его въ манежѣ въ фуражкѣ.

Назначеніе отца Флигель-адъютантомъ было большею милостью потому, что число ихъ было ограничено. Еще Императрица Марія Ѳеодоровна просила Императора Александра назначить отца Флигель-адъютантомъ, но онъ ей отказалъ, сказавъ, что нужно ему еще послужить. Новое назначеніе смутило отца, никогда не любившаго придворной жизни. Онъ былъ очень радъ, что могъ еще остаться въ полку, и сожалѣлъ, когда его окончательно взяли въ свиту. Затѣмъ слѣдуетъ свадьба отца, и вскорѣ затѣмъ назначеніе въ Архангельскъ, переговоры съ Военнымъ министромъ Чернышевымъ—неудачная и неточная передача словъ, гнѣвъ Николая Павловича и отставка отца, которую Николай Павловичъ никогда не могъ ему простить.

Послѣ выхода въ отставку и въ особенности въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отецъ жилъ въ совершенномъ удаленіи отъ двора и никогда не бывалъ на выходахъ. Такъ продолжалось до кончины Императора Николая. Новый Государь, еще будучи Наслѣдникомъ, не разъ выказывалъ отцу свое расположеніе и даже однажды предупредилъ его о возможномъ неудовольствіи Государя и указалъ, какимъ путемъ

избѣжать его. Заговорили о коронаціи. Государь пожелалъ прожить нѣкоторое время въ Останкинѣ и тамъ говѣть передъ вѣнчаніемъ.

Отецъ былъ въ восхищеніи и съ особеннымъ наслажденіемъ принялся приготовлять Останкино для пріѣзда Царской семьи. Домъ былъ исправленъ и подновленъ, лучшія вещи изъ Петербургскаго и Московскаго домовъ, а также и изъ Кускова были перевезены въ Останкино, одновременно съ знаменитыми померанцовыми кусковскими деревьями, которыя разставлены были въ залѣ театра и образовали сплошной садъ. Объ этомъ убранствѣ театра нерѣдко вспоминалъ покойный Государь Александръ Александровичъ, который тогда еще былъ ребенкомъ и жилъ во флигелѣ близъ церкви. Сады были расчищены, зданія подновлены, построено новое шоссе на соединеніе съ Ярославскимъ — словомъ, все было подготовлено для достойнаго пріема. Отецъ встрѣтилъ Государя у подъѣзда и подалъ ему на золотомъ блюдѣ хлѣбъ-соль. Пребываніе продолжалось недѣлю. Каждый день отецъ приглашался къ столу. Самъ онъ жилъ въ небольшомъ флигелѣ недалеко отъ дома. Съ нимъ обращались необыкновенно любезно. Вдовствующая Императрица Александра Ѳеодоровна, не видавшая его нѣсколько лѣтъ, встрѣтила отца со словами: „Bonjour, mon ami comte Chérémeteff“. Каждый считалъ нужнымъ говорить ему разныя любезности на счетъ убранства дома. Даже Великій князь Константинъ Николаевичъ, никогда не отличавшійся вниманіемъ въ отношеніи къ отцу, котораго считалъ слишкомъ богатымъ человѣкомъ, — даже и онъ нашелъ нужнымъ отрѣзать: „Отличились, сударь!“ За то Государь и Императрица были изысканно любезны, что доставило отцу утѣшеніе, потому что онъ особенно цѣнилъ ласку и привѣтъ. Впечатлѣніе Останкина на Государя было сильное — и онъ и Императрица сохранили воспоминаніе о пребываніи

этомъ, какъ объ лучшемъ времени. Впослѣдствіи всегда въ разговорахъ съ отцемъ Государь припоминалъ Останкино. Передъ отъѣздомъ, когда отецъ провожалъ отъѣзжавшихъ гостей, Государь ему сказалъ: „Спасибо, хозяинъ!“

Хотя отцу и лестно было ежедневное приглашеніе къ обѣду, но оно его и тяготило. Онъ давно отвыкъ отъ придворной жизни, да никогда особенно и не жилъ ею. Однажды за столомъ въ Останкинѣ Императрица разговорилась съ отцомъ о постройкѣ дома и спросила у него, кто былъ архитекторомъ. Отецъ, вообще довольно разсѣянный, совершенно былъ озадаченъ этимъ вопросамъ и неизвѣстно почему назвалъ— Гваренги. Императрица сейчасъ же перебила его: „mais c'est impossible, impossible!“ И дѣйствительно не могло быть, потому что Гваренги прибылъ въ Россію позднѣе. Отцу было непріятно, что онъ не могъ назвать архитектора, а Татьяна Васильевна, когда онъ ей разсказалъ объ этомъ—ворчала и говорила ему: „Да какъ же это, батюшка, вѣдь самъ графъ Николай Петровичъ строилъ, самъ во все входилъ, а помогалъ ему Дикушевъ“ (домовый архитекторъ).

Въ 1857 году Государь и Императрица опять прожили въ Останкинѣ три дня. Отцу пожаловали Аннинскую ленту. У него уже была Станиславская съ 1856 года. Нужно было являться къ Государю, чтобы благодарить. Онъ появился съ двумя звѣздами, одну надѣлъ на другую, что совершенно внѣ всякихъ правилъ ношенія орденовъ.—Нужно было видѣть, разсказывалъ отецъ, какъ ужаснулся Оберъ гофмаршалъ графъ Шуваловъ при видѣ двухъ несовмѣстныхъ звѣздъ! Впрочемъ тутъ же все успѣли исправить. Въ Останкинѣ подписанъ Государемъ знаменательный манифестъ. Въ память своего пребыванія Государь и Императрица пожертвали икону въ церковь, которая и помѣщена надъ Царскими дверьми.

Во все это время большимъ вліяніемъ на отца поль-

зовался его chef de cuisine, или вѣрнѣе-уже тогда управитель Дюсо (Dusaux).

Никто кажется не радовался такъ пребыванію Государя въ Останкинѣ и не восхищался имъ, какъ Татьяна Васильевна. Радовалась она за отца благоволенію Государя. Мы жили тогда въ Ульянкѣ. Старушка оживилась и помолодѣла. Думаю, что и отцу это время было хорошимъ воспоминаніемъ, послѣ цѣлаго ряда безотрадныхъ годовъ. „Le château de Stankine,"—смѣялся онъ бывало, подражая выговору Дюсо и забавляясь его разсказами о пребываніи Государя. Такъ, однажды встрѣтилъ Дюсо Государя въ Останкинѣ. При видѣ незнакомаго лица Государь спросилъ: кто онъ?—Sire!—отвѣтилъ онъ съ почтительнымъ поклономъ:—„Dusaux, mâitre d'hôtel." И сколько разъ повторялъ Дюсо все тотъ же неизмѣнный разсказъ! Отецъ зналъ наизусть всѣ любимыя повѣствованія Дюсо, повторявшіяся, всегда все въ тѣхъ же выраженіяхъ. „Ah, quand j'etais chez le comte Colloredo." Это имя у него было всегда на языкѣ, а затѣмъ: „le prince Esterhazy, Mettenich, Strogonof, Stremooukof, le gros Canerine" и пр. Дюсо былъ въ домѣ еще при моей матери, но она не давала ему хода. Вліяніе его даже на хозяйственныя дѣла усилилось въ 50-хъ годахъ и закончилось его увольненіемъ въ 1857, послѣ втораго брака отца. Онъ былъ когда-то очень хорошимъ поваромъ и учился своему мастерству на кухнѣ Лудовика XVIII, гдѣ отецъ его былъ также поваромъ. Отцу самому казалось страннымъ впослѣдствіи, какъ могъ онъ подпасть подъ его вліяніе, и какъ томилъ онъ его нескончаемыми разговорами, которые всегда начинались тою же фразою: „monsieur le comte, deux mots..." Эти два слова продолжались болѣе часа.

Не могу умолчать о человѣкѣ, котораго при жизни много бранили, надъ которымъ много смѣялись, но который никому не сдѣлалъ зла и былъ хотя и со слабостями—но несомнѣнно правдивый и хорошій

человѣкъ. То былъ Самуилъ Филипповичъ Гимеръ. Странная судьба этого человѣка! Врачемъ служилъ онъ въ Саратовской губ., которой и былъ кажется уроженецъ, потомъ попалъ въ Петербургъ, гдѣ практиковалъ удачно и по отзывамъ моего преподавателя Мосягина, дальняго его родственника, пользовался въ иныхъ случаяхъ довѣріемъ. Завелись у него и экипажи и лошади, самъ онъ былъ хорошій наѣздникъ,—но вдругъ все пошло не ладно. Гимеръ сталъ нуждаться, а семья была многочисленная. Годы шли, и положеніе становилось всё тяжелѣе. Въ Москвѣ совершенно случайно встрѣтилъ онъ отца, который его поддержалъ и наконецъ далъ мѣсто домашняго врача въ Московскомъ домѣ, съ жалованьемъ и квартирою. Гимеръ уже былъ старъ и лѣнивъ, никого уже не лѣчилъ, притомъ онъ былъ необыкновенный обжора. Съ годами онъ все тяжелѣлъ и отпустил длинную сѣдую бороду. Но при всемъ томъ въ этомъ человѣкѣ были свойства добрыя. Такъ, благодарная привязанность его къ отцу моему была совершенно искренна. Для него готовъ онъ былъ на все. Мало по малу ввелось въ обычай, что ко всякому семейному празднику изъ Москвы появляся Гимеръ и нѣкоторое время гостилъ у отца—иной разъ мѣсяцъ и болѣе. Это всегда выводило изъ терпѣнія и даже изъ границъ приличія старика Рейнгольда, смотрѣвшаго на него, какъ на дармоѣда, недостойнаго званія врача. Гимеръ смиренно выносилъ выходки Рейнгольда и не обращалъ вниманія на недоброжелателей. Отцу онъ былъ полезенъ. Они вмѣстѣ ходили почти всегда по нѣскольку верстъ. Гимеръ зналъ привычки и характеръ отца и нерѣдко оказывалъ ему услугу, остерегая его отъ людей неблагонадежныхъ. Разъ даже ему пришлось остановить нечистую продѣлку по имѣніямъ и разрушить проектъ, готовившійся къ подписи отца, за нѣсколько лѣтъ до Манифеста 19 февраля. За столомъ у него былъ всегда исполинскій

аппетитъ. Все шло ладно и спокойно въ теченіе многихъ лѣтъ. Хотя онъ не былъ православнымъ, но выстаивалъ церковныя службы самыя продолжительныя въ нашей домовой церкви. Окладистая сѣдая, какъ лунь, борода придавала ему ветхозавѣтный видъ: кто то прозвалъ его „великій во патріаршѣхъ,"—такъ за нимъ и осталось это прозваніе, которое отцу очень понравилось. Но вотъ обрушилась бѣда и на его сѣдую голову, ни въ чемъ неповинную. Женскія вліянія почему-то стали ему враждебны; къ нимъ присоединились другія. Начали придираться и стѣснять его въ квартирѣ въ Воздвиженскомъ домѣ, гдѣ онъ имѣлъ неосторожность устроить на свой счетъ небольшой садикъ. Онъ жилъ въ лѣвомъ флигелѣ дома. Лишеніе его садика было первымъ для него ударомъ. Могли быть и другія причины. Словомъ, старикъ сталъ заговариваться, и собственная семья стала относиться къ нему подозрительно. Благодаря женскимъ вліяніямъ, лишили его половины содержанія, передавъ остальное въ руки его жены. Это еще болѣе усилило его подозрительность, голова его совершенно помутилась, онъ возненавидѣлъ жену и сталъ заговариваться о разводѣ съ нею, о томъ, что еще можетъ жениться; купилъ себѣ лошадь и сталъ ѣздить верхомъ. Онъ въ молодости былъ отличный ѣздокъ и любилъ бывало разсказывать о временахъ благополучія, когда у него былъ лихой конь „Амалать-бекъ." По прежнему однако пріѣзжалъ онъ къ отцу, которому было его жаль, и онъ скрытно давалъ ему деньги на руки, хотя и сознавалъ, что голова у него не въ порядкѣ. По мѣрѣ увеличенія его странностей, тѣмъ сильнѣе прывязывался онъ къ отцу, старался говорить съ нимъ наединѣ и былъ очень жалокъ, хотя по временамъ говорилъ несвязно. За нимъ стали присматривать, не допускать къ отцу. Это усилило его раздраженіе, онъ бунтовалъ, изъ себя выходилъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ послѣдняго несчастнаго его свиданія съ отцомъ въ Кусковѣ.

Пріѣхалъ я чуть ли не въ 1871 году изъ Гапсаля. Помню, какъ сидѣли мы на балконѣ втроемъ. Отецъ, графиня Александра Григорьевна и я. Дверь въ большую залу была открыта. Совершенно неожиданно вдругъ появляется въ этихъ дверяхъ Гимеръ— блѣдный, съ длинною запущенною бородою и нетвердою поступью подходитъ къ отцу. Его стерегли и долго не пускали. Но ему удалось выбѣжать изъ подъ стражи. Мы всѣ въ недоумѣніи встали. Онъ поздоровался съ отцомъ, участливо посмотрѣлъ на него и началъ говорить, но не обращаясь къ нему. Рѣчь его была тревожна, съ перерывами, иной разъ какъ будто путался, но главную мысль свою онъ высказалъ ясно. Онъ упрекалъ кого-то въ сообщничествѣ съ его женою въ желаніи его погубить. Странное было впечатлѣніе... Говорилъ почти сумашедшій,—въ эту минуту не могло быть сомнѣнія въ его ненормальности—но въ словахъ этого бѣднаго старика было столько правды, столько горечи и негодованія—сказать должно во многомъ справедливаго, что оставалось только отъ души пожалѣть о немъ. Я видѣлъ, что отецъ былъ сильно взволнованъ, что ему было больно. Но видѣлъ я и другое впечатлѣніе, слышалъ другія слова и видѣлъ, какъ эти слова окончательно зашибли старика! Не помню, какъ мы разошлись, но Гимеръ уже болѣе не возвращался въ Кусково...

Послѣ того поймалъ онъ меня однажды гдѣ-то въ Москвѣ и передалъ письмо, сказавъ, что непремѣнно желаетъ, чтобы я зналъ, кто онъ въ дѣйствительности и каковъ онъ, чтобы не помянулъ я его лихомъ, потому что ему жить осталось немного. Письмо такого же содержанія отправилъ онъ отцу. Я прочелъ его. Оно не было письмомъ сумасшедшаго. Кончалось словами: „Изъ окружающихъ Васъ, никто такъ не любилъ Васъ, какъ я, старый Гимеръ!“ Вскорѣ послѣ того онъ скончался. Бѣдный Самуилъ Филипповичъ!...

О. А. Кипренскій постоянно нуждался въ деньгахъ и только съ помощью отца удалось ему съѣздить заграницу, гдѣ онъ и умеръ. Съ Кипренскимъ вмѣстѣ отправился туда же, съ помощью отца, служащій въ домѣ истопникъ. У него было влеченіе къ живописи, и онъ, сблизившись съ Кипренскимъ, сдѣлался его ученикомъ. Фамилія его была Постниковъ. Врядъ ли кому извѣстно это имя, а межу тѣмъ у него былъ несомнѣнный талантъ, при очень однако слабомъ здоровьѣ. Развиваясь подъ руководствомъ Кипренскаго—Постниковъ вернулся изъ Италіи лишь по смерти его и опять къ намъ въ домъ, но вскорѣ сильно заболѣлъ и скончался у насъ въ домовой больницѣ. Лежалъ онъ во время своей болѣзни рядомъ съ Андреемъ Кузьмичемъ и лѣчилъ ихъ Рейнгольдъ. Одна изъ его картинъ сохранилась у насъ въ образной: Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ;—живопись хорошая. Много разсказывалъ Постниковъ Андрею Кузьмичу про житье-бытье свое съ Кипренскимъ въ Италіи, гдѣ преждевременно сгубилъ себя и погибъ Орестъ Адамовичъ. Его работы сохранился у насъ портретъ стараго библіотекаря Матвѣя Михайловича Черкасова. Онъ былъ сынъ Авдотьи Никитичны, сестры старушки Марьи Никитичны, которая была нянькой отца и которую я еще засталъ въ домѣ. Послѣ Черкасова библіотекою сталъ завѣдовать Симоненъ, или какъ въ домѣ его всѣ звали „мусью Симона.“

Нынѣшнее зданіе манежа построено сравнительно въ недавнее время: въ началѣ вѣка; тамъ, гдѣ теперь флигель, соединяющій манежъ съ домомъ, былъ при дѣдѣ моемъ такъ называемый „банный дворъ,“ а впослѣдствіи изъ квартиры нижняго этажа сдѣлана была шорная, и здѣсь-то отыскала моя мать вмѣстѣ съ дядею С. С. Шереметевымъ сѣдло Карла XII. Что это сѣдло несомнѣнно Карла XII, о томъ свидѣтельствовали старые люди, еще служившіе Петру Борисовичу и отъ которыхъ это дошло до Андрея Кузьмича. Во

всѣхъ описяхъ сѣдло это точно обозначено—но оно прежде находилось тамъ, гдѣ была оружейная. Андрей Кузьмичъ любилъ разсказывать про былое, хотя послѣднее время отъ старости нѣсколько путалъ. Вотъ своеобразный его разсказъ о говѣніи отца.

Когда отецъ готовился къ исповѣди, онъ имѣлъ обыкновеніе все записывать и духовнику свою исповѣдь читалъ. Такія тетрадки писались каждый годъ и затѣмъ передавались Андрею Кузьмичу, который почему-то хранилъ ихъ въ образной. Потомъ отецъ и забывалъ объ этихъ тетрадкахъ. Съ года на годъ, тетрадокъ накопилось цѣлая кипа, что не мало безпокоило Андрея Кузьмича. Является онъ однажды къ отцу и заводитъ рѣчь объ этихъ тетрадкахъ, что съ ними дѣлать? Отецъ говоритъ, что ихъ разумѣется нужно сжечь. Кузьмичъ возражаетъ, что сжигать ихъ неприлично и по своему объясняетъ почему именно—хотя довольно туманно. Какъ же быть?—Кузьмичъ объясняетъ, что грѣхи совершены „въ воздухѣ," а вода есть сгущенный воздухъ, слѣдовательно самое правильное—это предать грѣхи „водѣ," т. е. потопить ихъ Получивъ, конечно, согласіе, Андрей Кузьмичъ отправился на Неву съ кипою тетрадокъ, перевязанныхъ веревкой, и съ привѣшеннымъ къ нимъ камнемъ. Дойдя до середины моста, онъ озирается, какъ бы не замѣтили и не заподозрѣли его въ чемъ-нибудь дурномъ. Никто не видитъ. Андрей Кузьмичъ бросаетъ пачку въ самую середину Невы, гдѣ по его словамъ самое быстрое теченіе, и съ спокойнымъ духомъ возвращается домой.

У Т. В. Шлыковой былъ братъ Гавріилъ, занимавшійся часовымъ мастерствомъ и женатый на Марьѣ Лукиничнѣ Поповой. Отецъ и дядя послѣдней были сыновьями Чиркинскаго священника при Петрѣ Борисовичѣ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Чиркино, по словамъ Андрея Кузьмича, и въ Мещериново Петръ Борисовичъ по обыкновенію за-

шелъ въ церковь. Здѣсь увидалъ онъ двухъ красавцевъ молодыхъ людй, прибывшихъ изъ Коломенской семинаріи гостить къ своему отцу. Они настолько понравились Петру Борисовичу, что онъ взялъ ихъ къ себѣ въ домъ, велѣвъ имъ прозываться Поповыми. Одинъ изъ нихъ и былъ отцомъ Марьи Лукиничны. Старожилы, по словамъ Кузьмича, помнили торжественность пріѣздовъ Петра Борисовича въ Мещеринов. Его экипажъ сопровождали гусары, скороходы и пр. Сохранилось преданіе о красномъ сукнѣ, посланномъ будто бы изъ Мещеринова до самаго Амирова по случаю проѣзда Императрицы Екатерины. Самъ Андрей Кузьмичъ—родомъ изъ сосѣдняго съ Чиркинымъ Орѣхова, гдѣ и теперь еще здравствуютъ потомки его брата Содомовы.

Былъ у отца учитель Французскаго языка, французъ Брошье (Brochiet), котораго Simonin терпѣть не могъ. Этотъ старикъ Брошье былъ человѣкъ хорошій и кончилъ свои дни въ Стрѣльнѣ, на дачѣ у князя А. Ѳ. Орлова. Онъ былъ рыболовъ и ходилъ удить рыбу въ Лиговкѣ- „la Ligova.“ Онъ знакомъ былъ съ Анастасіей Николаевной Мальцовой еще во времена ея ранней молодости. Не разъ бывало говаривалъ онъ отцу: „Nastinka Maltsoff c'est une coquette!“ Она была тогда еще княжна Урусова и повидимому вскружила голову старику..

Въ нижнемъ этажѣ большаго нашего дома на Фонтанкѣ, тамъ гдѣ при моей матери была библіотека—жили въ дѣтствѣ своемъ „барончики“ Истровы. Ихъ было три брата—дѣти Елены Семеновны Казаковой, впослѣдствіи—Погодиной. Одинъ изъ нихъ Николай умеръ въ младенчествѣ и былъ убогій—онъ похороненъ у Лазаревской церкви. Надпись сохраняется донынѣ на наружной стѣнѣ. Братьевъ его Сергѣя и Александра Николаевичей я еще засталъ. Александра припоминаю смутно, онъ рѣдко показывался у насъ въ домѣ. Онъ преждевременно окончилъ совершенно

неудавшуюся жизнь, и хотя отецъ ему и помогалъ, но помочь было трудно. Онъ былъ артиллеристъ. Другого брата барона Сергѣя Николаевича я хорошо помню. Небольшаго роста, нервный, съ странною походкою, вслѣдствіе болѣзни ногъ, всегда нуждающійся, приходилъ онъ къ отцу за пособіемъ и получалъ желаемое. У Истровыхъ было самостоятельное состояніе, которое они растратили. Мнѣ всегда казалось, что Татьяна Васильевна не любила Истровыхъ. Помнится мнѣ однажды, какъ у дверей моей комнаты слышны были громкіе голоса. Выхожу и вижу въ передней С. Н. Истрова, который желалъ меня видѣть. Тутъ же Татьяна Васильевна въ дверяхъ упрекаетъ его за что-то и очень волнуется. Въ другой разъ поспорила она съ нимъ въ Ульянкѣ, за что-не помню, но вижу взволнованнаго Сергѣя Николаевича, который внѣ себя говоритъ: „Пусть она вспомнитъ, что мой благодѣтель вмѣстѣ съ тѣмъ и ея благодѣтель!“ Однако же дочь Сергѣя Николаевича, Любовь Сергѣевна нерѣдко посѣщала и даже живала у Татьяны Васильевны на Ульянкѣ. У Сергѣя Николаевича была страсть къ стихамъ, онъ все сочинялъ и посылалъ ихъ къ отцу. Другая дочь его Софія вышла за Поляка Пеніонжека и выселилась заграницу.

Послѣ втораго брака отца (1857) поселилась у насъ въ домѣ старая дѣва Швейцарка, родомъ изъ Cossonay, нѣкая M-lle Wulliens. Давно жила она въ Россіи въ гувернанткахъ, но попала въ нашъ домъ въ качествѣ учительницы французскаго языка... Всегда она была со странностями, угловата и рѣзка, но въ сущности женщина не дурная, способная дать добрый совѣтъ, предостеречь и помочь. Отцу моему она была предана искренно, ко мнѣ расположена. Совершенно одинокая, замкнутая жизнь (у нея даже не было дѣвушки), волненія и безпокойства отъ домашнихъ дрязгъ мало по малу омрачили ее до того, что

она стала подозрительна. Почему-то ей вдругъ показалось, что у нея есть недоброжелатели въ домѣ, что ее хотятъ обокрасть,—чего добраго убить или отравить. Особенно все это стало замѣтно въ одинъ изъ отъѣздовъ отца съ графинею А. Г. въ Москву. Главное недовѣріе ея пало на смотрителя Ульянки Артемія Бондарева, стараго слуги Татьяны Васильевны: „Bondref, Bondref!“ повторяла она: „oh, c'est un miserable!“ Она запиралась на замокъ, по ночамъ не спала, караулила дверь и стерегла свою комнату отъ вторженій Бондарева и его клевретовъ. Наконецъ начала она и заговариваться. То ей мерещилась Королева Викторія, которая гуляла въ саду, то какіе-то злые люди— враги ея, моего отца и мои. Я видѣлъ, что съ нею неладно и въ откровенномъ письмѣ въ Москву, думая предостеречь, разсказалъ, что дѣлается съ Mlle Wulliens. Вскорѣ ее вызвали въ Москву—и что же? Показали ей мое письмо цѣликомъ. Произошло то, что—всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Новый ударъ нанесли на больную голову, и она окончательно помутилась. „Какъ—, могла она подумать: она защищаетъ отъ недоброжелателей, мнѣ сочувствуя, и она же во мнѣ видитъ „распространителя злой клеветы!“ Когда вернулась въ Петербургъ — она рѣзко измѣнилась въ обращеніи со мной, не только избѣгала разговоровъ, но даже испуганно отскакивала, когда я подходилъ. Она стала говорить, что я умеръ, и что она видѣла другаго человѣка, который похожъ на меня, но котораго она знать не хочетъ. Когда я женился, она не признавала моей жены и твердила, что это все шутки, что въ домъ пріѣзжаетъ какая-то англичанка. Словомъ, она совершенно помѣшалась, и помѣшательство ея не было тихое. За столомъ она вдругъ бывало закинетъ голову, схватитъ ножъ, точно защищаясь отъ нападеній. Сидѣть за однимъ столомъ съ ней было жутко. Страннымъ образомъ, однако, всего этого было мало,

чтобы признать, что въ письмѣ моемъ я вовремя предупреждалъ о болѣзни. Отцу моему она давно казалась странною, но съ нимъ она была необыкновенно кротка, послушна и тиха. Всѣхъ она подозрѣвала—а его все еще хотѣла оберегать и защищать. Гроза наконецъ разразилась. Случилось что-то странное въ ея комнатѣ. Она по прежнему никого не впускала—но войти было нужно. Она воспротивилась. Тогда только поняли, что она безумная. Въ дверь ея вломились, и трое силачей еле справились съ нею и увели. Врачи объявили, что въ домѣ ей долѣе оставаться невозможно. Съ ней уже начались припадки бѣшенства. Несчастную увезли на родину, гдѣ и водворили. Что съ нею сталось, мнѣ неизвѣстно.

Одною изъ главныхъ ея „bête noire“ была нѣкая Анна Львовна Трунева: „oh cette Anna Lvovna!“— твердила несчастная „мамзель“ (такъ называлась она въ домѣ): „prenez garde...“ Анна Львовна была одна изъ тѣхъ, фамиліи которыхъ долго не спрашиваютъ. Случайно узнали, что фамилія ея Трунева. Общественное ея положеніе было—роль собесѣдницы въ Потемкинскомъ домѣ у престарѣлой Софіи Борисовны Полтарацкой. Съ 1857 года—когда началось сильное сближеніе Потемкинскаго дома съ нашимъ— появилась къ намъ и Анна Львовна. Вскорѣ объяснилось, что она дальняя родственница Мельниковымъ. Впервые показалось она на крестинахъ брата въ 1859 году, и первое впечатлѣніе ея на отца моего было непріятное. Мало по малу, съ Анной Львовной началось сближеніе—вскорѣ она сдѣлалась существомъ необходимымъ, и даже лѣтомъ нельзя уже было уѣзжать въ Москву безъ Анны Львовны, Софія же Борисовна Полторацкая довольствовалась ея обществомъ зимою. Впрочемъ, все дѣлалось съ обоюднаго согласія и ко взаимному удовольствію. Анна Львовна—другъ монаховъ, монахинь, странниковъ; кого она не знавала, кого не провела

въ нашъ домъ изъ Потемкинскаго общежитія! Не чужды ей стали и семейныя дѣла, а сближеніе съ домашнею администраціею придавало ей иное значеніе. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ—но ничто не вѣчно подъ луною... Анна Львовна вдругъ перестала ѣздить въ нашъ домъ и прекратила всѣ сношенія... Только отецъ мой, успѣвшій привыкнуть къ ней, былъ опечаленъ. Анна Львовна, отлично изучившая его характеръ, умѣла занять его разговоромъ и пріобрѣла полное его довѣріе. Въ минуты заботъ и волненій онъ повѣрялъ ей многое. Въ его годы трудно было прекратить сразу и безъ видимой причины привычныя сношенія съ лицомъ, которое—нужно отдать справедливость — относилась къ отцу съ уваженіемъ и сочувствіемъ. Отецъ негодовалъ на такой быстрый и необъяснимый перерывъ сношеній, казавшихся прочными и надежными.

Не мнѣ упрекать Анну Львовну въ ошибкахъ и уклоненіяхъ отъ единственно возможнаго въ подобныхъ случаяхъ правила—строгаго невмѣшательства, но несомнѣнно то — что она была благодарна отцу и въ послѣднее время даже полезна, какъ нравственная опора. Послѣ нея—онъ остался одинокъ... Отецъ сознавалъ свое одиночество, свое безвыходное положеніе. Все это ускорило его конецъ. 12 сентября 1871 г. связано съ предшествовавшимъ. Послѣдствія стали неумолимо ясны, и все завершается событіемъ 20 декабря 1873 г. . . . . .

. . . . . .

Вотъ еще „видѣніе“, правда „мимолетное“, уже въ послѣднихъ годахъ жизни отца. Вслѣдъ за Анной Львовной сталъ понемногу показываться у насъ въ домѣ нѣкій „Кузьма Ефремовичъ“. О немъ я ничего другаго добиться не могъ, какъ только то, что его зовутъ „Кузьма Ефремовичъ“. Небольшаго роста, бѣлокурый, съ виду болѣзненный, неловкій—онъ казался святошею и въ церкви во время службы такъ

стоналъ, что обращалъ на себя вниманіе. Бывало изъ образной, куда почему-то проходилъ онъ, доносились его стоны. Но опять произошло что-то необъяснимое, и Кузьма Ефремовичъ исчезъ у насъ навсегда! Его и слѣдъ простылъ.

Когда отецъ еще служилъ въ полку, къ нему является однажды молодой офицеръ, совершенно ему неизвѣстный,—докладываютъ, что по весьма нужному дѣлу. Отецъ принялъ его въ комнатѣ, которая потомъ называлась „Этрурская". На вопросъ, что ему нужно, оказалось, что офицеръ нуждался въ деньгахъ. Потребная сумма была довольно значительна. Отецъ объясняетъ, что такой суммы у него свободной нѣтъ, но проситель настаиваетъ и наконецъ вынимаетъ пистолетъ и прицѣливается, требуя денегъ. Офицеръ оказался не вполнѣ нормальнымъ, отецъ благополучно спровадилъ его отъ себя, но тотъ продолжалъ его преслѣдовать и караулилъ его на улицѣ. Съ трудомъ отъ него отдѣлались. Бывали странныя приключенія у отца съ просителями. Такъ, кому-то изъ знакомыхъ его понадобилась карета. Отецъ предложилъ свою, тотъ выпросилъ ее на день—но уже карета эта никогда къ отцу не возвращалась. Отецъ же не хотѣлъ подымать дѣла.

Онъ никогда не игралъ въ карты и не имѣлъ понятія объ игрѣ. Видъ карточныхъ столовъ наводилъ на него уныніе, и дома у насъ такихъ столовъ и въ заводѣ не было. Въ молодости онъ, говорятъ, очень недурно игралъ на билліардѣ, но однажды проигралъ значительную сумму А. И. Сабурову и съ того дня не бралъ кія въ руки. Впрочемъ, съ Сабуровымъ они были пріятелями. Уже въ молодости послѣдній извѣстенъ былъ страннымъ выговоромъ и неумѣньемъ произнести букву „л". Онъ былъ весельчакъ и балагуръ—отчасти музыкантъ, любилъ подпѣвать разныя аріи въ веселой компаніи. Отецъ не разъ вспоминалъ пѣніе Сабурова:

„Терешка изъ за кустика
Кричитъ: Катя, постой!..“

А потомъ добавлялъ какъ-то особенно протяжно и картаво:

„Катюша испуга-альася.“...

На моей памяти Сабуровъ пригласилъ отца къ себѣ въ домъ на Мойку, чтобы показать ему его отдѣлку. Совершенно неожиданно Сабуровъ подвелъ отца къ постели и предложилъ ему сѣсть; когда онъ это исполнилъ, изъ за кровати раздалась музыка, и кровать двинулась по комнатѣ...

Въ молодости отецъ самъ пѣвалъ въ обществѣ. Ему особенно удавалось пѣніе дуэта Варлаамова— „Пловцы“. Однажды пригласили его на вечеръ для пѣнія, онъ отправился съ нотами, но по разсѣянности ошибся этажемъ и попалъ къ совершенно незнакомой дамѣ. Когда разъяснилась ошибка, и дама узнала, что съ отцомъ ноты для пѣнія—она просила его пропѣть съ нею, и кончилось тѣмъ, что отецъ провелъ у нея весь вечеръ и вовсе не попалъ къ тѣмъ, которые его звали.

Въ молодости отецъ увлекался балетомъ. У него было вмѣстѣ съ товарищемъ его Чоглоковымъ абонированнное мѣсто въ креслахъ. Онъ восхищался когда-то знаменитой Истоминой и любилъ вспоминать о ней стихи Пушкина:

„Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена—
Стоитъ Истомина“... и пр.

И онъ же приговаривалъ впослѣдствіи:

„Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ“...

Старикъ Нупат, сынъ часовщика Императрицы Екатерины и самъ придворный часовщикъ, каждую субботу являлся къ намъ въ домъ для заводки часовъ. Добросовѣстный и добрый старикъ, съ совершенно лысою головой, приходилъ онъ даже въ глубокой ста-

рости съ прежнею точностью. Онъ любилъ поговорить, и разговоръ его былъ занимательный и пріятный. Отъ отца своего наслѣдовалъ онъ отличную библіотеку, которая распродана послѣ его кончины. Были у него и бумаги временъ Екатерины, въ томъ числѣ и собственноручныя ея записки и письма. Была у него и прекрасная коллекція англійскихъ каррикатуръ. Его особенно любили въ семьѣ Принца Ольденбургскаго и горячо заступились за него, когда его постигло горе. Впослѣдствіи мнѣ достались случайно нѣкоторыя книги изъ библіотеки старика Гейнама. Отецъ и Татьяна Васильевна его очень любили. Ежегодно 11 іюня въ церкви Св. Петра Митрополита, что рядомъ съ дачей Ульянкой, служилась заупокойная литургія и паннихида по моей матери, въ присутствіи отца и Татьяны Васильевны Шлыковой. Мы переходили во время паннихиды на середину церкви, и о. Степанъ Нечаевъ служилъ очень чинно. Отецъ, знавшій наизусть стихиры, всегда имѣлъ обыкновеніе подпѣвать и, какъ теперь, слышу его чистый и вѣрный голосъ, вторящій о. Степану. Служба этого дня и участіе отца всегда производили на меня глубокое впечатлѣніе, и не смотря на кажущееся отдаленіе, чувствовалась особенно сильно въ этотъ день нерушимая связь съ прошедшимъ.

Въ эти дни отецъ нерѣдко говорилъ мнѣ о моей матери, но самый знаменательный разговоръ съ нимъ о ней былъ у меня тотчасъ послѣ кончины Татьяны Васильевны.

У послѣдней было всегда обычное свое мѣсто въ церкви Св. Петра Митрополита около праваго аналоя, близъ рѣшетки клироса. Около нея стоялъ обычный старомодный круглый стулъ краснаго дерева, который теперь у меня. Особенно торжественно справляли праздникъ Петра Митрополита.-Служба архіерейская, пѣніе прекрасное. Хоръ нашъ помѣщался въ сосѣдней

церковной дачѣ. Все совершалось по чину и торжественно. Потомъ обычный обильный завтракъ у о. Стефана и неизбѣжная кулебяка,—„попадьинъ пирогъ,“ какъ говорила Татьяна Васильевна. Помню служеніе Петербургскаго викарія, преосвященнаго Христофора, котораго особенно уважала Татьяна Васильевна.

Послѣдніе годы своей жизни отецъ проживалъ каждое лѣто въ Кусковѣ. Не легко было ему привыкнуть къ этой перемѣнѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не любилъ Кускова и всегда бывало омрачался, когда говорили о немъ. Отецъ болѣе всего привыкъ къ Ульянкѣ, гдѣ провелъ все дѣтство и молодость, и очень любилъ Останкино, съ которымъ связаны были свѣтлыя воспоминанія. Кусково напротивъ того ему всегда казалось мрачнымъ. Жили здѣсь какъ-то странно—принимали гостей, но и гости эти также были какіе-то странные. Удивляешься бывало, откуда и почему попали сюда извѣстныя лица. Къ кому они пріѣхали и зачѣмъ? Тутъ можно было встрѣтить прежде всего монашествующихъ обоего пола, но эти по крайней мѣрѣ появлялись съ цѣлію опредѣленною. Разные приживалки и странники находили временный пріютъ въ Кусковѣ. Тутъ же появлялось откуда-то существо довольно неопредѣленное, не то монахиня, не то свѣтская дама—но находящаяся подъ обаяніемъ рясы. У нея великое множество приживалокъ. По ея слѣдамъ проникали въ Кусково какія-то дѣвицы въ маломъ постригѣ и также весьма неопредѣленнаго положенія. Памятна мнѣ одна какая-то „Агнія“ въ полуманашеской одеждѣ. Посмотришь на нее—водой не замутитъ, сидитъ за работой, словечка не проронитъ и глаза опущены—но видимо слѣдитъ за разговорами, все знаетъ, и все исправно передаетъ кому слѣдуетъ, перекочевывая изъ дома въ домъ. И въ этомъ мірѣ странницъ и богомолокъ, среди монаховъ и послушницъ, какъ сыръ въ маслѣ, катается

степенная женщина, себѣ на умѣ, невозмутимая, но многоопытная, прошедшая черезъ огонь и воду, обладательница безпримѣрнаго по величинѣ носа— Марья Михайловна Степанова. А тутъ же и князь Несвицкій, членъ Московскаго Англійскаго клуба, весельчакъ и старый франтъ, съ молодцоватыми ухватками, въ сущности пустѣйшее существо, появлявшійся въ Кусковѣ въ качествѣ „друга“ Анны Львовны. Какой-то нѣмецъ Фидлеръ, туманный педагогъ и одна наставница, старикъ Любецкій—„исторіографъ“ окрестностей Москвы, служащіе въ Странно-пріимномъ Домѣ, родственники и пріятели живущихъ въ домѣ, Л. С. Натарова съ сыномъ, управляющіе, почтенный Генрихъ Ивановичъ Левбергъ, какъ бы потерянный въ чуждой ему средѣ, и самъ управитель Кускова и Останкина, пылкій и порывистый администраторъ, бросающійся всякій разъ къ отцу, когда думаетъ, что онъ ему нуженъ.

Никогда не забуду тяжкаго впечатлѣнія перваго моего пріѣзда въ обитаемое Кусково. Появляюсь вечеромъ, всѣ сидятъ въ ковровой гостиной. Тускло горитъ лампа подъ темнымъ абажуромъ. Д. А. Яньковъ читаетъ вслухъ романъ—„Петербургскія трущобы.“ Отецъ не сидитъ, онъ видимо скучаетъ и ходитъ изъ комнаты въ комнату. Пріѣздъ мой остановилъ чтеніе. Немного погодя, отецъ увелъ меня изъ гостиной и довелъ до бывшей спальни, гдѣ стояли гардеробные шкафы. „Все по старому,“— какъ-то вопросительно сказалъ мнѣ отецъ—проходя по комнатамъ; онъ не любилъ перемѣнъ и какъ будто успокоивалъ себя, что дѣйствительно все по старому...

Воспитатель отца Simonin былъ оригинальный и нѣсколько таинственный старикъ. Прибылъ онъ въ Россію во время революціи и принесъ съ собою изъ Франціи ружье. Безъ сомнѣнія онъ былъ эмигрантъ— но объ себѣ онъ никогда не говорилъ и казался безъ рода и племени. Онъ былъ близокъ Данауровымъ

и Плещеевымъ, а потому хорошо извѣстенъ двору Императрицы Маріи Ѳеодоровны и лично знакомъ съ Великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Павловичами, когда они были еще молодыми людьми. До глубокой старости сохранилъ онъ необыкновенную живучесть и молодость чувствъ: „le coeur ne vieilli jamais,“—говаривалъ онъ. Такъ, пристрастился онъ на старости лѣтъ къ тетушкѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ, которая тогда еще не была замужемъ. Когда она сдѣлалась невѣстою Дёлера, онъ сталъ ревновать. Это доходило иногда до смѣшнаго. Узнавъ, что она выходитъ замужъ и что это совершенно рѣшено, онъ въ сердцахъ за обѣдомъ швырнулъ тарелкой въ мою мать и пришелъ въ необыкновенное волненіе. Когда тетушка жила на Ульянкѣ, она часто играла съ старикомъ въ tric trac Въ день свадьбы онъ встрѣтилъ молодыхъ, гуляющихъ по Невскому, и отвернулся отъ нихъ, не поклонившись. Русскій языкъ онъ коверкалъ невообразимо. Такъ, нанимая извощика къ бабушкѣ Варварѣ Петровнѣ, онъ говорилъ: „Я ѣду на matuschka графа“ и удивлялся, что его не понимали; „malheureux!“—кричалъ Simonin, когда сердился на отца; особенно въ молодости онъ не долюбливалъ нѣкоторыхъ его товарищей и предостерегалъ отца отъ декабристовъ; былъ страстный библіофилъ и любитель монетъ и разныхъ физическихъ инструментовъ, самъ даже составлялъ ихъ и любилъ ходить на толкучку, за безцѣнокъ покупая тамъ всякую всячину. Послѣ смерти, наслѣдниковъ не оказалось, и имущество его взято было въ посольство. Императоръ Николай, увидавъ его въ день свадьбы отца, ласково сказалъ ему: „ancienne connaissance;“ Великій Князь Михаилъ Павловичъ любилъ съ нимъ шутить: „Simonin!“ — говоритъ онъ ему однажды: „jè vous ai rencontré daus une rue scabreuse!“ Онъ встрѣтилъ его на Мѣщанской. Старикъ оборонялся и въ свою очередь упрекалъ

Великаго князя, а тотъ хохочетъ. Съ Татьяной Васильевной они были друзья. Въ Ульянкѣ приносилъ онъ ей грибы: „Рыжи, рыжи,“—говорилъ, онъ подавая ей корзину рыжиковъ. На старости у него была постоянная привычка харкать и отплевываться. Можно было всегда узнать заранѣе о появленіи Simonin. Ходя по комнатамъ, онъ то и дѣло стучалъ плевательницами и харкалъ. Скончался онъ въ 1850 году.

Странные типы являлись иногда къ отцу моему и пользовались его расположеніемъ. Къ такимъ принадлежалъ Петръ Кирилловичъ Соловьевъ, уже упомянутый нами „Соловей.“ Неизвѣстно, гдѣ и когда отецъ съ нимъ познакомился, вѣроятнѣе всего въ Москвѣ. Соловьевъ имѣлъ какія-то музыкальныя претензіи, когда-то онъ пѣвалъ и былъ даже регентомъ пѣвческаго хора въ Москвѣ. Самъ онъ о себѣ говорилъ, что у него былъ голосъ „обритонъ.“ Онъ былъ человѣкъ ловкій и остроумный острословъ. Его привязанность къ отцу была искренняя, и онъ понималъ его лучше многихъ другихъ. Въ качествѣ полуюродиваго онъ позволялъ себѣ довольно смѣлыя замѣчанія и сужденія, и все сходило ему съ рукъ. Вмѣшиваясь иногда въ дѣла управленія и даже семейныя, онъ всегда такъ ловко умѣлъ выворачиваться, что никогда не попадался; выражаясь иносказательно, никогда не заговаривался и искусно избѣгалъ всякаго опаснаго столкновенія. Для него отецъ придумалъ мѣсто надзирателя за старухами Невской богадѣльни, чѣмъ онъ оставался до самой кончины отца. Послѣдніе годы прожилъ онъ на покоѣ въ Останкинѣ, гдѣ продолжалъ заниматься давнею своею охотою—разведеніемъ канареекъ. Онъ воспитывалъ и обучалъ ихъ пѣнію. Были у него и такія канарейки которыя пѣли: „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ!“—Эта была необычайная рѣдкость. Въ темной комнатѣ игралъ онъ бывало на особой дудочкѣ, такъ что всѣ

его канарейки пѣли совершенно особымъ голосомъ. Обыкновеннаго пѣнія онъ не признавалъ и сравнивалъ его съ непечатнымъ словомъ. Не разъ бывали мы у него, когда онъ еще жилъ на Калашниковой набережной и позднѣе въ Останкинѣ. Разговоръ его былъ очень своеобразенъ, и онъ могъ быть забавнымъ. До конца дней дорожилъ онъ памятью прошлаго и въ сужденіяхъ его было много правды. Отецъ всегда веселѣлъ въ его присутствіи.

Г. Я. Ломакинъ жилъ очень долгое время во флигелѣ, примыкающемъ къ Екатерининскому институту, и только послѣднія десять лѣтъ прожилъ въ другомъ зданіи, близъ дома сосѣдки, графини Е. Д. Кушелевой Эта первая квартира мнѣ очень памятна. У него бывали музыкальные вечера, весьма оживленные и интересные. Когда-то, но не на моей памяти, на этихъ вечерахъ бывали у него такія знаменитости—какъ Глинка. Ломакинъ находился въ сношеніяхъ съ пріѣзжими артистами, которые большею частію бывали у насъ въ домѣ. Нашъ хоръ имѣлъ европейскую извѣстность. — Памятны: віолончелистъ Шубертъ, скрипачъ Пиккель, бывалъ и Князь Одоевскій. Связи съ домомъ Віельгорскихъ были постоянны, хотя отецъ почти никогда не выѣзжалъ. Зная пристрастіе отца къ пѣнію, Ломакинъ приглашалъ къ себѣ и пѣвицъ, но вечера у отца бывали не менѣе интересны. Тогда въ обществѣ было гораздо болѣе настоящихъ любителей и любительницъ. На этихъ вечерахъ появлялись иногда и солисты нашего хора и пѣли свѣтскіе романсы. Такъ, помню я, тенора Евсѣева, который пѣлъ весьма недурно арію Марты: „Ангелъ мой, образъ твой, даръ небесъ, вдругъ исчезъ,“ и съ особеннымъ порывомъ взывалъ: „Марта, Марта, гдѣ ты скрылась!“ Отецъ очень любилъ эту арію.

Почтенныя семьи Путятиныхъ и Кобылиныхъ иногда приглашали отца на свои вечера. Это не было

такъ называемое великосвѣтское общество, а то— обычное общество почтенной дворянской семьи, проводившей лѣто въ деревняхъ—общество разнообразное, не напыщенное, не англизированное и не офранцуженное,—а коренное Русское, безъ особыхъ затѣй, но гостепріимное, простое, добродушное, любившее правда и поиграть за зеленымъ столомъ—но готовое наслаждаться пріятною музыкой и пѣніемъ; вечера эти заканчивались непринужденною трапезою, гдѣ господствовало старое русское хлѣбосольство, и шла живая бесѣда объ интересахъ и людяхъ, давно уже исчезнувшихъ—обмѣнъ впечатлѣній и воспоминаній прошлаго. На этихъ вечерахъ неизмѣнно бывалъ давній любитель и цѣнитель всѣхъ музыкальныхъ знаменитостей и начинающихъ талантовъ—старый морякъ Владиміръ Петровичъ Опочининъ. Самъ онъ еще обладалъ прекраснымъ голосомъ и оживлялъ все общество пѣніемъ любимыхъ романсовъ Даргомыжскаго, Варламова, Булахова и Глинки. Отецъ любилъ старые романсы, напоминавшіе ему молодость. Я еще слышалъ, какъ и на этихъ вечерахъ отецъ оживлялся и подпѣвалъ, не смотря на обычную скромность свою и значительную слабость голоса. Но онъ не могъ удержаться, чтобы не подойти къ фортепіано и не повтóрить кому-либо изъ пѣвшихъ, когда пѣніе ему нравилось. На этихъ вечерахъ бывала Г. Крюковская, у которой былъ небольшой, но очень пріятный голосъ. Особенно памятенъ мнѣ вечеръ у Александры Васильевны Путятиной, на которомъ игралъ на цитрѣ Киттель. Отецъ, никогда не игравшій въ карты, заслушался цитры. Грустный, пѣвучій, страстный и раздирающій иногда переливъ струнъ, въ искусной игрѣ Киттеля производилъ дѣйствительно небыкновенное впечатлѣніе. Кто постигъ всю прелесть такихъ вечеровъ, кто испыталъ это необычайное впечатлѣніе и чувствомъ своимъ способенъ былъ вторить этимъ вдохновительнымъ звукамъ, тому уже трудно быть лишен-

нымъ этого высокаго и чистаго наслажденія.—Тотъ ощущаетъ бѣдность и тоску въ раззолоченныхъ гостиныхъ нынѣшняго времени, среди скучающихъ двигающихся тѣней, среди сановниковъ или золотой молодежи за зелеными столами.....

А вотъ и другое время. Въ Ульянкѣ, въ большой и необыкновенно звучной залѣ толпятся гости. Полна и сосѣдняя гостиная. Только что кончился одинъ изъ именинныхъ обѣдовъ на большомъ балконѣ. Настроеніе у всѣхъ непринужденное и веселое. Отецъ радуется и вполнѣ доволенъ, что угостилъ гостей на славу.—„Кажется хорошо кушали,“—говоритъ онъ мнѣ весело вполголоса, обычною быстрою своею походкой обходя гостей. Но нельзя же разойтись безъ музыки. Тутъ и Ломакинъ и кое—кто изъ любителей. Общество разнообразное, всѣ чувствуютъ себя хорошо, никто никому не мѣшаетъ Обычные посѣтители: доктора, члены уѣздной полиціи, становой и исправникъ, служащіе въ конторѣ, городскіе и сельскіе іереи, сосѣди по Петергофской дорогѣ, монахи Сергіевской пустыни и, какъ теперь вижу, голосистаго іеродіакона отца Павла. По тучному и жирному лику его, по багровому цвѣту лица—замѣтны несомнѣнные признаки полнаго удовлетворенія. Добродушная улыбка его остановилась на развязномъ и нѣсколько всклокоченномъ пѣвцѣ Радонежскомъ. Послѣдній тогда еще только появился и надѣялись на него, какъ на будущую знаменитость—но надежды эти не оправдались. Пріятнымъ баритономъ поетъ Радонежскій доступную и не хитрую пѣсню: „Ахъ морозъ, морозецъ—молодецъ ты русскій!“ Внимаютъ ему сочувственно всѣ гости, дамы, монахи, священство, чиновники и домочадцы, и всѣ расходятся потомъ, довольные и веселые, а всего болѣе хозяинъ. И на этихъ вечерахъ все было при этомъ чинно и патріархально, и ни одной невѣрной ноты не звучало въ этомъ смѣшанномъ обществѣ...

Издавна жилъ у насъ въ домѣ нѣмецъ Иванъ Ивановичъ, по фамиліи Ланге. Учился онъ въ Petri Schule и еще при моей матери былъ завѣдующимъ виннымъ погребомъ. Онъ прожилъ въ домѣ до шестидесятыхъ годовъ и не отличался быстрыми способностями. Его дѣло было не сложное. Хранить вино и на большихъ обѣдахъ быть главнымъ виночерпіемъ, выговаривая названія винъ отборнымъ французскимъ языкомъ. Худой, блѣдный бѣлокурый, онъ появлялся въ безукоризненномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, съ достоинствомъ обносилъ онъ напитки гостямъ; беззвучно и осторожно приближаясь къ послѣднимъ, онъ произносилъ наклоняясь къ уху: „Côte rotie"— „Ermitage или Malaga-Pedro-Ximenes" И было въ его голосѣ что-то убѣдительное, и чувствовалось полное безсиліе отказа. Онъ не отличался распорядительностью и пришлось съ нимъ разстаться. Такъ, однажды на сдѣланное ему замѣчаніе онъ отвѣтилъ уже мнѣ письменно; изложивъ четкимъ и красивымъ почеркомъ обстоятельства дѣла, онъ заключилъ письмо словами: „Errare humanum est."

Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій любилъ бесѣдовать съ нимъ и находилъ въ немъ задатки и обличіе австрійскаго дипломата Меттирниховской школы. Ланге любилъ щегольнуть своими историческими познаніями. Такъ, однажды, когда Павелъ Петровичъ, объясняя какому-то посѣтителю, чьи именно висѣли у него историческіе портреты, назвалъ Императрицу Елизавету Петровну, стоявшій по близости Ланге мягко поправилъ его, пояснивъ, что судя по очертанію груди—это должна быть Анна Іоанновна. Замѣчаніе это, хотя слегка озадачило, но все-таки чрезвычайно понравилось князю. Въ послѣдніе годы при отцѣ Ланге совершенно измѣнился и одряхлѣлъ.

Погребъ нашъ славился изстари, въ старыхъ описяхъ хранятся слѣды фряжскихъ винъ. При отцѣ лучшія вина были рòспиты. Когда-то славились бургонскія

вина и сладкія десертныя, донынѣ сохранившіяся. Токайское, венгерское и даже нигдѣ уже не существующее итальянское вино: „Tinto di Rota.“

Еще издавна, со временъ дѣда, славились наши повара, большею частію русскіе. При дѣдѣ былъ правда нѣмецъ Горнъ, горчайшій пьяница, который сопровождалъ его въ путешествіяхъ. Въ 40-хъ годахъ появился въ домѣ въ качествѣ: chef de cuisine Jean Paul Dusaux. Братъ его содержалъ извѣстный ресторанъ на Большой Морской. Онъ надоѣдалъ мнѣ своими ежедневными посѣщеніями и резонерствомъ съ Rouget. „J'ai été chez le petit,“ потомъ докладывалъ онъ отцу. У него помощниками были Кузнецовъ и Брюхоненко, оба замѣчательные повара. Брюхоненко прославился впослѣдствіи, какъ поваръ Московскаго Генералъ губернатора Князя Долгорукова. Это былъ настоящій художникъ Въ Москвѣ у отца былъ также замѣчательный поваръ Щеголевъ. Въ домѣ долгое время держался квасникъ Загребинъ, а еще раньше былъ медоваръ Житковъ, и меды наши славились. Засталъ я и домашняго кондитера—дряхлаго старика Пряхина—но это уже была развалина. На конюшнѣ былъ „шталмейстеръ“ Томилинъ, перемѣнившій фамилію, чтобы въ немъ не признали родного брата стоявшаго у воротъ сторожа Бадрова. Онъ носилъ форму съ свѣтлыми гладкими пуговицами и не отличался трезвостью.

Съ дѣтства помню на конюшнѣ отборныхъ лошадей нашего Тульскаго завода села Серебряные Пруды. У моей матери былъ памятный мнѣ цугъ рыжихъ лошадей. Тогда еще ѣзжали съ форрейторомъ, что было очень красиво. Такимъ форрейторомъ былъ Чебоксаровъ. Былъ и цугъ караковыхъ и гнѣдыхъ. Завода отца были знаменитые рысаки: „Роландъ“, „Бурбонъ,“—извѣстные всѣмъ любителямъ и знатокамъ.

При домашней больницѣ состоялъ подлѣкаремъ Васильевъ—„Wasili,“ какъ называлъ его старикъ

Рейнгольдъ. Отецъ къ нему привыкъ, и онъ сопровождалъ его въ дорогу. Лѣтомъ на Ульянкѣ—Васильевъ отличался за всенощной чтеніемъ шестопсалмія и вообще щеголялъ имъ. Помню, какъ отчеканивалъ онъ: „Возьмите врата князи ваши и возьмитеся врата вѣчная,—и внидетъ Царь Славы. Кто есть сей царь Славы?—Господь силъ той есть Царь Славы!"... Онъ былъ внимателенъ и дѣйствительно хорошо ухаживалъ за больными. Смутно помню въ дѣтствѣ въ Москвѣ какого-то Пимена Семеновича Дѣлорадова Онъ также былъ подлѣкаремъ, держалъ голову на бокъ и казался довольно дряхлымъ. При домовой церкви Знаменія въ Москвѣ былъ смотрителемъ Кравцовъ, братъ камердинера, серіознаго вида человѣкъ и вовсе не разговорчивый. Подлѣкари изстари играли въ домѣ видную роль еще со временъ Петра Герасимовича. „Petr Garassimovitch—millefolium", наказывалъ ему постоянно одинъ изъ врачей пріятель дѣда изъ знаменитостей временъ Екатерины.

Старикъ Рейнгольдъ любилъ разсказывать про свои походы и похожденія, то и дѣло повторялъ имена: „Depreradovitch, Löwenwolde, Lunine, Willie der alte Ruhl...." Послѣдній былъ врачемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Рейнгольдъ былъ грубоватъ и не стѣснялся въ выраженіяхъ, въ свое время считался онъ хорошимъ врачемъ и былъ человѣкъ прямой и правдивый. Жена его Амалія Ивановна была важная дама, она жила съ мужемъ врознь, въ другомъ этажѣ, но онъ посѣщалъ ее ежедневно. У Рейнгольда было два сына. Старшій, его любимецъ, былъ командиромъ одного изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ. Онъ умеръ еще при жизни своего отца, что сильно огорчило старика. Онъ былъ пріятенъ, собою очень видный, типичный гусарскій полковникъ. Татьяна Васильевна ему покровительствовала, и онъ относился къ ней съ большимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Послѣ смерти его осталась собака Nimrod, съ которою

старикъ Рейнгольдъ уже не разставался. Второй сынъ также былъ гусаромъ, потомъ женился, и у него осталось потомство. Рейнгольдъ былъ добрый старикъ, любившій еще молодиться. Когда онъ бывалъ въ духѣ, то могъ быть забавенъ. Въ дѣтствѣ заходилъ онъ ко мнѣ каждый день. Иногда становился онъ на одну ногу и дѣлалъ стремительный пируетъ или же входилъ со словами: „Heissa huscheissa dudeldumdei!“ Въ то время я часто бывалъ въ домѣ Принца Ольденбургскаго. Почему-то это надоѣдало Рейнгольду, и когда бывало при немъ произнесутъ слово „Принцъ,“ онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать всякій разъ: „Ein Prinz?—also keine gemeine munz!“ Любилъ онъ повторять разсказъ, какъ народу показываютъ какую-то панораму при освѣщеніи солнца и съ изображеніемъ Наполеона. Устроитель панорамы въ лицахъ передаетъ содержаніе картины: „Schön sagt Napoleon Hinten scheint die Sonne..“ Когда бывало споткнется онъ дорогой, то обязательно повторяетъ: „Hier liegt ein musicant begraben“. Неизвѣстно почему сообщалъ онъ у меня всегда о своихъ посѣщеніяхъ Минны Ивановны Бурковой — извѣстной спутницы старика Адлерберга: „Heute war ich bei Emilivanna!“—таково было обычное начало. Почему-то ему пріятно было называть „Эмиліей Ивановной“ ту, которую весь Петербургъ зналъ подъ именемъ „Frau generalin von Burkoff.“ Это „Frau generalin“ напоминаетъ мнѣ также одинъ изъ любимыхъ разсказовъ Рейнгольда—какъ одинъ очень вѣжливый человѣкъ все обращался къ одной дамѣ со словами: „Frau general Consulin,“ а та ему въ отвѣтъ: „Ach bitte ohne ceremonie, nennen sie mich doch ganz einfach Frau generalin.“ Иногда Рейнгольдъ проводилъ своими разсказами въ замѣшательство дамъ; такъ помнится мнѣ его повѣствованіе о лѣченіи Татьяны Ивановны Шереметевой, которая была необыкновенно тучна, и какъ онъ руку ея принялъ за ногу выше колѣна.

Онъ подтрунивалъ надъ нею и надъ ея дочерью Юліею Васильевною Шереметевой и повторялъ наизусть какіе-то стихи:

„Савченко—роди Кравченко,
Кравченко - роди Ходолѣй,
Ходолѣй—роди Гамалѣй,
Гамалѣй—роди Марченко,
Марченко—роди Татьяну Ивановну...
А Юлинькъ моя не кокетка!“

Когда онъ приходилъ на Пасху христосоваться, то всегда всѣмъ повторялъ скороговоркой: „Kriegst du was, has du was.“ Въ домѣ его побаивались, и недолюбливали, а разбитной буфетчикъ Кучерявенко прозвалъ его—„Емеля—пустомеля!“

Жила у насъ въ домѣ важная старуха, къ которой всѣ относились съ почтеніемъ. Фамиліи ея никто не зналъ, а всѣ звали ее просто „костылянша.“ Она отличалась умѣньемъ готовить къ праздникамъ какіе-то особые пироги—чрезвычайно вкусные.

По праздникамъ же являлась также съ поздравленіемъ нѣкая „Султанша“, которую Татьяна Васильевна не терпѣла.—Она когда-то поставляла султаны на Кавалергардскій полкъ...

Старые офиціанты были очень типичны: Рагазановъ, Рыбаковъ, Неручевъ, Арнаутовскій. Послѣдній былъ хохолъ и преупрямый. Моя мать имѣла неосторожность взять его съ собою заграницу въ 1840 году и въ Парижѣ не знала, какъ отъ него отдѣлаться. Его вернули въ Россію. Швейцаръ Шелетовъ отличался необыкновеннымъ ростомъ. При мнѣ состоялъ, не то камердинеромъ, не то дядькою, старикъ Яковъ Шалинъ, изъ крѣпостныхъ Даноуровыхъ; онъ былъ родомъ изъ Лаишевскаго уѣзда, съ береговъ Камы. Помню, какъ онъ мнѣ таинственно передавалъ о Пугачевѣ—признавая въ немъ законнаго Государя. Жена его была модисткой, щеголяла французскими словами и любила, чтобы ее называли madame Natalie. У нихъ единственная дочь Вѣра вышла замужъ за богатаго купца. Отъ нея осталась семья. Кучеръ мой съ дѣтства былъ Евдокимъ Гавриловъ Казачковъ

родомъ изъ с. Борисовки. У него была окладистая, чудная борода, и правилъ онъ въ совершенствѣ. Одиночки мои были послѣдними остатками нашего упраздненнаго въ 1861 году завода. Особенно хорошій рысакъ былъ сѣрый конь „Чижикъ.“ Конюхомъ былъ также съ 50-хъ годовъ Ѳедоръ Жуковъ изъ Серебряныхъ Прудовъ.

Скончавшійся въ глубокой старости въ Кусковѣ въ 1889 году —Григорій Снѣжковъ „Monsieur la Neige“ — какъ называлъ его отецъ—проходилъ съ дѣтства своего разныя должности въ нашемъ домѣ, начиная съ малолѣтняго пѣвчаго при хорѣ. Былъ онъ выѣзднымъ лакеемъ и офиціантомъ, при чемъ за обѣдомъ не отходилъ отъ отцовскаго стула. Отецъ къ нему привыкъ и всегда давалъ ему разныя приказанія. Женился онъ на красивой дѣвушкѣ, бывшей въ моей дѣтской Александрѣ Ячейкиной, еще въ началѣ 50-хъ годовъ и кончилъ дни смотрителемъ Кусков. дома. Помню я помощника камердинера отца — нѣкоего Татаринова. Онъ былъ франтъ и хотѣлъ прослыть за итальянца. Носилъ рискованные галстухи и отличался легкомысленнымъ поведеніемъ. Онъ наконецъ такъ надоѣлъ отцу, что тотъ рѣшился его уволить, что было большимъ исключеніемъ. Татаринову же это послужило въ пользу. Онъ поступилъ въ монастырь, и теперь онъ почтенный старецъ и іеромонахъ Новгородскаго Тихвинскаго монастыря. Дочери его брата, долго служившаго писаремъ въ конторѣ (почеркъ котораго знакомъ мнѣ съ дѣтства), теперь балетныя танцовщицы при императорской труппѣ.

Старожиломъ дома былъ дьячокъ Илья Кругляковъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ былъ у насъ домовый священникъ о. Василій. Онъ жилъ въ постоянной недружбѣ съ Андреемъ Кузьмичемъ. Послѣдній находилъ въ о. Василіи большое сходство съ изображеніемъ Пилата на одной изъ нашихъ картинъ. О. Василій въ свою очередь прозывалъ своего недруга „косолапый Андрюшка“.

Отецъ, никогда не покупавшій картинъ, неизвѣстно почему (вѣроятно ему навязали) купилъ чрезъ посредство Дюсо большую и весьма посредственную картину: „Обращеніе Св. Владиміра въ христіанство“. Когда отецъ колебался, Дюсо, желая убѣдить, указалъ ему на изображеніе католическаго кардинала: „Voyez, monsieur le comte, le Catholique, il s'en va tout capaud“. И я думаю, что изъ за этого „tout capaud“ отецъ рѣшился купить картину.

Такъ навязана была отцу извѣстнымъ Дмитріемъ Михайловичемъ Обрѣзковымъ — мраморная статуя Венеры, купленная у него въ три дорога. Точно также у него же купилъ онъ совершенно ненужную дачу на Аптекарскомъ острову, которую потомъ съ трудомъ продали. Слышалъ я давно, что была у отца дача въ Гатчинѣ, о которой онъ имѣлъ смутное понятіе или совсѣмъ объ ней забылъ. Кто-то ею завладѣлъ, и по прошествіи десяти лѣтъ она за нимъ и осталась.

Этотъ Д. М. Обрѣзковъ, прозванный въ свѣтѣ „le Superbe или le gris pommelé“, былъ когда-то Виленскимъ губернаторомъ и женатъ былъ на Натальѣ Васильевнѣ Шереметевой. Онъ приходилъ къ намъ изрѣдка въ церковь—въ перчаткахъ свѣтлолиловыхъ, которыхъ не снималъ, что очень коробило отца. Роста онъ былъ огромнаго и держался прямо, такъ что про него говорили: „аршинъ проглотилъ“. У него былъ сынъ „mon Michinka“ и дочь, которую съ торжествомъ выдали замужъ за грека князя Сутцо. „Mon Michinka“ былъ Кавалергардскимъ офицеромъ, потомъ адъютантомъ и не такъ еще давно скончался... Онъ былъ добрякъ и о матери своей всегда говорилъ со слезами... Наталья Васильевна Обрѣзкова совсѣмъ обжилась въ Парижѣ и принадлежала къ числу тѣхъ повидимому русскихъ женщинъ, почему-то считавшихъ, что пребываніе въ Парижѣ придаетъ особый вѣсъ и обаяніе въ обществѣ. Рѣдко

пріѣзжала она въ Петербургъ и сердила всегда отца приглашеніемъ въ Парижъ. „Сидѣла бы дома!“-говорилъ отецъ, нетерпѣвшій вообще этого повѣтрія заграничнаго пребыванія. Умерла она отъ сахарной болѣзни.

Почему-то позволили мнѣ, въ видѣ исключенія, еще до производства въ офицеры, пріѣхать къ ней на балъ. Она жила тогда на Николаевской, кажется — въ домѣ Ржевускаго. Въ первый разъ попалъ я въ свѣтское общество, въ которомъ значительный перевѣсъ составляли дипломаты. У княгини Сутцо была дочь—недурна собою. Никого я не зналъ въ этомъ обществѣ и совсѣмъ не танцовалъ. Помню, какъ любезна была со мною Наталья Васильевна, какъ подводила она меня къ прекрасному портрету ея отца, Василія Сергѣевича Шереметева — работы Кипренскаго, освѣщенному боковою лампой. Она говорила о немъ съ большимъ чувствомъ и волненіемъ и желала мнѣ объяснить, каковъ онъ былъ, и каковы были его отношенія къ моему отцу и дѣду.

Домовымъ архитекторомъ у насъ въ Петербургѣ былъ Д. В. Кабановъ, женатый на сестрѣ жены камердинера Кравцова. Въ Москвѣ такимъ же архитекторомъ былъ дальній родственникъ Т. В. Шлыковой—Цвѣтковъ, добрый малый, но нѣсколько не трезвый. Послѣ 1856 года ему поручено было наблюденіе за Останкинскимъ домомъ. Тогда многіе пріѣзжали осматривать помѣщеніе, въ которомъ жилъ Государь, и историческій кабинетъ, гдѣ подписанъ былъ извѣстный манифестъ. Однажды во время такого посѣщенія Цвѣтковъ, уже порядочно полгулявшій, показывалъ весь домъ, стараясь давать объясненія. Но языкъ его не повиновался и онъ могъ только произнести одно слово: „Е-егинскій мраморъ“... На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ все одно: „е—егинскій мраморъ“...

Отецъ мой, вообще отличавшійся слабостью характера, въ одномъ только случаѣ находилъ въ себѣ

твердость и полное спокойствіе для борьбы. Это бывало всегда, когда ему приходилось бороться съ внѣшними и въ особенности съ придворными теченіями. Старозавѣтная его преданность и вѣрность принципу Царской власти, въ самомъ возвышенномъ и полномъ значеніи этого слова—вполнѣ уживалась съ безусловною самостоятельностью, и здѣсь онъ не признавалъ никакихъ компромисовъ. Всякое насиліе или желаніе повліять на него со стороны двора и заставить его дѣйствовать несогласно съ его желаніями и убѣжденіями—находило въ немъ непреклонный и подъ часъ даже рѣзкій отпоръ. Такіе опыты, если по несчастію и пробовались, всегда вели къ печальнымъ послѣдствіямъ и не достигали цѣли. Тѣмъ печальнѣе, если эти вліянія исходили изъ всесильнаго тогда III отдѣленія. Такія вмѣшательства въ частныя и семейныя дѣла были весьма пагубны по послѣдствіямъ, запутывали и затрудняли безъ малѣйшей пользы. Въ этотъ отдѣльный, замкнутый домашній міръ отецъ не допускалъ ничьихъ вторженій. И тотъ же человѣкъ, который безпомощенъ былъ въ отказѣ просителю, который самъ сознавался въ своей слабости—въ такихъ именно случаяхъ находилъ въ себѣ твердость и непреклонность передъ насиліемъ, кѣмъ бы это насиліе ни олицетворялось. И вотъ причина всѣхъ недоразумѣній и всего исхода его служебной и придворной службы. Перемѣна положенія при Дворѣ, если и понынѣ вліяетъ на частныя отношенія съ извѣстною категоріею лицъ, то во времена Императора Николая разрывъ съ дворомъ казался чудовищнымъ. Эти оттѣнки въ отношеніяхъ, полунамеки и неуловимые признаки не проходили незамѣченными, и со свойственною отцу чуткостью болѣзненно онъ сжимался, когда встрѣчалъ невниманіе и пренебреженіе, вполнѣ незаслуженное и притомъ нисколько не исключавшее вымогательствъ и заискиванья. Эта двойственность и столкновенія съ

лицами такого двойнаго направленія совершенно отдалили отца отъ общества, отчасти разрушили его равновѣсіе — повліяли на внутренній его міръ, и только увлеченіе музыкою и особенно церковнымъ пѣніемъ могло послужить къ умиренію его жизни. Онъ искалъ убѣжища въ области звуковъ и въ нихъ только находилъ утѣшеніе и покой. Если ко всему этому принять во вниманіе его сиротство и исключительность положенія и къ тому же далеко не всѣми одинаково признаваемое относительно его примиреніе, по взглядамъ того времени, и возможные при этомъ, хотя неуловимые, быть можетъ, незаслуженные уколы — то все вмѣстѣ взятое должно было повліять на чрезмѣрную и рано развившуюся впечатлительность не только по отношенію сужденій и словъ, но даже къ выраженію самаго звука, къ подчеркиванью, хотя бы и еле замѣтному, совершенно повидимому простыхъ и обыкновенныхъ рѣчей. Однако если такая впечатлительность многое затруднила ему въ жизни и ни въ какомъ случаѣ не облегчила ее, за то этимъ свойствомъ обязанъ онъ тѣмъ высокимъ наслажденіямъ, которыя не доступны людямъ, лишеннымъ тонкаго пониманія и различія оттѣнковъ мысли и чувства.

Только въ самые послѣдніе годы его жизни, когда подъ бременемъ наступившихъ лѣтъ, разрозненный и какъ бы замкнутый въ самомъ себѣ, окруженный недоброжелателями и себялюбцами, онъ не могъ уже найти полнаго покоя и страдалъ отъ глубоко уязвленнаго чувства, среди огорченій, съ которыми борьба уже была ему не по силамъ. Дѣлиться этими чувствами, что для него всегда было потребностью, онъ по сложившимся обстоятельствамъ не могъ уже ни съ кѣмъ. А между тѣмъ огорченія слѣдовали за огорченіями, удары за ударами. Онъ замолкъ и смирился. 12 сентября 1871 года—въ то самое время, когда въ Кусковѣ, въ своемъ кабинетѣ переходилъ отъ

дивана къ письменному столу—онъ упалъ и тутъ же скончался. Когда взошли въ комнату, его нашли на полу безъ всякихъ признаковъ жизни.....

Заупокойныя службы въ Невской Лаврѣ продолжались безпрерывно изъ года въ годъ въ опредѣленные дни. И Татьяна Васильевна никогда не пропускала этихъ службъ въ Лазаревской церкви. Передъ Николинымъ днемъ была первая зимняя служба, потомъ 2 января въ день смерти дѣда, затѣмъ 24 февраля въ день смерти бабушки Прасковьи Ивановны и лѣтомъ 20 іюля въ Ильинъ день, который былъ днемъ ея рожденія. Также и передъ Петровымъ днемъ, когда соединялись память дѣда и прадѣда—именины Петра Борисовича 29 іюня, а наканунѣ 28 іюня—день рожденія дѣда Николая Петровича. Когда-то въ старину эти два дня праздновали въ Кусковѣ, и къ нимъ присоединялся третій, торжественный для семьи день—27 іюня—день Полтавы.

Отецъ также не пропускалъ этихъ службъ и обязательно бывалъ въ эти дни въ Лаврѣ. Становился онъ позади—передъ гробомъ Анны Петровны. Татьяна Васильевна и я съ—нимъ рядомъ. Служеніе всегда бывало архіерейское съ Лаврскими пѣвчими. Иногда служили митрополиты, послѣдовательно почти всѣ или—викаріи. Я засталъ Никанора, Григорія и наконецъ Исидора. Чтеніе синодика было довольно продолжительно, потому что именъ много, начиная съ „графа Бориса". Отецъ припоминалъ, какъ утомлялся за этимъ чтеніемъ дряхлый уже въ послѣдніе годы старецъ Митрополитъ Серафимъ, какъ машинально и почти безсознательно повторялъ онъ имена.

Отецъ почти всегда заходилъ къ Митрополиту. Со всѣми онъ поддерживалъ сношенія, самыя близкія, и это было преданіемъ семейнымъ. Митрополиты Москвы и Петербурга всегда были близкими нашей семьѣ. Такъ продолжалось и впредь, и только въ Москвѣ порвалось... Митрополитъ Исидоръ даже гостилъ у отца по нѣскольку недѣль въ Ульянкѣ.

Когда кончалась служба, отецъ никогда не уѣзжалъ безъ того, чтобы не обойти могилъ на разныхъ кладбищахъ. Нѣкоторыя онъ посѣщалъ обязательно. Толпа нищихъ провожала его до кареты. Всѣмъ раздавались деньги. На этихъ кладбищахъ у отца было множество темныхъ знакомцевъ, которымъ онъ помогалъ. Но были навязчивые просители, которые его преслѣдовали; обязательно заходилъ онъ въ Соборъ и прикладывался къ ракѣ Св. Александра Невскаго. И онъ и Татьяна Васильевна любили вспоминать о послѣднемъ посѣщеніи Лавры Императоромъ Александромъ I, о разговорѣ его съ знаменитымъ схимникомъ передъ послѣднимъ отъѣздомъ въ Таганрогъ.

Москва еще въ молодости оставила ему свѣтлыя воспоминанія. Много было у него тамъ завѣтныхъ богомолій по церквамъ и часовнямъ. Особенно любилъ онъ часовню у Каменнаго моста. Спаса Нерукотвореннаго-на Остоженкѣ и церковь, что на Житномъ дворѣ, у Тайницкой башни.

Въ Москвѣ, когда я въ дѣтствѣ жилъ въ большомъ домѣ на Воздвиженкѣ послѣ смерти матери, я помню особый штатъ прислуги всякихъ типовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ петербургскими. Охотно принималъ отецъ старика генерала Верещагина, Главнаго смотрителя Страннопріимнаго Дома, и всегда шутилъ съ нимъ и смѣялся, когда онъ путалъ мое имя, называя меня „Дмитрій Сергѣевичъ". Отецъ всегда его поправлялъ — „Сергѣй Дмитріевичъ". — „Ахъ, да"! — говорилъ Верещагинъ и черезъ нѣсколько времени, какъ будто ни въ чемъ не бывало, опять повторилъ: „Дмитрій Сергѣевичъ". Отца это очень забавляло, и онъ часто прибавлялъ „Можетъ быть, и будетъ когда-нибудь Дмитрій Сергѣевичъ!..."

Главный штатъ служащихъ, которые окружали отца въ Москвѣ, въ сущности состоялъ изъ различныхъ дѣльцовъ. Иногда присоединялись къ нимъ и

пришлые элементы. Помню нѣкоего Бахтемірова, съ весьма печальной репутаціей, повара Щеголева, разбитнаго буфетчика Букина, мужа нѣкоей разбитной же Вѣры Марковны; управителей: Кушнерева (отца недавно умершаго Основателя-директора печатнаго въ Москвѣ товарищества), Вейденгаммера — скоро умершаго, оставившаго репутацію честнаго и дѣльнаго человѣка, какого-то бурбона Кутайсова — Останкинскаго управителя, конторщика Четверикова, у котораго крестилъ дѣтей, и наконецъ Дія Орлова, окончательно водворившагося на Воздвиженкѣ съ званіемъ „Свиса". Всѣ эти личности кромѣ послѣднаго относятся къ 50-мъ годамъ.

Изъ служащихъ въ Страннопріимномъ Домѣ помню старика Ивана Степановича Коптева, большаго пріятеля Татьяны Васильевны; старика священника Александра Семеновича Каринскаго, бывшаго діакономъ въ годъ основанія дома, и 3-го помощника Константина Михайловича Михайлова, побочнаго брата Князя Сергѣя Михайловича Голицына, съ которымъ у него было большое сходство. — Нѣсколько чопорный и важный старичокъ съ кокомъ, онъ былъ непремѣннымъ членомъ Англійскаго Клуба. Безукоризненный въ служебныхъ своихъ отношеніяхъ, онъ пережилъ отца и тихо кончилъ свой мирный вѣкъ въ Страннопріимномъ Домѣ. Онъ курилъ трубку и былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ дядею Василіемъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ, еще съ молодыхъ лѣтъ.

Послѣ смерти Верещагина предстояла баллотировка Главнаго смотрителя въ Дворянскомъ собраніи. Большинство голосовъ получилъ Отставной генералъ Василій Васильевичъ Ильинъ, многосемейный Каширскій и коломенскій помѣщикъ. Ему принадлежало близъ городаКаширы имѣніе подъ названіемъ Старая Кашира. Онъ когда-то служилъ въ школѣ подпрапорщиковъ и въ молодости былъ гусаромъ. Нѣкогда онъ приходился начальникомъ Князю В. А.

Долгорукову, и когда послѣдній сдѣлался Генералъ-губернаторомъ, — Ильинъ пользовался неизмѣннымъ и особымъ его расположеніемъ. Ильинъ былъ большой чудакъ, человѣкъ хорошій, но слабый и нерѣшительный. Онъ считалъ себя музыкантомъ и врачемъ, игралъ на віолончели, подпѣвалъ въ хорѣ Чудовскихъ пѣвчихъ, суетился и хлопоталъ, дѣла же и заботы по Страннопріимному Дому сосредоточились въ рукахъ бывшаго волонтера Греческой дружины И. В. Мессароша. Одна изъ дочерей Ильина усыновлена была княземъ Волконскимъ (католикомъ) и даже получила его титулъ и наслѣдство, другая вышла замужъ за К. А. Бутенева. Ильинъ отчасти мѣшалъ Главному доктору, почтенному и благородному Алексѣю Терентьевичу Тарасенкову, другу Н. В. Гоголя—своимъ частымъ вторженіемъ съ медицинскими совѣтами. Изъ тогдашняго (50-хъ и 60-хъ годовъ) состава Страннопріимнаго Дома Тарасенковъ, да еще смѣнившій о. Каринскаго—священникъ о. Покровскій особенно проникнуты были желаніемъ дѣйствительнаго добра и пользы Дому. Одинокій, Тарасенковъ долженъ былъ уступить болѣе сильнымъ, тѣмъ болѣе, что имъ покровительствовалъ Главноуправляющій имѣніями отца (съ 1861 г.) князь Касаткинъ-Ростовскій. Отецъ нерѣдко вспоминалъ о старомъ докторѣ Кильдюшевскомъ, который былъ операторомъ въ Страннопріимномъ Домѣ. Бывало его спросятъ: „Ну какъ поживаете?“ — „Ничего съ“, — отвѣчаетъ: „слава Богу— порѣзываемъ“! Изъ другихъ врачей въ Москвѣ помнится мнѣ въ дѣтствѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Граффъ, который былъ нашимъ домашнимъ докторомъ. Онъ посѣщалъ насъ въ Москвѣ ежедневно съ неизмѣнною Анною на шеѣ. Почему-то онъ особенно нравился моей воспитальницѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ Рутландъ. Онъ жилъ со мною въ Сокольникахъ въ 1850 году и умеръ вскорѣ послѣ моего переѣзда въ Петербургъ. Дорогою между Москвою и Петербургомъ

насъ всегда сопрвождалъ въ отдѣльномъ экипажѣ докторъ. При немъ были необходимые медикаменты. Живо мнѣ помнятся толстый, неповоротливый Жидовцевъ и юркій, хотя и довольно легкомысленный,— Куртнеръ Все это относится къ тому времени, когда еще не было желѣзной дороги.

Отецъ долго не могъ рѣшиться поѣхать по Николаевской ж. д., предпочитая старую ѣзду по шоссе, съ остановками на знакомыхъ станціяхъ. И какъ близка мнѣ была эта дорога, сколько связано съ нею свѣтлыхъ дѣтскихъ воспоминаній! Проводы въ Средней рогаткѣ („Четыре руки"), Померанье, съ вафлями, Торжокъ съ пожарскими котлетами и туфлями, Валдай и Зимогорье съ баранками. Особенно врѣзался въ память зимній путь,—лѣса по сторонамъ, снѣжныя равнины, заячьи слѣды на ослѣпительномъ снѣгу—утреннее солнце, покойныя станціи, чаи, дорожная закуска, помѣстительный и удобный дормезъ съ нагруженными важами, баулами, дорожными мѣшками и подушками, съ заднимъ крытымъ сидѣньемъ для прислуги. Какъ живо еще радостное чувство ожиданія отъѣзда: сложныя приготовленія, перекладка лошадей, лица ямщиковъ, форрейторы. Высунешь бывало голову въ окно и слѣдишь за подковами пристяжной, заботъ никакихъ, все радуетъ вокругъ, все близкія и дорогія лица. На станціяхъ портреты въ старыхъ рамахъ. Императоръ Николай въ ботфортахъ и лосинахъ, Александра Ѳеодоровна въ огромномъ кокошникѣ, суета за запряжкой, крики и перебранка, проѣзжіе безъ конца, толстыя барыни съ тюфяками и подушками, заботы о подорожной и наконецъ „шлагбаумъ"—предметъ особаго уваженія и какого-то суевѣрнаго страха.

Помню, какъ отецъ разсказывалъ свои впечатлѣнія о желѣзной дорогѣ, и какъ изумленъ онъ былъ необыкновеннымъ мостомъ черезъ крутой и глубокій Веребьинскій оврагъ.

Поѣздки его на богомолье въ Троицкую Лавру также носили особый отпечатокъ. Онъ обязательно давалъ обѣдъ всей монастырской братіи, но на этихъ обѣдахъ самъ не присутствовалъ.

Старикъ Андрей Кузьмичъ передавалъ мнѣ о впечатлѣніи перваго посѣщенія нашего Петербургскаго дома и церкви Митрополитомъ Филаретомъ. Когда онъ вошелъ въ образную, то остановился и сказалъ: „Вотъ истинно домъ боярина". Пріѣхать въ Москву и не быть у Митрополита Филарета казалось страннымъ, и какъ далеко мы ушли отъ этого времени! Порвать эту связь легко, отступить отъ живаго общенія съ представителями Церкви дѣло не сложное, но что же дальше?...

По поводу старика Коптева, пріятеля Татьяны Васильевны, вспоминаю слѣдующій случай, въ самый разгаръ восточной войны 1853—55 г. г.

Приходитъ къ ней съ докладомъ Артемій Бондаревъ и говоритъ, что ее желаетъ видѣть „Нахимовъ!" Она никакого Нахимова не знала и готова была отказать. По справкѣ же оказалось, что это былъ Иванъ Степановичъ Коптевъ. Много этому смѣялись, при чемъ Татьяна Васильевна вспоминала подобное же происшествіе при дѣдѣ вскорѣ послѣ Польскаго возстанія Костюшки. Вдругъ вбѣгаютъ докладывать, что въ нижнемъ корридорѣ Фонтаннаго дома появился „Костюшка!" Общій переполохъ и почти что паника! Когда же всѣ признали непонятную ошибку, то долго объ этомъ вспоминали, какъ о примѣрѣ безсмысленнаго страха передъ лицомъ, сильно дѣйствовавшимъ на воображеніе современниковъ, и о которомъ, вѣроятно, много говорили въ началѣ царствованія Императора Павла.

У Татьяны Васильевны была долгое время дѣвушка Наташа, уже старуха и претучная. Она была довольно неподвижна и все сидѣла въ своей коморкѣ за перегородкой. Я почему-то боялся къ ней вхо-

дить. Татьяна Васильевна къ ней привыкла и очень ее оплакивала. Въ 20 годахъ у нея была дѣвушка Ѳедосья, довольно красивая, за которою ухаживалъ Кавалергардъ А. П. Бутурлинъ, величая ее: „Fedocie oh Fedocie!“

Важная и словоохотливая была старуха — жена дворецкаго В. И Сивкова — Матрена Филипповна. Носила она рыжій парикъ и часто ко мнѣ въ дѣтскую заходила поболтать. Прошлое ея мнѣ неизвѣстно, но любила она очень щегольнуть своими знакомствами и почему-то очень хвалилась Княземъ Барятинскимъ — будущимъ фельдмаршаломъ. Помню ее провожающею въ день отъѣзда въ Москву; она любила разсказывать разныя исторіи и довольно забавно увѣряла меня, что съ того дня, когда меня сдѣлали пажемъ, меня будутъ задерживать на шлагбаумахъ, и мнѣ придется отвѣчать на вопросы о личности: „Пажъ Двора Его Императорскаго Величества!“ И я повѣрилъ этому разсказу и не безъ волненія ожидалъ Московскаго шлагбаума.

Матрена Филипповна очень почитала Татьяну Васильевну и была пребойкая старуха и, конечно, сплетница. Чета Сивковыхъ была очень типична, и мнѣ всегда казалось, что Гоголевская Пульхерія Ивановна въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ — была такая же, какъ наша Матрена Филипповна.

Изъ всѣхъ официантовъ мнѣ въ дѣтствѣ всего болѣе нравился Неручевъ, слывшій подъ именемъ „дѣдушки“. Добродушный старикъ, когда-то въ прежніе годы отличался необыкновеннымъ изяществомъ пріемовъ О немъ и объ Рагазановѣ всегда вспоминала двоюродная сестра Варвара Алексѣевна Шереметева (Графиня Пушкина), сожалѣя, что такіе типы уже отошли.

Совсѣмъ иной складъ былъ у буфетчика временъ моей матери Д. Ермакова Важный и величавый, онъ мало говорилъ и медленно передвигался. Большаго

роста съ сѣдою, красивою головой, онъ поражалъ подавляющею вѣжливостью и особой беззвучной походкой. Въ дорогѣ онъ всегда садился на крытое мѣсто позади дормеза и чрезъ небольшое заднее окно передавалъ намъ всякую провизію. Позднѣе, въ качествѣ дворецкаго и преемника Сивкова, онъ сталъ еще важнѣе, но уже не было въ немъ такой безукоризненности пріемовъ, какъ прежде.

Отецъ мой сохранялъ постоянныя сношенія съ Митрополитомъ Филаретомъ и всегда у него бывалъ. Жаль, что утратились многія письма Филарета къ отцу и къ матери. Сохранилось одно письмо его, по случаю моего рожденія.

Въ 1850 и 1851 годахъ отецъ жилъ въ Москвѣ на Воздвиженкѣ въ большомъ домѣ. Каждое утро ходилъ я къ нему, и онъ позволялъ мнѣ играть съ его халатами. — Его нисколько не стѣсняло, что я возился въ его комнатѣ и собиралъ всѣ халаты на широкомъ его диванѣ, дѣлалъ изъ нихъ гору, съ которой и опрокидывался.... Помню въ послѣдней комнатѣ (угловой) цѣлый складъ фонарей для елки. Эта елка устраивалась въ большой желтой гостиной— для семьи и для дѣвицъ Института. Въ этой же гостиной стоялъ большой органъ, работы Бруггера, заказанный моею матерью въ 1849 году. Его принесли уже послѣ ея кончины. По вечерамъ отецъ любилъ сидѣть передъ органомъ въ халатѣ и тогда посылалъ за мною, это бывало поздно, я также приходилъ въ халатѣ (что его очень забавляло), и мы вдвоемъ слушали музыку органа...

Отецъ вообще не отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, въ дѣтствѣ у него была золотушная кормилица. Ребенкомъ онъ былъ слабъ. Воспитаніе получилъ странное, весьма мало заботились объ укрѣпленіи его здоровья въ виду предстоящей военной службы. Онъ никогда не былъ хорошимъ кавалеристомъ. Начало его службы и самое поступленіе были

не легки. Сослуживцы и товарищи по обыкновенію далеко не всѣ относились снисходительно и дружески. Если принять во вниманіе строгости тогдашней службы и присутствіе въ полку такого рѣзкаго и властолюбиваго человѣка, какимъ былъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ полка Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ (братъ Н. В. Обрѣзковой), то нельзя удивляться, что въ отцѣ рано развились нерѣшительность и недовѣріе къ себѣ, излишняя осмотрительность на ряду съ излишнимъ довѣріемъ, при врожденной застѣнчивости и отчужденности своего воспитанія.

Часто упрекали отца въ стремленіи отдаляться. Онъ дѣйствительно, и преимущественно въ Москвѣ, избѣгалъ знакомствъ и встрѣчъ, особенно въ послѣдніе годы. Отчасти объясняется это тѣмъ, что ему дѣйствительно трудно было даже показываться на улицѣ. Въ Москвѣ его стерегли на разныхъ перекресткахъ, слѣдили за его прогулками и набрасывались на него съ различными просьбами и вымогательствами. Было время, когда весь Воздвиженскій домъ нашъ, со всѣми флигелями исключительно занятъ былъ даровыми квартирами, живущими, служащими лицами и пенсіонерами. То же самое представлялъ домъ нашъ на Никольской улицѣ, тогда еще (въ 50 годахъ) не застроенный впереди. Я засталъ его еще такимъ, какимъ онъ сохранился съ прошлаго столѣтія, когда на широкій дворъ его въѣзжали сообщники хозяина дома князя А. М. Черкаскаго и съ помощію Антіоха Кантемира готовили знаменитое свое ходатайство Императрицѣ Аннѣ. Всѣ помѣщенія Никольскаго дома до начала 60-хъ годовъ были заняты даровыми квартирами пенсіонеровъ. Ни одной квартиры не сдавалось въ наймы, а вдоль рѣшетки, выходившей на Никольскую, ютились лавки торговцевъ старыми книгами *).

Одною изъ обитательницъ Никольскаго дома была

*) Сохранились подробныя свѣдѣнія объ этихъ букинистахъ.

безпокойная и болтливая Анна Петровна Тринклеръ—въ дѣвушкахъ Ширяева, мелкопомѣстная Рузская дворянка смежной съ Покровскимъ деревни Бутуровой. Она не отличалась кротостью нрава и принадлежала къ числу многочисленныхъ посѣтительницъ бабушки Варвары Петровны. Она приступомъ взяла себѣ квартиру въ Никольскомъ домѣ. Встрѣтивъ отца на улицѣ, она остановила его и на французскомъ языкѣ настойчиво просила о квартирѣ „Sans cela",—добавила Тринклерша: „je serai morte, morte, morte"... И такъ долго повторяла все одно и тоже слово „morte", что отецъ, чтобы отдѣлаться отъ нея, согласился дать ей помѣщеніе.

Постояннымъ и необходимымъ посѣтителемъ нашего дома былъ Князь Николай Александровичъ Долгорукій. Женатъ онъ былъ на Шатиловой и очень неудачно. Жили они врознь. Онъ былъ большой оригиналъ и хорошій человѣкъ, говорилъ на семи языкахъ и имѣлъ отвращеніе къ Полякамъ. Онъ былъ большой библіофилъ. Посѣщалъ я его въ разныхъ квартирахъ, вездѣ библіотека его удобно располагалась въ укладистыхъ дорожныхъ шкапахъ. Послѣ смерти библіотека его чрезъ мое посредство куплена была братомъ, но шкафы его къ сожалѣнію подарены послѣднимъ были И. А. Шляпкину. Князь Долгорукій всегда собиралъ литературныя новости и особенно дорожилъ неизданными стихотвореніями и записками, неудобными для печати. Въ книгахъ его подъ гербомъ былъ девизъ: „les livres sont des amis qui valent tous les autres" (Книги—это друзья, которые стоятъ всѣхъ другихъ). Онъ особенно любилъ произведенія Князя Петра Андреевича Вяземскаго. Съ Татьяной Васильевной они были друзья, и онъ относился къ ней съ глубокимъ уваженіемъ. Въ обществѣ его прозвали „пучеглазый". У него были въ дѣйствительности глаза на выкатѣ, и онъ былъ очень близорукъ. Въ Москвѣ жила его единоутробная сестра

Анастасія Павловна Щербинина. Ихъ мать была графиня Анастасія Алексѣевна Шереметева, послѣдняя въ родѣ старшаго сына Фельдмаршала — Михаила Борисовича. Проживала А. П. Щербинина въ Москвѣ; въ качествѣ дальней родственницы отца жила она когда-то на Воздвиженкѣ и всегда получала отъ отца пенсію. Видѣлъ я ее всего разъ. Она была въ перепискѣ съ отцомъ, но объ ней онъ говорилъ мало и какъ-то вскользь. Обычною темою ея писемъ къ отцу были совѣты, и указанія на злоупотребленія; думаю, что она писала искренно, съ добрымъ намѣреніемъ, то и дѣло повторяя слово „les abus".

А. П. Щербинина была женщина нервная и впечатлительная. Она очень любила князя Ѳ. М. Касаткина — Ростовскаго, дальняго родственника отца, когда-то гусарскаго офицера, служившаго вторымъ помощникомъ въ Совѣтѣ Страннопріимнаго Дома. Она подчинилась его вліянію, величая его не иначе, какъ „le prince Theodore." Сочувствуя отцу и желая ему быть полезнымъ, она пришла къ убѣжденію, что князь Касаткинъ единственный человѣкъ, способный поправить запущенныя старыми дѣльцами его дѣла. Какъ разъ подошелъ 1861 годъ. Необходимо было обновить управленіе, въ виду новыхъ сложныхъ требованій. А. П. Щербинина рекомендовала „le prince Theodore," и въ этомъ ее поддержала графиня Александра Григорьевна. Мы всѣ радовались этой перемѣнѣ, зная, что князь Касаткинъ не чужой человѣкъ, и вполнѣ сознавая необходимость кореннаго преобразованія въ веденіи дѣлъ. Какъ ни трудно было отцу согласиться на перемѣну и разстаться съ почтеннымъ и добрымъ И. Ѳ. Апрѣлевымъ, но и онъ сознавалъ необходимость преобразованія, а выборъ новаго лица облегчался тѣмъ, что князь Касаткинъ былъ ему дальній родственникъ. Прямой потомокъ княгини Екатерины Борисовны Урусовой, дочери Фельдмаршала Шереметева, онъ съ дѣтства

былъ воспитанъ моимъ отцомъ и имъ же опредѣленъ на службу.

Такъ начался 1861 годъ. Странное было тогда время и любопытное. Старые дѣльцы, удаленные отъ дѣлъ, не примирялись съ дѣйствительностью. Они забрасывали отца письмами, жалобами, доносами и анонимными игривыми совѣтами. Такъ, въ одномъ изъ писемъ совѣтовали „мокрою метлою" прогнать новое управленіе и вновь призвать старыхъ слугъ. Въ одномъ изъ писемъ помнятся мнѣ стихи на князя Касаткина (въ подражаніе „Уголино"), въ которыхъ говорилось:

„Сердце князя - погребъ мрачный.
Тихъ, спокоенъ, ясенъ видъ,
Но взгляни на дно--ужасный
Крокодилъ на немъ лежитъ!"

Иногда въ письмахъ бывали и угрозы, указывали на судьбу Сергѣя Васильевича Шереметева (Нижегородскаго), только что передъ тѣмъ взятаго въ опеку.

Какъ бы то ни было, но всѣ мы сознавали, что сохраненіе старыхъ порядковъ въ управленіи было во всѣхъ отношеніяхъ невозможно. Мы привѣтствовали пріѣздъ князя Касаткина и сознавали важность и своевременность перемѣны. Почти одновременно съ нимъ и по его указанію переѣхалъ въ Петербургъ и вступилъ въ наши дѣла, какъ контролеръ и правитель дѣлъ, Э. Н. Кантемировъ.

Не могу умолчать объ этомъ достойнѣйшемъ человѣкѣ! Питомецъ Московскаго Университета и кандидатъ математическаго факультета, онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, гдѣ составилъ себѣ прочную репутацію дѣловаго человѣка и отличнаго контролера. Съ 1861 года занялся онъ дѣлами отцовскими и сдѣлалъ много добра. Онъ ввелъ новые порядки въ счетоводствѣ, упорядочилъ веденіе дѣлъ и, не смотря на трудныя и сложныя положенія, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать, лавируя между различными и вліятельными теченіями, съ

большимъ тактомъ и осторожностью сумѣлъ сохранить свое положеніе съ достоинствомъ и съ именемъ честнаго и хорошаго человѣка, ничѣмъ не запятнаннымъ. Лично я ему не разъ былъ обязанъ. Сохраняю о немъ доброе и благодарное воспоминаніе. Человѣкъ скромный и добросердечный, онъ испыталъ на своемъ вѣку и людскую неблагодарность и измѣнчивость отношеній — и никогда не озлоблялся; не было никогда въ немъ ни тѣни запальчивости, злопамятства—зложелательства. Такимъ онъ остался и понынѣ — доживая свой честный, трудолюбивый вѣкъ и заслуживъ общее расположеніе, полное довѣріе и неизмѣнное уваженіе. На старости его постигла слѣпота. И тутъ не измѣнилъ онъ себѣ. Все также благодушно и доброжелательно относился онъ ко всему, также вѣренъ былъ и надеженъ въ своихъ сношеніяхъ, также безупреченъ и благороденъ въ своихъ чувствахъ. Имя Эдуарда Николаевича Кантемирова для меня незабвенно и дорого.

Въ томъ же 1861 году обновилось и Московское управленіе, во главѣ котораго сталъ почтенный и многоопытный фонъ-Вендригъ. Къ сожалѣнію, онъ не долго управлялъ Московскими имѣніями, успѣвъ однако привлечь къ себѣ достойнаго помощника, котораго и рекомендовалъ своимъ преемникомъ. Вѣсская рекомендація фонъ-Вендрига была принята во вниманіе, и въ управленіе Московскими имѣніями вступилъ Генрихъ Ивановичъ Левбергъ. Это другое почтенное лицо, связанное съ Э. Н. Кантемировымъ давними и близкими отношеніями. Когда-то офицеръ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ, родомъ Финнъ, онъ женился на русской и давнымъ давно совершенно обрусѣлъ. На его долю выпали лѣсныя и луговыя имѣнія отца въ Московской губерніи, за исключеніемъ домовъ — Останкина и Кускова. Онъ не былъ предпріимчивъ и не думалъ о блестящихъ нововведеніяхъ, но поставилъ себѣ правиломъ сохраненіе и соблюденіе имущества, ему ввѣреннаго, и выполнилъ эту задачу съ замѣчательною добросовѣстностью.

Въ личныхъ сношеніяхъ онъ всегда былъ одинаковъ, и я не могу забыть его добраго ко мнѣ расположенія и вниманія тогда, когда это вовсе не было легко для человѣка въ его положеніи. Честность его была безупречная. Кончина этого достойнаго человѣка была для меня истинною потерею. Такіе люди не замѣняются. Отецъ былъ одинаково расположенъ къ Э. Н. Кантемирову и къ Г. И. Левбергу, и оба они цѣнили это расположеніе и не оставались у него въ долгу. Съ памятью Левберга связано много свѣтлыхъ воспоминаній въ моей жизни. По смерти жены, онъ покинулъ Москву и удалился на родину къ старушкамъ сестрамъ въ Вильманстрандъ, гдѣ и скончался. Вѣчная ему память!

Помню разъ въ Останкинѣ былъ я у него въ гостяхъ. Тамъ обѣдалъ пріятель его и старый товарищъ генералъ Сорокинъ, типъ уже исчезнувшій. Весело и отрадно было смотрѣть на двухъ стариковъ, вспоминавшихъ былые годы—связанныхъ неразрывною дружбой и старымъ товариществомъ.

Послѣ 1871 года Г. И. Левбергъ продолжалъ управлять подмосковными имѣніями и оказалъ мнѣ не мало незабвенныхъ услугъ. Съ особенною отрадою останавливаюсь на этой почтенной личности, сумѣвшей среди безпокойствъ и треволненій жизни не измѣнить себѣ и, сохранивъ доброе и почтенное имя, заслужить всеобщее уваженіе.

Въ 1860 году праздновался 50 лѣтній юбилей основанія Страннопріимнаго Дома въ Москвѣ. Отецъ всегда близко принималъ къ сердцу все, что касалось этого Дома. Предстояла поѣздка по этому случаю въ Москву. Отецъ уже давно къ ней готовился. Главный докторъ А. Т. Тарасенковъ составилъ къ этому дню историческое описаніе Страннопріимнаго Дома, которое доставило отцу большое удовольствіе. Назначенъ былъ наконецъ и день отъѣзда—даже отслуженъ напутственный молебенъ, безъ котораго

отецъ никогда не отправлялся въ путь,—и вдругъ все измѣнилось. Уже нѣкоторое время передъ тѣмъ отецъ чувствовалъ себя сильно разстроеннымъ, нервы его расходились, онъ впалъ въ какое-то небывалое состояніе унынія и тоски. Самъ не могъ съ собою справиться и говорилъ, что не можетъ объяснить, почему на него нашло такое состояніе. На самомъ дѣлѣ оно было до нѣкоторой степени объяснимо. Въ домашней его внутренней жизни встрѣтился онъ впервые, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ спокойствія, съ первымъ предостереженіемъ всему, что готовилось ему тяжкаго въ будущемъ...

Только такимъ внезапнымъ предостереженіемъ, испытаннымъ уже въ томъ возрастѣ, когда преимущественно чувствуется потребность въ душевномъ покоѣ, и объясняется то небывалое удрученное и тяжкое настроеніе, которое заставило отца внезапно отказаться отъ отрадной ему мысли о поѣздкѣ на юбилейное торжество Страннопріимнаго Дома.

Съ того времени наступаетъ для отца рядъ тревожныхъ годовъ, начинающихся съ того, что ему пришлось постепенно отказываться отъ многихъ привязанностей и привычекъ.

Болѣе 20 лѣтъ состоялъ при немъ камердинеромъ Евграфъ Семеновичъ Кравцовъ. Вынужденное увольненіе его было для отца дѣломъ не легкимъ. Ему извѣстны были его недостатки, но лично онъ былъ доволенъ его умѣньемъ и услужливостью, а главное—сила привычки для человѣка въ годахъ отца не могла не имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что отъ этой перемѣны отецъ ничего не выигралъ, такъ какъ новое лицо, замѣнившее Кравцова, не чуждое тѣхъ же недостатковъ, оказалось еще непривычнымъ къ дѣлу, да къ тому же—нетрезваго поведенія. Но фактъ совершился, въ домѣ всѣ поняли, что ужъ если очередь дошла до Кравцова, положеніе котораго считалось обезпеченнымъ давностью лѣтъ и силою привычки, то стано-

вилось яснымъ, въ какую сторону склоняется центръ тяжести.

Успѣхъ былъ привѣтствуемъ въ домѣ Потемкиныхъ и въ домѣ Блудовыхъ, какъ торжество добраго начинанія, направленнаго къ пользѣ. Въ дѣйствительности, трудно было и не сочувствовать этой перемѣнѣ. Сознавалась дѣйствительная потребность въ обновленіи персонала. Дѣло не въ перемѣнахъ, а въ способахъ ихъ достиженія: „Est modus in rebus"—и эту-то сторону чувствовалъ отецъ.

Наступалъ 1861 годъ. Онъ совпалъ съ полною перемѣною въ администраціи. И здѣсь не могло быть разногласія въ этой необходимости,—но и здѣсь приходилось повторить: „Est modus in rebus!"...

Новая администрація приняла дѣла управленія съ ограничительными условіями въ силу особаго акта, съ уплатою неустойки въ случаѣ перемѣны. Но если и нужна была извѣстная устойчивость въ такомъ крупномъ дѣлѣ, то нужна была и большая осторожность и особливое вниманіе, для избѣжанія невольныхъ шероховатостей. Отецъ скоро почувствовалъ себя до извѣстной степени связаннымъ, и въ его годы трудно было съ этимъ примириться. Началась томительная, упорная борьба, продолжавшаяся до конца 1862 года. Отецъ терялъ почву и чувствовалъ себя уязвленнымъ. Это время какъ разъ совпало съ трудными для меня днями приготовленія къ экзамену. Невольно я становился свидѣтелемъ, а иногда даже участникомъ тамъ, гдѣ практичнѣе было бы оставаться въ сторонѣ. Я помню томительные, ужасные дни, когда отецъ, внѣ себя отъ волненій, прибѣгалъ ко мнѣ внизъ, желая найти исходъ и отвлечься отъ угнетавшихъ его мыслей. Онъ приходилъ въ необычайномъ волненіи, говорилъ съ особеннымъ возбужденіемъ, искалъ опоры и не находилъ ее нигдѣ. Въ домѣ уже многое измѣнилось, другіе люди, другіе взгляды,

другіе интересы. Приходилъ онъ и къ Татьянѣ Васильевнѣ, и она старалась его успокоить.

Положеніе было тѣмъ серьезнѣе, что законъ 19 февраля выдвигалъ множество новыхъ вопросовъ, требовавшихъ знанія дѣла, спокойствія и безпристрастія; оно требовало и полнаго единства дѣйствій. Среди этихъ многочисленныхъ вопросовъ, одинъ былъ неотложный, а другой—чрезвычайной важности. Первый вопросъ—о разверстаніи угодій и о составленіи уставныхъ грамотъ, второй — о выкупѣ. По почину князя Касаткина, образована была, подъ его главенствомъ, сложная коллегія, которой поручено было не менѣе сложное дѣло грамотъ. Въ коллегію эту вступили многочисленные дѣльцы новаго типа. Отецъ признавалъ настоятельность работъ, и когда многосложный трудъ этотъ былъ оконченъ, онъ щедро наградилъ участниковъ. Съ меньшею рѣшительностію приступилъ онъ къ вопросу о выкупѣ; дѣло было новое и требовало всесторонняго обсужденія. Тѣмъ сложнѣе становился вопросъ, когда предложено было его разрѣшеніе не прямымъ путемъ, указаннымъ въ положеніи, а путемъ крайнимъ, но болѣе поспѣшнымъ — путемъ обязательнаго выкупа. Разговоръ невольно вращался вокругъ этихъ вопросовъ, а въ то время всѣ горячо и упорно занимались положеніемъ. Вездѣ раздавался одинъ только разговоръ, всѣ обсуждали и толковали „положеніе“ по своему. Я конечно не могъ оставаться равнодушнымъ, глубоко и убѣжденно сочувствуя освобожденію крестьянъ „съ землею“; но выкупная операція далеко не всѣмъ была ясна и требовала особливой осмотрительности. Отецъ былъ смущенъ быстротою хода и, привлекая меня къ этому дѣлу, желалъ моего сближенія съ княземъ Касаткинымъ. Мнѣ казалось тогда, что и со стороны послѣдняго было такое же желаніе; онъ былъ человѣкъ безусловно умный и толковый. Къ сожалѣнію, въ это дѣло примѣшалось

множество лицъ и преимущественно женскаго пола. Домашнее дѣло выступило на улицу и было подхвачено сложными теченіями, раздѣлявшими общество и правительственныя сферы, а въ тѣ времена кто не считался съ этими сферами, кто не желалъ прослыть за человѣка передоваго, кто не гонялся за такъ называемою „популярностію!" Не зная и не догадываясь о существованіи теченій, связанныхъ съ личными вопросами, уже тогда господствовавшими надъ безпристрастными стремленіями къ благу общественному, я въ простотѣ неопытности предложилъ обсудить выкупной вопросъ при участіи доброжелательныхъ лицъ, „компетентность" которыхъ была внѣ сомнѣній. Съ предварительнаго согласія этихъ лицъ, я назвалъ Графа Михаила Николаевича Муравьева, въ то время Министра Государственныхъ имуществъ, и бывшаго члена редакціонной коммисіи-Сенатора Кассаціоннаго департамента Василія Ивановича Булыгина. Родственное сочувствіе и государственный взглядъ обоихъ казались мнѣ залогомъ успѣха. Графъ М. Н. Муравьевъ сердечно предложилъ свои услуги и назначилъ у себя часъ для совѣщаній. Въ указанное время собрались у него В. А. Булыгинъ, Князь Касаткинъ и я. Конечно, объ этомъ было извѣстно отцу, и все дѣлалось съ его одобренія. Князь Касаткинъ доказывалъ необходимость безотлагательнаго и обязательнаго выкупа. Муравьевъ и Булыгинъ были безусловно противъ. Вскорѣ стало очевиднымъ, что князь Касаткинъ выполнялъ одну формальность, что вопросъ былъ имъ предрѣшенъ, и что подобное направленіе одобрялось его совѣтниками, стоящими внѣ нашего дома. Благодаря такому неожиданному переходу, вопросъ обострился, получивъ огласку. Тѣмъ временемъ раздраженіе отца и сознаніе непривычной ему зависимости достигли полной силы, мы переживали въ домѣ мучительные дни . . . . . .
. . . . . .

Положеніе 19 февраля подписано Графомъ Д. Н. Блудовымъ. Не касаясь личности этого, во всякомъ случаѣ выдающагося, человѣка, не могу умолчать о томъ, что дома у него полною хозяйкою была его дочь Графиня Антонина Дмитріевна. Она была центромъ, куда стекались кромѣ лицъ, служащихъ у отца, и многіе пріѣзжіе. Гостепріимство Блудовыхъ было простое и не затѣйливое, складъ дома и обычаи не носили вовсе оттѣнка космополитическаго, подобно инымъ современнымъ салонамъ. Этимъ отличаясь уже тогда—домъ Блудовыхъ привлекалъ и своими литературными преданіями и живымъ умомъ графини Антонины.

По смерти отца, она переселилась въ Зимній Дворецъ съ титуломъ Камеръ-фрейлины и жила у Салтыковскаго подъѣзда. Здѣсь Антонина Дмитріевна не только продолжала свои пріемы, но и расширила ихъ. Они получили нѣсколько иной оттѣнокъ, далеко не безличный въ тѣ времена, когда еще существовали салоны, когда дворъ Великой княгини Елены Павловны служилъ преимущественнымъ центромъ для дѣятелей, прикосновенныхъ къ трудамъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Здѣсь не мѣсто говорить о значеніи этого двора...

У Графини Антонины Дмитріевны оттѣнокъ былъ иной. Близость ея къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ и къ извѣстному кругу такъ называемыхъ „Славянофиловъ“ вводило къ ней разнообразные элементы, и притокъ такихъ лицъ былъ значителенъ. Въ числѣ ихъ, конечно, проникали къ ней и люди искательные, смотрѣвшіе на нее, какъ на удобный и полезный каналъ, по связямъ ея придворнымъ для обдѣлыванія своихъ личныхъ дѣлъ, и сношеніями съ нею дорожили и нуждались.

Вскорѣ послѣ кончины своего отца, она стала во главѣ созданнаго ею Кирилло-Меѳодьевскаго Острожскаго братства, дѣятельно занимаясь имъ во имя почтен-

ной идеи и сосредоточивая вокругъ себя и людей и средства для развитія своего дѣтища. Послѣднимъ иногда злоупотребляли люди искательные, путемъ братства вступавшіе въ практическое для себя общеніе съ вліятельной особой.

По давней близости нашихъ домовъ, по отдаленному родству и по дружбѣ нашихъ дѣдовъ, Графиня Блудова въ началѣ 60-хъ годовъ еще болѣе сблизилась, въ особенности когда засѣданія Кирилло-Меѳодьевскаго братства стали происходить въ нашемъ домѣ. Отецъ сочувствовалъ всякому доброму начинанію и охотно согласился вступить въ число братчиковъ, но главный составъ былъ дамскій; я помню цѣлый персоналъ такихъ благотворительно-политическихъ дамъ—собиравшихся у насъ въ домѣ вокругъ графини Антонины Дмитріевны, но, признаюсь, избѣгалъ этого направленія и тогда. Къ этимъ дамамъ прилѣплялись разныя лица нерѣдко искательнаго міра, при недостаточно строгой разборчивости въ выборѣ одно наименованіе „братчики“ уже было для графини Блудовой—заслугой. Сюда проникали и элементы съ оттѣнкомъ алымъ, особенно отличающіеся практичностью. Здѣсь возстановляется связь со всѣмъ, что мною было говорено по вопросу о выкупѣ. Вмѣшательство постороннихъ элементовъ напрашивается само собою, и понятенъ тотъ оттѣнокъ, который долженъ былъ преобладать въ ихъ разговорахъ и сужденіяхъ....

Блудовскія отраженія значительно дополнялись Потемкинскими. Здѣсь не мѣсто говорить о значеніи Татьяны Борисовны Потемкиной съ сестрою Софьею Борисовною Полторацкой и ихъ многочисленнаго двора. Это цѣлый особый міръ.

Домашнее наше дѣло выступало на всеобщее обсужденіе. Но стоило только въ тѣ времена произнести имя М. Н. Муравьева, чтобы въ извѣстной средѣ возбудить цѣлую бурю.....

Разъяснять это излишне.—Ясно, что и человѣкъ, обращающійся къ Муравьеву, долженъ быть сильно заподозрѣнъ....

Что касается до отца, то его отношенія къ Потемкинымъ и Блудовымъ носили свойственный ему своеобразный характеръ, основанный на давности и сочувствіи и лишенный всякаго иного оттѣнка. Съ своей стороны и за нимъ пристально слѣдили и, наблюдая за колебаніями его, всецѣло поддерживали господствующее въ домѣ теченіе. И вотъ случилось то, что было неизбѣжно. Сразу и рѣзко измѣнилось положеніе, и это было дѣломъ одного дня. Это своего рода „Journée des dupes!..“

Отецъ не выдержалъ дружнаго натиска и не въ силахъ былъ продолжать борьбу. Меня не только выдали головой, но и признали нужнымъ „отчитывать“. Безотлагательный и обязательный выкупъ былъ рѣшенъ. По желанію многихъ, съ графинею Блудовой во главѣ, признали нужнымъ подвергнуть меня своего рода „дезинфекціи“. Для сего приглашенъ я былъ однимъ изъ присныхъ графини Блудовой С. С. Жуковскимъ. Онъ принялъ меня холодно, высокомѣрно и прочелъ наставительную лекцію о неумѣстномъ моемъ образѣ дѣйствій, не соотвѣтствующемъ направленію и господствующимъ взглядамъ правительства.....

Съ этихъ дней я былъ уже совершенно отрѣшенъ отъ всякаго участія въ нашихъ дѣлахъ, о которыхъ отецъ пересталъ со мною говорить.

Все это тяжкое время осложнялось приготовленіями къ экзамену.

Въ 1863 году я былъ произведенъ въ офицеры и, вздохнувъ свободно, выбрался изъ домашняго омута...

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ пошли всякія заявленія и адресы. Являлись крестьянскія депутаціи съ хлѣбомъ-солью къ Государю. Отцовскіе крестьяне также не отстали въ общемъ выраженіи неподдѣльной радости, но и здѣсь выразилась своеобразная осо-

бенность ихъ отношеній къ отцу. Они прежде всего явились къ нему съ настоятельной просьбой самому вести ихъ къ Государю—что безъ него они не желаютъ подносить хлѣба-соли и отдѣлять себя отъ него въ такую знаменательную и торжественную минуту. Отца это заявленіе очень порадовало и утѣшило. И здѣсь опять звучала правда. Здѣсь не могло быть фразъ. Въ назначенный день отецъ отправился во дворецъ во главѣ крестьянской депутаціи, и это совмѣстное появленіе отца съ крестьянами для выраженія той же благодарности за великое дѣло—видимо доставило удовольствіе Государю. Онъ обласкалъ крестьянъ и указалъ на тѣсную и живую связь ихъ съ такими помѣщиками, какимъ былъ мой отецъ. Съ нимъ онъ былъ особенно привѣтливъ, и день этотъ остался въ памяти отца, какъ одно изъ лучшихъ воспоминаній въ жизни. Помню, съ какою радостью разсказывалъ онъ мнѣ подробности этого представленія.

Далеко отошли мы отъ достопамятнаго 1861 года, и все еще въ сужденіяхъ о немъ нѣтъ должнаго безпристрастія. Напрасно стараются иные поучительно и тенденціозно наставлять современниковъ своихъ, почитая себя патентованными просвѣтителями меньшей братіи. Имъ мерещится 1861 годъ, согласно собственному представленію, въ свое время воспринятому отъ извѣстныхъ руководителей... Они никого не убѣдятъ, потому что звонкая хлесткая фраза еще не есть доказательство, и говорить объ извѣстной исторической эпохѣ лицу не современному ей—нельзя безъ добросовѣстнаго и безпристрастнаго ея изученія. Такъ для того, чтобы придавать эпитетъ „честный“ или опредѣлять „честность“, нужно прежде всего самому быть „честнымъ“, иначе такія опредѣленія лишены значенія.

„Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ,
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ!“

Какъ современникъ 1861 года, дорожу всякими подробностями знаменательной эпохи и, видя въ ней осуществленіе многихъ свѣтлыхъ упованій, не считаю и никогда не считалъ возможнымъ идеализировать исполнителей великаго замысла, но мы и теперь еще не дожили до трезваго и безстрастнаго опредѣленія дѣятельности многихъ. Придетъ время, когда подвергнутъ строгому разбору блестящій фейерверкъ и сумѣютъ отличить подлинникъ отъ поддѣлки.

Случайно пришлось мнѣ подойти къ нѣкоторымъ изъ дѣятелей 60-хъ годовъ и испытать на себѣ ихъ то попечительное, то непрошенное вниманіе. И теперь въ годы зрѣлые, какъ и въ 1861 году, одинаково думаю и чувствую, какъ въ молодости, и эту живучесть впечатлѣній желалъ бы видѣть сохраненной и въ теперешнемъ поколѣніи. Но современная все анализирующая молодежь достигаетъ нерѣдко преждевременной старости, не замѣчая въ себѣ

„Кости щелканье сухой"...

И сколько молодыхъ, благородныхъ силъ, ложно и односторонне направленныхъ и засыхающихъ въ безплодныхъ потугахъ, всего менѣе способны къ вдохновительному и созидательному труду, и какъ часто плодовитыя произведенія ихъ заслуживаютъ печальнаго опредѣленія. „Senilia!"

Отецъ былъ вообще очень внимателенъ къ письмамъ. Обширная переписка его съ годовъ молодости бережно сохранялась у него въ особой большой шкатулкѣ. Не разъ говорилъ онъ мнѣ объ этомъ и совѣтовалъ также сохранять письма. Каково же было мое удивленіе, когда послѣ кончины его эта шкатулка оказалась пустою. На мой вопросъ мнѣ объяснили, что отецъ самъ уничтожилъ всѣ письма. Такъ ли это—сильно сомнѣваюсь.

Въ его уборной долгое число лѣтъ почему-то сохранялся ящикъ съ серебромъ, отдѣльно отъ прочаго серебра, хранившагося въ кладовой. Къ этому ящику давно пробирались, и отецъ былъ вынужденъ наконецъ его велѣть принести и раскрыть. Его удивило, что тяжелый ящикъ съ серебромъ внесенъ былъ въ комнату съ необычайною легкостью. Когда его открыли, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что ящикъ пустой, остались только мѣста, въ которыхъ когда-то размѣщено было серебро — а на днѣ этого ящика нашлась кипа забытыхъ писемъ. Когда ихъ разсмотрѣли, то оказалась переписка танцовщицы Истоминой!

Случай этотъ я думаю не былъ единственнымъ. Не мало драгоцѣнныхъ вещей разошлось по рукамъ, и немногія нашлись впослѣдствіи совершенно неожиданно и случайно.

Часть писемъ уцѣлѣла въ образной, но сравнительно весьма немного. Исчезли такимъ образомъ драгоцѣнныя письма къ моимъ родителямъ Митрополита Филарета.

Въ послѣдніе годы отецъ писалъ мало, но вообще онъ писалъ охотно и легко и любилъ переписку. Почеркъ у него былъ довольно четкій.

Отецъ почти не зналъ своихъ имѣній. Обстоятельства не подготовили и не развили въ немъ желанія ознакомиться съ дѣлами на мѣстѣ. Случайно попалъ онъ зимою въ Тульское имѣніе въ с. Серебряные Пруды, когда былъ еще Кавалергардскимъ офицеромъ. Самъ онъ мнѣ разсказывалъ, какъ это случилось. Императоръ Николай, въ то время ему покровительствовавшій, выразилъ желаніе, чтобы отецъ осмотрѣлъ свои имѣнія, о чемъ было передано полковому командиру. Поспѣшно даютъ отцу отпускъ, и вотъ онъ „по Высочайшему повелѣнію" ѣдетъ въ первое попавшееся имѣніе и ѣдетъ зимою изъ Москвы въ Серебряные Пруды, гдѣ былъ у него конный

заводъ, а затѣмъ опять возращается въ Москву. Теперь, быть можетъ, покажется страннымъ подобное вмѣшательство Императора Николая, но оно было не случайное, а весьма сознательное, какъ бы отеческое напоминаніе объ обязанностяхъ, лежащихъ на томъ, кому дано много.

Москву отецъ очень любилъ и всегда вспоминалъ съ особеннымъ оживленіемъ о 1826 годѣ. Это былъ годъ коронаціи Императора Николая. Блестящее общество собралось тогда въ Москвѣ; обѣ столицы соединились, чтобы достойно отпраздновать новое царствованіе. Итальянская опера тогда имѣла своимъ представителемъ тенора Peruzzi, который приводилъ всѣхъ въ восторгъ въ Семирамидѣ своею вставною аріей „Ma d'ove!"

Въ то время семья моей матери жила подъ Донскимъ монастыремъ, гдѣ былъ домъ М. С. Бахметевой съ обширнымъ садомъ, донынѣ существующимъ.

Отцу такъ было весело и хорошо въ Москвѣ, что онъ не торопился возвращеніемъ въ Петербургъ. Въ день 14 декабря 1825 года онъ находился въ строю съ Кавалергардскимъ полкомъ. Извѣстно, что полкъ, въ которомъ было много декабристовъ, долго не присягалъ и поздно появился на площади. Это было причиною неудовольствія Императора Николая, которое сгладилось только впослѣдствіи, когда шефомъ полка сдѣлалась Императрица Александра Ѳеодоровна. Отецъ не могъ попасть въ казармы и отправился верхомъ прямо на площадь для соединенія съ полкомъ. Ѣхалъ онъ Гороховой и помнилъ, какъ трудно было подвигаться изъ за толпы, какія странныя были встрѣчи, и какъ чувствовалось что-то безпорядочное въ движеніи по улицѣ. На площади онъ видѣлъ, какъ оторвало руку барону Веліо, когда онъ поднялъ её для команды. Погода была холодная при сильной гололедицѣ. Лошади скользили и падали. На площади пришлось держаться долго. Отецъ сильно

окоченѣлъ, и его привезли домой совсѣмъ больнаго и долго оттирали. День этотъ оставилъ глубокое впечатлѣніе, и отецъ любилъ припоминать эпизоды, бывшіе на площади, которые къ сожалѣнію я запамятовалъ.

Любилъ онъ вспоминать объ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, хотя никогда не замѣчалъ его сочувствія. Ему покровительствовала Императрица Марія Ѳеодоровна, принимая у себя въ Павловскѣ и слѣдя за его воспитаніемъ, — все это конечно въ память дѣда, который всегда былъ близкимъ человѣкомъ ко Двору ея со временъ Гатчинскихъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Быть можетъ, это покровительство Императрицы и было причиною сдержанности Императора Александра къ сыну того, кто съ дѣтства былъ близкимъ человѣкомъ Императору Павлу и провелъ съ нимъ послѣдній вечеръ въ жизни, не подозрѣвая близкаго конца. Отецъ всегда разсказывалъ объ изяществѣ Александра Павловича, объ его лорнеткѣ, которую онъ всегда носилъ засунутой за воротникъ сюртука или мундира и вынималъ ее, чтобы всмотрѣться, а потомъ тотчасъ же клалъ обратно на свое мѣсто. Отецъ находилъ, что Императоръ Александръ Николаевичъ нѣсколько напоминалъ въ первое время манеру Александра I. Помню разсказъ его объ ухаживаніи Государя Александра Павловича за Марьей Андреевной Поликарповой, тогда еще княжной Щербатовой. Однажды, встрѣтивъ ее въ Царскомъ селѣ зимою въ паркѣ, онъ сошелъ съ узкой дорожки въ снѣгъ, чтобы дать ей пройти, и когда она хотѣла сдѣлать то же самое, то этого не допустилъ.

Когда отецъ былъ еще очень молодъ, онъ повидимому былъ намѣченъ для одной особы, дни которой были сочтены. Но онъ всячески старался избѣгнуть этой случайности и достигъ желаемаго. Особа сдѣ-

лалась невѣстою другаго и вскорѣ скончалась къ великому горю того, чья она была дочь.

Такое начало могло отразиться на дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ отцу Императора Александра I, рѣзко оборвавшаго его, когда онъ совсѣмъ молодымъ офицеромъ подходилъ къ нему, держа палашъ подъ высь. Замѣтивъ цѣнный клинокъ палаша, Александръ строго замѣтилъ: „Щегольство не у мѣста!“

Отецъ вообще любилъ меня распрашивать объ обществѣ—когда я выѣзжалъ въ свѣтъ; его интересовало новое поколѣніе, и онъ сравнивалъ его съ прежнимъ—дѣлалъ замѣчанія, часто очень мѣткія, припоминалъ отцовъ и матерей моихъ современниковъ.

Онъ сохранилъ впечатлѣніе о видѣнныхъ имъ красавицахъ, жалѣю, что многихъ не могу припомнить; памятенъ мнѣ разговоръ о красотѣ графини Марины Дмитріевны Гурьевой, дочери Марьи Антоновны Нарышкиной, съ которою мнѣ случайно пришлось встрѣтиться въ Дрезденѣ въ 1861 году, когда она была уже старухой. Во всякомъ случаѣ, отецъ многое зналъ о Нарышкинскомъ домѣ и о высокихъ его посѣтителяхъ, такъ какъ одновременно жила въ немъ кн. Жанетта Антоновна Четвертинская, за которою ухаживалъ Константинъ Павловичъ. Однажды въ этомъ домѣ попался Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, еще молодымъ человѣкомъ. Его tête à tête былъ прерванъ появленіемъ въ домѣ Имп. Александра „Fuyez!“ закричала хозяйка Норову—и онъ поспѣшилъ скрыться, незамѣченный Государемъ.

Разсказывалъ отецъ о старомъ Князѣ Волконскомъ, большомъ чудакѣ, гулявшемъ всегда пѣшкомъ по набережной Фонтанки и въ мундирѣ. Онъ, проходя мимо нашего дома и воротъ рѣшетки, надъ которыми виситъ и донынѣ крестъ съ иконой, всегда останавливался и клалъ земные поклоны. Нерѣдко вспоминалъ отецъ о князѣ Алексѣѣ Ѳеодоровичѣ Орловѣ. Онъ отлично подражалъ его голосу и передавалъ разго-

воръ съ Николаемъ Павловичемъ и дорожныя сцены, когда Государь спалъ на плечѣ Орлова. Смѣялся онъ, хотя и не одобрительно, припоминая графа Киселева, опоздавшаго къ обѣднѣ и объяснявшаго потомъ, что онъ пришелъ въ церковь „pour le co страхомъ,“ — какъ выражался Киселевъ. Но особенно хорошо подражалъ отецъ говорящимъ по французски Итальянцамъ, которымъ вообще сочувствовалъ.

Смутно припоминаю одного изъ друзей дѣда— нѣкоего музыканта Фаціуса; если не ошибаюсь, я видѣлъ его у отца, но быть можетъ это было другое лицо, такъ какъ первое довольно неправдоподобно. Фаціусъ принадлежалъ къ тѣсному кружку друзей дѣда вмѣстѣ съ герцогомъ Серра Капріола и также любилъ музыку.

Старика Балдовскаго, бывшаго грозой въ нашемъ домѣ, когда-то камердинера и управителя при отцѣ— я видалъ не разъ, но всегда въ дѣтствѣ избѣгалъ его. Онъ и въ старости казался угрюмымъ и суровымъ. Бодрый старикъ съ военной выправкой онъ имѣлъ видъ отставнаго фельдфебеля и носилъ форменные усы и бакенбарды.

Помню и другаго, совсѣмъ уже не молодаго человѣка, низенькаго роста и типичнаго, онъ служилъ въ конторѣ однимъ изъ главныхъ дѣльцовъ. Дюсо прозывалъ его всегда: „Vorofkof,“ хотя настоящая его фамилія была Боровковъ.

Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, всегда отличавшійся напускнымъ простодушіемъ и желаніемъ оригинальности, служилъ въ Конной гвардіи, когда отецъ былъ Кавалергардомъ. Уже на моей памяти онъ, встрѣтивъ отца, представилъ его кому-то со словами: „Voila quelqu'un qui contient dans son ventre dix princes d' Allemagne!“ — Чѣмъ конечно смутилъ отца, нелюбившаго хвастливыхъ напоминаній объ его богатствѣ. Особенно чтилъ отецъ старика графа Рибопьера, оберъ—камергера и когда-то подчинен-

наго дѣда. Уважалъ онъ также его родственника Александра Михайловича Потемкина, мужа Татьяны Борисовны, человѣка простаго и чудоковатаго, но дѣйствительно добраго и почтеннаго.

Послѣднимъ духовникомъ отца былъ Протоіерей Казанскаго собора Дебольскій, а до него—его предшественникъ по Казанскому же собору—Райковскій. Онъ же былъ духовникомъ его, когда отецъ вступилъ во второй бракъ. Еще ранѣе духовникомъ его въ Москвѣ былъ добрый и снисходительный старикъ Константинъ Никифоровичъ, прихода Харитонія въ Огородникахъ. Это былъ другъ всего семейства Шереметевыхъ, еще того съ времени, когда они жили въ своемъ домѣ въ его приходѣ. Отецъ его называлъ „Constantin Nicephore," и я еще засталъ его у бабушки Екатерины Васильевны на Воздвиженкѣ. Но еще раньше былъ у него строгій и внушительный духовникъ протоіерей Мысловскій. Отецъ мнѣ разсказывалъ — про выразительность и силу его рѣчи: это тотъ самый Мысловскій, который былъ духовникомъ декабристовъ и о которомъ столько противорѣчивыхъ извѣстій. Декабристы его любили, онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Надеждой Николаевной Шереметевой, и портретъ его донынѣ хранится въ Покровскомъ, но графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ не любилъ его (по словамъ А. В. Кафтыревой), называя его „предателемъ." Во всякомъ случаѣ, это была личность не дюжинная, и сильное впечатлѣніе оставилъ онъ на тѣхъ, кто его зналъ.

Вообще у отца было много сношеній между духовенствомъ и монашествующими, не говоря уже объ архіереяхъ, но онъ принималъ съ разборомъ— а не перваго встрѣчнаго и сближался только съ тѣми, къ которымъ испытывалъ особое чувство уваженія. Проходимцы и искатели ему были чужды, и онъ скоро различалъ настоящее отъ поддѣльнаго.

Помню, какъ однажды пріѣхалъ къ намъ въ домъ Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ, товарищъ отца, уже старикомъ, послѣ своего губернаторства въ Ярославлѣ. Отецъ очень обрадовался встрѣчѣ, и они вмѣстѣ пошли къ Татьянѣ Васильевнѣ, которую Бутурлинъ очень давно не встрѣчалъ.

Видѣлъ я, какъ дружески они встрѣтились и какъ Бутурлинъ старался ее развеселить и напомнить прошлое. Она жаловалась на старость, а Бутурлинъ шутилъ, называя её „Сильфидою". Отецъ разсказывалъ, что А. П. Бутурлинъ не любилъ, когда ему не доливали въ бокалъ шампанскаго. Бывало положитъ два пальца на бокалъ, какъ будто останавливая наливающаго, но тотъ долженъ былъ понять, что слѣдовало продолжать лить вино въ промежутокъ между двумя пальцами. Опытная прислуга знала эту привычку Бутурлина—лишь для видимости заслонять бокалъ.

Я всегда любилъ, когда отецъ встрѣчался съ старыми товарищами; онъ тотчасъ же оживлялся—вспоминалъ прошлое, молодѣлъ, и я только удивлялся, почему это бывало такъ рѣдко и какъ такой, вполнѣ общительный человѣкъ, въ домашнемъ быту такъ упорно уединялся. Живо помню встрѣчу отца у Апрѣлевыхъ съ старымъ товарищемъ, бывшимъ кавалергардомъ Пантелѣевымъ, и какой по этому поводу былъ оживленный ужинъ.

Жаль мнѣ было всегда его разрыва съ Даноуровыми. Я засталъ только одного изъ братьевъ, воспитывавшихся съ отцомъ, именно Петра Михайловича Даноурова, бывшаго подъ конецъ Товарищемъ государственнаго контролера. Онъ былъ женатъ на Хитровой, на дочери своего начальника, Алексѣя Захарьевича Хитрова. Между отцомъ и П. М. Даноуровымъ произошла размолвка не задолго до 1857 года, и съ тѣхъ поръ они уже не видались. Но отецъ любилъ вспоминать о Даноуровыхъ и часто

разсказывалъ объ нихъ и всегда съ большимъ добродушіемъ. Старика Михаила Ивановича, своего попечителя, онъ глубоко уважалъ.

Другаго брата Ивана Михайловича Даноурова, женатаго на княжнѣ Голицыной, я уже не засталъ. Отецъ его любилъ и не разъ его выручалъ. Ихъ мать Марья Ѳедотовна Даноурова, урожденная Веригина, была важная и нѣсколько чопорная старушка и притомъ довольно властная. Отецъ былъ всегда съ нею почтителенъ, но особенной близости не было. Она была недовольна бракомъ отца на моей матери, но впослѣдствіи вполнѣ примирилась, благодаря тому, что моя мать всегда была очень внимательна къ Марьѣ Ѳедотовнѣ. Она умерла въ сороковыхъ годахъ, и я ее не помню, но припоминаю только тѣ игрушки, которыя она мнѣ присылала. За то очень хорошо помню ея сестру Наталью Ѳедотовну Плещееву, Статсъ-даму. Важная была тоже старушка, но добрая; пріѣзжала она не разъ къ намъ въ церковь, и отецъ оказывалъ ей особое вниманіе. Татьяна Васильевна ее очень любила и была на ея похоронахъ. Помню ея разсказъ, какъ она во время панихиды стояла очень близко отъ Государя Александра II, только что тогда воцарившагося. Пріѣзжала къ намъ въ церковь еще древняя старушка Мартынова, въ каретѣ цугомъ, но отецъ ея избѣгалъ. Плещеева играла роль при дворѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Семейство Блудовыхъ неизмѣнно пріѣзжало къ намъ въ церковь и всегда становилось въ темной молельной. Татьяна Васильевна очень любила дочерей гр. Дмитрія Николаевича Блудова—Лидію Дмитріевну Шевичъ и Антонину, съ которыми пріѣзжала иногда ихъ бывшая гувернантка M-lle Dutour. Иногда бывала и старуха Мальцова, Капитолина—вдова Ивана Акимовича, нѣкогда жена Василья Львовича Пушкина,—„Капочка“, какъ называли ее

современники! Пока она была жива, домъ Мальцовыхъ на Моховой сохранялъ свою патріархальность, быстро утратившуюся въ 60-хъ годахъ. Всѣ Мальцовы изстари были нашими прихожанами и съ дѣтства помню у насъ въ церкви Анастасію Николаевну Мальцову, которую отецъ знавалъ еще молоденькою дѣвушкою.

О томъ, какое значеніе имѣла въ жизни отца наша домовая церковь, я говорю подробнѣе въ воспоминаніяхъ о богослуженіи въ ней. У насъ образовался свой отдѣльный кругъ прихожанъ. Всего болѣе пріѣзжали въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Это было лучшее время хора. Ломакинъ былъ въ славѣ и много занимался хоромъ, въ особенности когда покинулъ Придворную Пѣвческую Капеллу, гдѣ ему не повезло. Хоръ нашъ одно время былъ такъ великъ, что съ трудомъ помѣщался на клиросѣ церкви. Альты и дисканты большею частію выписывались изъ Малороссіи, изъ имѣній Борисовки и Алексѣевки. Тамъ, на мѣстѣ, были приготовительныя училища, гдѣ испытывались голоса. Конечно, городскіе голоса не отличались тою же чистотою и свѣжестью. Съ голоса спадали мальчики какъ-то скорѣе. Но хоръ все еще былъ хорошъ до конца и славился тенорами и октавами. Почитателей и цѣнителей было всегда очень много и особенно постомъ, когда церковь бывала переполнена.

Живо запечатлѣлись въ памяти тѣ прихожане, которые не годами, а десятками лѣтъ, неизмѣнно являлись въ нашу церковь, иногда ревниво придерживаясь своихъ давнихъ излюбленныхъ мѣстъ. Я точно сроднился съ дѣтства съ этими лицами, видя ихъ постоянно передъ собою, на своихъ завѣтныхъ мѣстахъ. Безъ этихъ „столбовъ“ какъ-то непривычно было видѣть молящихся въ церкви. Они служили необходимымъ и неизбѣжнымъ дополненіемъ. Кто же были

эти „стражи Израилевы“, изстари сроднившіеся подъ сѣнію домоваго храма?

Прежде всего назову Грузина, 80-ти лѣтняго старика Генерала Іосселіани. Съ незапамятныхъ временъ онъ посѣщалъ нашу церковь, всегда становился у правой колонны около пѣвчихъ и никого не пропускалъ дальше, чтобы не заслоняли собою хора. Онъ строго къ этому относился, зная что отецъ этого особенно не любилъ. Всѣ побаивались строгаго генерала и не дерзали пройти мимо. Онъ былъ исполинскаго роста, съ орлинымъ носомъ, съ сѣдыми бакенбардами и носилъ крестъ на Георгіевской лентѣ. Когда пѣли „Тебѣ поемъ“, Херувимскую или читали Евангеліе—Іосселіани какъ-то особенно выпрямлялся, держалъ руки по швамъ и во время пѣнія вполголоса произносилъ на Грузинскомъ языкѣ какіе-то звуки: „Матаса, матаса“,—должно быть молитву. Когда къ нему обращались, онъ отвѣчалъ, что слѣдуетъ стоять—„прости“. Одно время заходилъ онъ ко мнѣ передъ обѣдней. Тутъ разсказалъ онъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Россію съ послѣднимъ Грузинскимъ царевичемъ, или царемъ въ его свитѣ, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Въ то время только что скончался мой дѣдъ (1809) Николай Петровичъ, и, если не ошибаюсь, они поселились въ томъ же домѣ (нынѣ Гр. Панинымъ). Потомъ долгое время служилъ Іосселіани при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Курутой. Увидавъ у меня портретъ Императора Павла масляными красками, онъ припоминалъ, что у Константина Павловича висѣлъ такой же портретъ, и что кромѣ того былъ у него и портретъ Александра Павловича, что Константинъ Павловичъ нерѣдко сердился на брата. Іосселіани не любилъ моего сожителя и ментора Гренинга и говорилъ про него громко по грузински, отчеканивая слова: „Сенека—того же вѣка, да въ головѣ

не то". Былъ у насъ одно время дьячекъ Марсовъ съ непріятнѣйшимъ грубымъ голосомъ. Когда онъ выходилъ читать апостолъ, Іосселіани всегда обращался къ стоящему около него камергеру Аркадію Николаевичу Мазовскому и почему-то укоризненно говорилъ ему: „Это твоя рекоменденція", хотя Мазовской не имѣлъ понятія о Марсовѣ. Когда въ началѣ каждой обѣдни старикъ Андрей Кузьмичъ съ книжками поминаній чинно и сосредоточенно проходилъ въ олтарь, то Іосселіани говорилъ: „тяжелая почта".

Строго слѣдя за чинностію богослуженій, онъ не любилъ и жеманства со стороны церковно-служителей. Такъ, однажды, когда вновь появившійся дьяконъ, при возгласѣ: „И во вѣки вѣковъ" и обращеніи къ предстоящимъ, повелъ орарёмъ и сдѣлалъ при этомъ дѣйствительно странное движеніе, то Іосселіани довольно громко произнесъ, обращаясь къ стоящимъ около него А. Н. Мазовскому и князю А. В. Шаховскому: „a la Bayadère!"... Всѣ прихожане хорошо знали другъ друга, и появленіе новаго лица всегда обращало на себя вниманіе. Такъ, приходитъ неизвѣстный господинъ и становится неподалеку отъ Іосселіани; сосѣди глядятъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, и Мазовской рѣшается спросить у Іосселіани, не знаетъ ли онъ — кто это лицо? Но онъ и самъ не радъ былъ этому вопросу: Іосселіани довольно громко и раздражительно на всю церковь произнесъ: „Garibaldi!"...

Около строгаго Іосселіани пріютился скромный, добродушный и почтенный Аркадій Николаевичъ Мазовской, котораго А. Н. Муравьевъ прозвалъ „фіалка", за его скромный нравъ. Это одинъ изъ основныхъ прихожанъ. Носилъ онъ когда-то рыжій парикъ и служилъ у Принца Ольденбургскаго, чрезъ котораго получилъ Ольденбургскій орденъ, весьма похожій на нашъ Георгіевскій крестъ. Муравьевъ, когда видѣлъ на Мазовскомъ этотъ крестъ, всегда

прикладывался къ нему и называлъ его „Егорій на вспольѣ“. Послѣднее время онъ ходилъ безъ парика, и на головѣ у него не было ни одного волоса. Жилъ онъ въ переулкѣ, въ домѣ графа В. П. Орлова-Давыдова, который, посѣщая его, говаривалъ ему „Bonjour, mon vassal!“ Мазовской-Новгородскій помѣщикъ, Боровичскаго уѣзда; его имѣніе село Крутецъ, гдѣ онъ похороненъ рядомъ съ женой. Онъ рано овдовѣлъ и съ тѣхъ поръ покинулъ Крутецъ, но каждый годъ въ день кончины жены онъ туда ѣздилъ. Человѣкъ доброжелательный и незлобивый, онъ привлекалъ къ себѣ простотою сердца и истинно христіанскимъ смиреніемъ. Вмѣстѣ съ Мазовскимъ, всегдашнимъ спутникомъ А. Н. Муравьева и кореннымъ прихожаниномъ былъ князь А. В. Шаховской, родственникъ Муравьеву и большой знатокъ церковнаго устава.

Около нихъ неизмѣнно становился Илья Дмитріевичъ Мухановъ, генералъ и впослѣдствіи Почетный опекунъ, бывшій адъютантъ Принца П. Г. Ольденбургскаго. Послѣ смерти Іосселіани онъ унаслѣдовалъ его мѣстомъ и распорядительностію. Прямой и порывистый, онъ щеголялъ отсутствіемъ дипломатическихъ пріемовъ. Сѣдая львиная голова его была очень выразительна. Въ болѣе раннее время — помнятся мнѣ тутъ же: довольно древній Адмиралъ Казинъ и маленькаго роста Контръ-адмиралъ Бровцынъ, по прозванію „кашлюньчикъ“, а позднѣе — князь Аполлонъ Урусовъ, одинъ изъ потерпѣвшихъ извѣстное крушеніе на „Діанѣ“. Постоянными посѣтителями, въ теченіе долгихъ лѣтъ, была семья Голицыныхъ-Сумароковыхъ. Княгиня Шаховская — Моденъ, старуха Баронесса Ливенъ съ дочерьми, Оболенскіе, Дирины, Танѣевы, Потаповы, Родзянко, Ремеръ, Гагарины, Мартыновы, Ахматовъ... Помню сѣдую, какъ лунь, голову Князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, а

послѣ его смерти часто пріѣзжала въ церковь его княгиня Софья Алексѣевна съ дочерью княжною Софьей Ивановной. Княгиня Шаховская, урожденная графиня Мусинъ-Пушкина, дочь графа Алексѣя Ивановича, одна изъ сестеръ, воспѣтыхъ когда-то въ молодости княземъ П. А. Вяземскимъ въ ихъ Московскомъ домѣ на Разгуляѣ, сановитая и привѣтливая, глубоко благочестивая,— княгиня Софья Алексѣевна была лучшею представительницею стараго родовитаго дворянства. Ея патріархальный домъ былъ центромъ, въ которомъ сходились родственныя чисто русскія по преданію и воспитанію семьи Шаховскихъ, Оболенскихъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Рѣзко отличался этотъ домъ и хозяйка его отъ другихъ средоточій съ оттѣнками иноземными и придворными или ханжевства. Какъ теперь вижу, подходитъ княгиня Софья Алексѣевна прикладываться къ образу; медленною, невѣрною походкою выступаетъ она, голова ея слегка вздрагиваетъ, старомодный кружевной чепецъ рѣзко выдѣляетъ сѣдые ея волосы и необыкновенно правильныя черты лица; подъ руку ведетъ ее дочь княжна Софья Ивановна, вся посвятившая себя уходу и попеченіямъ о своей матери; тутъ же и братъ ея, почтенный князь Николай Ивановичъ. Въ темномъ углу церкви стоитъ князь Алексѣй Васильевичъ Оболенскій, доблестно командовавшій баттареею, остановившей аттаку Англійской кавалеріи подъ Балаклавою—человѣкъ Божій и братъ незабвеннаго для меня князя Егора Васильевича. Тутъ и Анастасія Николаевна Мальцова, съ цѣлою вереницею дѣтей. Съ моего мѣста невольно все было видно въ церкви. Запало мнѣ въ память, какъ Анастасія Николаевна разговаривая улыбалась генералу свиты, щеголевато одѣтому съ большой лысиной на головѣ. Генералъ этотъ также улыбался, любезничалъ и словно таялъ передъ собесѣдницей,—то былъ вскорѣ послѣ того назначенный Оберъ прокуроромъ Святѣй-

шаго Синода—Ахматовъ. Медленно и плавно входила вслѣдъ за А. Н. Мальцовой княгиня М. А. Вяземская, съ лицомъ античной статуи и съ дѣтьми своими неизмѣнно становилась около Мальцовыхъ. Иногда появлялся въ церкви старикъ графъ Егоръ Евграфовичъ Камаровскій, воспитанникъ іезуитовъ, женатый на графинѣ Віельгорской. Причудливый, но добрый и преученый, онъ нравился отцу своими манерами стараго эмигранта и безукоризненной утонченной французской рѣчью. Одно время князь А. В. Шаховской и Шевичъ, внукъ графа Блудова, старшій сынъ Лидіи Дмитріевны, стояли всегда у входныхъ дверей церкви (по пути отъ столовой); ихъ прозвали „les deux battants". Тутъ же въ темной моленной Лидія Дмитріевна Шевичъ и „Antoinette". А у первой желтой колонны, при входѣ въ церковь влѣво, неизмѣнно стоялъ и размашисто крестился князь Николай Александровичъ Долгоруковъ; съ нимъ рядомъ сестра его Надежда Александровна Безкорниловичъ.

Андрея Николаевича Муравьева помню я съ самаго дѣтства. Онъ былъ шаферомъ моей матери и часто бывалъ у отца, съ которымъ связывали его общіе интересы церковные. Ходилъ онъ въ нашу домовую церковь часто, и ему извѣстны были всѣ наши порядки. Церковное благолѣпіе, стройное, прекрасное пѣніе, бережное сохраненіе домашней святыни, все это было ему дорого и сочувственно.

Онъ нерѣдко приходилъ ко мнѣ, предпочитая разговаривать съ моимъ воспитателемъ Руже (Rouget), съ которымъ бывали у него разговоры богословскіе. Нашъ домашній библіотекарь Корсини (Corsini), находившійся съ нимъ въ сношеніяхъ, доставлялъ иногда книги. Еще до коронаціи 1856 г. отецъ мой предложилъ Муравьеву одну изъ дачъ въ Останкинѣ, которое ему особенно полюбилось, и онъ провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ сряду и въ томъ числѣ и все лѣто коронаціи, когда въ Останкинѣ жилъ

Государь. Тамъ написалъ онъ, „Русскую Ѳиваиду“ и Воспоминаніе о коронаціи. Онъ особенно дорожилъ Останкинымъ, потому что, живя за городомъ, имѣлъ возможность часто видѣть Митрополита Филарета. Къ сожалѣнію случилось недоразумѣніе съ тогдашнимъ управляющимъ, Прокофіемъ Сусловымъ (отцомъ доктора Сусловой-Эрисманъ). Отчасти безпокойный и неуживчивый нравъ самого Муравьева, а въ добавокъ интриги и сплетни довели до того, что Муравьевъ покинулъ навсегда Останкино и на время прекратилъ даже сношенія съ моимъ отцомъ. Впослѣдствіи, отъ него самаго слыхалъ я, что съ того времени онъ началъ мечтать о пріобрѣтеніи усадьбы въ Кіевѣ, когда Останкино было для него закрыто, о чемъ онъ всегда вспоминалъ съ грустью.

Если не ошибаюсь, нѣсколько лѣтъ Муравьевъ вовсе не ходилъ въ нашъ домъ. Не знаю, какъ опять состоялось сближеніе, но уже помню его первое посѣщеніе графини Александры Григорьевны. Это было въ Петербургѣ. Видѣлъ я его на свадьбѣ дяди Бориса Сергѣевича въ Москвѣ и за свадебнымъ обѣдомъ въ большомъ Шиповскомъ домѣ на Лубянкѣ. Позднѣе встрѣчалъ я его часто въ Удѣльномъ домѣ у брата, Михаила Николаевича, который держалъ его въ „*респектѣ*“. Въ Москвѣ бывалъ онъ нерѣдко на Воздвиженкѣ, глубоко уважая Екатерину Васильевну Шереметеву. Онъ любилъ ее смѣшить, и вообще у него былъ даръ отлично разсказывать. Также былъ онъ охотникъ давать прозвища. В. П. Горчакова прозывалъ онъ „Желтавкой“, а ген. ад. Сергія Павловича Шипова „Снигиремъ“. Вообще онъ не долюбливалъ семейство Шиповыхъ и особенно Николая Павловича, купившаго у братьевъ Муравьевыхъ извѣстное Осташово, отчасти быть можетъ и потому, что Шиповъ не обращалъ достаточнаго вниманія на памятникъ Андрея Николаевича на горѣ, въ

честь его названной Андреевской. Въ шестидесятыхъ годахъ Муравьевъ посѣщалъ нашу церковь по прежнему и даже еще болѣе сталъ входить въ подробности службы и былъ строгимъ блюстителемъ Устава. Отецъ мой смѣясь разсказывалъ, что уступилъ Андрею Николаевичу все, что касалось до соблюденія Устава, признавая его авторитетъ, самъ же оставилъ себѣ часть музыкальную. Но отецъ также довольно твердо знакомъ былъ съ уставомъ и къ тому же сдерживалъ иногда порывы Андрея Николаевича, стремившагося къ превращенію службы въ монастырскую, безъ всякихъ пропусковъ. Прихожане утомлялись отъ продолжительной службы, а духовенство боялось Муравьева, какъ огня. Пришлось сдѣлать взаимныя уступки. Впрочемъ, во многомъ онъ принесъ пользу и далъ подобающее направленіе, за что отецъ былъ ему очень благодаренъ. Помню разъ, въ Великую субботу, Муравьевъ заблаговременно вызвалъ нашего стараго дьячка и уставщика Илью Круглякова и условился съ нимъ, какія читать пареміи. Илья Кругляковъ состоялъ въ дѣтствѣ пѣвчимъ въ нашемъ хорѣ и былъ родомъ изъ с. Алексѣевки. Въ видѣ особенной милости онъ былъ награжденъ стихаремъ митрополитомъ Антоніемъ. Отличный чтецъ и добросовѣстный исполнитель своихъ обязанностей, онъ пользовался расположеніемъ всѣхъ прихожанъ. Прочесть всѣ пареміи было трудно. Муравьевъ началъ торговаться. Рѣшили: столько-то и какія именно. Началась служба. Кругляковъ своимъ звучнымъ, отчетливымъ теноркомъ вычитываетъ пареміи, но дѣлаетъ большой пропускъ и прямо переходитъ къ пророчеству Даніила о трехъ отрокахъ въ пещи Халдейской. Муравьевъ вышелъ изъ себя и жестоко разсердился на Круглякова. Когда тотъ пришелъ къ нему на Святой недѣлѣ христосоваться, Муравьевъ его не принялъ, сказавъ: „не достоинъ!“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ не любилъ, когда на молебнахъ называли многихъ Святыхъ, послѣ словъ „молите Бога о насъ“,—такіе-то святые. Муравьевъ говаривалъ: „Не нанизывайте Святыхъ!“ Онъ не охотникъ былъ и до акаѳистовъ кромѣ весьма немногихъ и говорилъ, что это позднѣйшее нововведеніе восточное (la religion des—акаѳисты), что писать акаѳисты нужно умѣючи и осторожно. Самъ, для образца, написалъ онъ прекрасный акаѳистъ Андрею Первозванному. Продолжительное словословіе не должно быть въ акаѳистахъ. Въ церкви нашей нѣкоторыя мѣста носили у него особыя названія. Такъ, напримѣръ, ту часть, которая стѣною отгорожена отъ средины, онъ называлъ „Овчая купель“. Тутъ обыкновенно стояли старики и больные. Одно время, чтобы дать хору отдохнуть во время службы, на лѣвомъ клиросѣ пѣли три дьячка съ Кругляковымъ во главѣ. Муравьевъ ихъ прозвалъ „Три отрока въ пещи Халдейской“. Одинъ изъ стариковъ, стоявшихъ въ „овчей купели“, подслѣповатый Смирновъ говаривалъ, когда его спрашивали: „ou vous te nez vous?“—„Mais a côté de cette vieille femme!“— И его нельзя было увѣрить, что эта „vieille femme“ было изображеніе Св. Митрофанія. Тутъ же стоялъ съ своей деревяшкой Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ.

По мысли Муравьева, мощи, находившіяся въ образной, собраны были въ одинъ серебряный массивный ковчегъ въ видѣ аналоя и поставлены въ церкви, гдѣ находятся до сихъ поръ. Ковчегъ этотъ заказанъ былъ мастеру Верховцеву. Муравьевъ нѣсколько лѣтъ сряду говѣлъ и причащался въ нашей церкви въ Великій четвергъ. Въ этотъ день и отецъ и всѣ мы также причащались. Памятно мнѣ, какъ Андрей Николаевичъ выходилъ на середину церкви для чтенія правилъ. Выступала высокая фигура съ взъерошенными волосами, въ бѣломъ галстукѣ, со всегдашней золотой цѣпочкой поверхъ сюртука, съ

книгою въ рукахъ почти у самыхъ глазъ. Взволнованнымъ голосомъ начинается чтеніе — „Грядите людіе". Какъ теперь, слышу его голосъ, сначала немного дрожащій, потомъ твердый и задушевный. Читалъ онъ правила неподражаемо хорошо. Видно было, что человѣкъ глубоко проникнутъ содержаніемъ и глубоко вѣруетъ. Не удивительно, что слова молитвы проникали въ душу слушателей. Послѣ такого чтенія начиналась дивная служба Великаго четверга. Раздается стройное, чудное пѣніе. Кто не плакалъ, слушая умилительный напѣвъ Львова: „Вечери Твоея тайныя". Такія минуты не забываются, а такое служеніе даетъ только церковь православная!

Въ послѣднюю зиму, передъ окончательнымъ переѣздомъ въ Кіевъ, онъ по обыкновенію былъ у насъ всю Страстную. Помню, какъ съ искреннею грустью сказалъ онъ мнѣ тогда, что чувствуетъ, что въ послѣдній разъ онъ носитъ плащаницу въ „этой" церкви. Такъ и сбылось. Онъ уѣхалъ въ Кіевъ и никогда не возвращался въ Петербургъ.

Я еще засталъ то время, когда Муравьевъ жилъ на Моховой, въ нижнемъ этажѣ дома Сафонова, хотя бывалъ у него рѣдко. Тамъ я въ первый разъ видѣлъ его образную, совершенно темную комнату съ двумя входами и рѣшетчатою дверью. Передъ иконами теплились лампады и бросали свѣтъ на собранную имъ во время своихъ путешествій Святыню и на „Вѣтку Палестины". Невольно припоминались стихи Лермонтова, посвященные Муравьеву.

„Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ Святой—
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой"....

Позднѣе переѣхалъ онъ на Троицкое подворье, гдѣ Митрополитъ Филаретъ уступилъ ему свое прекрасное помѣщеніе, такъ какъ давно уже пересталъ ѣздить въ Сѵнодъ. Андрей Николаевичъ устроился

въ новой квартирѣ со всѣми удобствами.—То были веселыя, свѣтлыя комнаты, окнами на Фонтанку, съ двумя оригинальными подъѣздами, соединявшими его квартиру съ церковью и называемыми Муравьевымъ „Краснымъ крыльцомъ". Жилъ онъ въ этихъ комнатахъ въ родѣ архипастыря, принимая весь городъ, духовенство и мірянъ, на лѣто уѣзжалъ въ Москву, а подъ конецъ въ Кіевъ. Сюда заходилъ я къ Муравьеву нѣсколько чаще и всегда находилъ большое общество, всегда разговоръ былъ оживленный и любопытный. У Муравьева можно было встрѣтиться съ интересными людьми и всегда я удивлялся множеству его знакомыхъ. Тутъ встрѣтилъ я въ первый разъ Иннокентія, тогда Архіепископа Камчатскаго и Алеутскаго, когда онъ въ послѣдній разъ пріѣзжалъ изъ своей епархіи. А что бывало въ Андреевъ день? — Съѣздъ съ утра и до вечера. Муравьевъ этимъ особенно дорожилъ. У него даже велись дома особые списки тѣмъ, кто пріѣзжалъ его поздравить. Эти списки сравнивались ежегодно, и обидно было Муравьеву, когда въ послѣдніе годы число посѣтителей стало уменьшаться. Тоже повторялось и наканунѣ за торжественною всенощной у него въ образной, съ пѣніемъ монаховъ Сергіевой Пустыни. Послѣ всенощной подавался чай, тутъ бывали и многія дамы, почитательницы Муравьева. Рѣдко ѣзжалъ я наканунѣ, за то днемъ обязательно было явиться. И отецъ мой, мало выѣзжавшій, всегда приходилъ поздравить Муравьева. Въ церкви на подворьѣ было у него свое особое мѣсто, отсюда зорко и строго слѣдилъ онъ за всѣми подробностями службы. Монахи его боялись, только старый Настоятель подворья, простой и грубоватый іеромонахъ Герасимъ не всегда поддавался требованіямъ Муравьева и даже съ нимъ боролся. Муравьевъ его видѣть не могъ и называлъ его „іерома̀ Гараса̀", увѣряя, что такъ подписывалъ обыкновенно Герасимъ свое имя по

безграмотности. Герасима замѣнилъ на подворьѣ о. Іосафъ, услужливый, ловкій монахъ,—„Осапъ“, какъ называлъ его Муравьевъ. Онъ сумѣлъ ужиться съ Муравьевымъ, а Герасима перевели архимандритомъ въ какой-то монастырь, и Муравьевъ уже называлъ его тогда „архимà Гарасà“.

Петербургское духовенство и боялось, и не долюбливало Муравьева, который всюду и вездѣ замѣчалъ всѣ неисправности, самъ распекалъ или же того хуже—жаловался духовному начальству. У него были свои особенныя антипатіи между священниками; такъ, сильно не сочувствовалъ онъ отцу Алексѣю Лавровскому, протопопу Сѵмеоновской церкви. Одно время, не знаю почему, думали его пригласить быть моимъ законоучителемъ. Муравьевъ вышелъ изъ себя, бросился къ отцу и настоялъ на его удаленіи. Тогда составъ причта нашего прихода не особенно былъ удаченъ, съ Протоіереемъ Лавровскимъ во главѣ (le père Laureat), который какъ-то судорожно крестился и сильно картавилъ, въ особенности когда произносилъ: „Право правящихъ“. Вторымъ послѣ него былъ отецъ Фортунатовъ, котораго прозывали „le père Fortuné“, или „пѣтушекъ“, долгое время жившій въ Голландіи при Королевѣ Нидерландской Аннѣ Павловнѣ. Когда, послѣ долгаго пребыванія заграницею, онъ вернулся, то служилъ какъ-то разсѣянно и странно, а потому не нравился Муравьеву. Третьимъ въ приходѣ былъ отецъ Василій Барсовъ, духовникъ Т. В. Шлыковой. Онъ служилъ хорошо, хотя читалъ съ поддѣльнымъ чувствомъ, но отецъ доволенъ былъ, что у него вѣрный слухъ и что попадалъ онъ въ тонъ пѣвчимъ. Четвертый священникъ у Сѵмеона былъ вполнѣ прекрасный и почтенный человѣкъ отецъ Смарагдовъ, къ сожалѣнію рано скончавшійся.

Всѣхъ страннѣе былъ діаконъ Флевицкій, котораго Муравьевъ называлъ „Русалка“ за его длин-

ные бѣлокурые волосы, которые составляли большую его заботу. Во время богослуженія онъ то и дѣло охорашивался передъ зеркаломъ и расчесывалъ свою косу, за что и прозванъ „русалкою". Отецъ его звалъ кумомъ, потому что былъ воспріемникомъ всѣхъ его дѣтей, но служить въ церкви не приглашалъ. Впослѣдствіи, послѣ смерти о. Смарагдова, этотъ діаконъ попалъ въ священники, но тутъ вскорѣ надъ причтомъ Сѵмеоновской церкви разразилась гроза, и ихъ всѣхъ распредѣлили по другимъ церквамъ.

Въ церкви Преображенія былъ въ то время старшимъ Протоіереемъ Сицилинскій, еще бывшій въ 1814 году съ полкомъ въ Парижѣ. Преображенцы его любили, почитали и даже побаивались. Имѣлъ онъ привычку говорить въ носъ, и, какъ побывавшій въ Парижѣ, въ свою рѣчь вставлять французскія слова. Такъ, меня онъ спрашивалъ о братѣ: „А что дѣлаетъ фреръ!" Говорилъ всѣмъ „ты", и любимымъ его словомъ было „буянъ". Муравьева онъ сдерживалъ.

Между ними бывали иногда размолвки. Муравьевъ являлся одно время весьма часто къ Преображенью ко всенощной, которая служилась весьма праздновито. Вотъ однажды, чѣмъ-то недовольный, Муравьевъ отправился къ Сѵмеону. На слѣдующій разъ опять вернулся къ Преображенью. Сицилинскій былъ недоволенъ. Вотъ, во время „Хвалите", выходитъ онъ съ кадиломъ и кадитъ по церкви. Поравнявшись съ Муравьевымъ, останавливается и долго кадитъ ему въ упоръ, да тутъ же довольно громко и вызывательно приговариваетъ своимъ носовымъ голосомъ: „А что у Семена лучше? У Семена лучше?"— И проходитъ дальше.

Муравьевъ былъ избалованъ своими почитателями и почитательницами и потому дѣлался иногда очень требователенъ. Доходило до того, что когда его при-

глашали къ обѣду, то онъ заранѣе назначалъ самъ, какія должны подавать блюда, и даже—кто долженъ былъ приглашенъ. Особенно пріятна ему была всегда „котлетина", какъ онъ говорилъ, но принималъ за личную обиду, когда подавали желе, и потому иногда предупреждалъ и говорилъ „Пожалуста не желейте меня!", т.-е. не давайте желе.

Помню я какой-то обѣдъ у А. А. Головиной; вѣроятно по назначенію Муравьева она и меня пригласила. Тутъ были А. Н., камергеръ Потуловъ и чуть ли не Мезенцовъ, да сынъ хозяйки Константинъ Головинъ, котораго Муравьевъ шутя называлъ—„недоносокъ".

Совершенно другимъ являлся Муравьевъ тамъ, гдѣ ему командовать было нельзя, какъ напримѣръ въ домѣ брата Михаила Николаевича. Любопытно было видѣть ихъ вмѣстѣ. Андрей Николаевичъ являлся передъ обѣдомъ и всегда съ какимъ-нибудь разсказомъ. Михаилъ Николаевичъ обращался съ нимъ внушительно и слегка иногда надъ нимъ подтрунивалъ. Серіозно говорили они только о дѣлахъ церковныхъ. Андрей Николаевичъ о себѣ говорилъ: „Я не духовный человѣкъ, а церковный". Помню, какъ Михаилъ Николаевичъ спрашивалъ шутя у Андрея: „А что дѣлаютъ твои святые отцы?"

Съ Пелагеей Васильевной онъ всегда разсыпался въ любезностяхъ. Когда Михаилъ Николаевичъ получилъ графство, А. Н. не иначе называлъ Пелагею Васильевну, какъ „Архиграфиня". Муравьевъ долгое время мечталъ и готовилъ себя быть Оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода, но никогда этого не достигъ; съ своимъ характеромъ онъ сдѣлался бы невыносимъ, такъ что врядъ ли высшее духовенство, которое его знало, охотно желало его назначенія. Властолюбіе его и тяжелый характеръ всѣмъ были извѣстны. Когда онъ видѣлъ, что ему не быть Оберъ-прокуроромъ, онъ надѣялся по крайней мѣрѣ получить власть чрезъ своихъ друзей. Такимъ былъ между

прочими Г. А. Ахматовъ, котораго онъ зналъ еще съ Кавалергардскаго полка и портретъ котораго молодымъ офицеромъ постояннно стоялъ у него на столѣ вмѣстѣ съ портретомъ другаго офицера—Шелашникова. Но на бѣду, когда Ахматовъ сдѣлался Оберъ-прокуроромъ, тутъ-то болѣе всего пришлось Муравьеву испытать непріятности и даже огорченія. Съ Ахматовымъ съ того времени произошелъ полный разрывъ. „Ахъ матъ!"- воскликнулъ Андрей Николаевичъ, и портретъ Кавалергардскаго офицера слетѣлъ со стола. Позднѣе сблизился онъ съ Н. В. Мезенцевымъ, который былъ у него даже въ „первыхъ нумерахъ", потому что друзья Андрея Николаевича раздѣлялись у него по категоріямъ, по нумерамъ и переходили изъ высшихъ въ низшіе и обратно. Всѣ эти странности и слабости удивительно расходились съ ролью серіознаго человѣка, которую онъ на себя принималъ, и сдѣлали ему много вреда. Но напрасно иные считали его неискреннимъ и благочестіе его напускнымъ. — Это былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и глубоко убѣжденный. Комедіи тутъ не было. Онъ самъ былъ себѣ врагъ своимъ безграничнымъ властолюбіемъ.

Почему-то онъ особенно покровительствовалъ Кавалергардамъ, и одно время всѣ офицеры къ нему ѣздили и даже молодые вновь произведенные обязательно должны были къ нему являться на поклоненіе. Я уже этого не засталъ и знаю по разсказамъ. Но я помню очень хорошо Муравьева, окруженнаго толпою учениковъ берейторскаго училища, съ которыми онъ дѣлалъ прогулки верхомъ. И опять все это невольно бросало на Муравьева какой-то странный и смѣшной оттѣнокъ, который конечно не могъ служить въ пользу. Я самъ помню, какъ онъ разъ пріѣхалъ къ намъ къ обѣднѣ верхомъ на монументальной лошади, въ сопровожденіи двухъ берейторовъ, къ немалому удивленію отца моего, который изъ окна

видѣлъ этотъ странный въѣздъ Муравьева въ наши ворота.

По разсказамъ, Андрей Николаевичъ не былъ доволенъ, когда Михаила Николаевича назначили предсѣдателемъ Коммисіи по дѣлу Каракозова. „Вотъ,— говорилъ Андрей Николаевичъ: братъ Михайла уменъ, уменъ, а сдѣлалъ глупость". Андрей Николаевичъ посѣщалъ весьма часто извѣстный домъ Потемкиныхъ, который былъ въ свое время какимъ-то открытымъ домомъ, чуть не гостинницей для всякаго, кто только носилъ рясу или слылъ за святого. Кто только не перебывалъ въ этомъ домѣ; кому только не давали пріюта въ безчисленныхъ комнатахъ и закоулкахъ этого лабиринта; чего только не выдѣлывали въ этомъ домѣ и съ вѣдома и безъ вѣдома хозяйки, всесильной Татьяны Борисовны. Подъ прикрытіемъ доброты и смиренія, дѣлалось многое, что не всегда имѣло послѣдствіемъ добро. Нужно было хоть разъ проникнуть въ этотъ домъ, чтобы понять всѣ особенности этого пріюта, этого сочетанія святости съ сплетнями, дрязгами и интригами, подпольными похожденіями и темными дѣлами всякаго рода. Наружная патріархальность скрывала внутренній разладъ. Но Татьяна Борисовна, какъ графиня Орлова, какъ многія другія, подпавшія подъ вліянія, считала душеспасительнымъ покровительствовать черной рясѣ, и щедро сыпались денежки черноризцамъ и странникамъ. Успокоенные отъ волнъ житейскихъ въ тихомъ и уютномъ своемъ пристанищѣ, насыщенные и выхоленные расходились они по другимъ теплымъ угламъ, и на долго оставалось у нихъ въ памяти широкое приволье Потемкинскихъ хоромъ.

Все это Андрей Николаевичъ хорошо зналъ и хотя многое порицалъ, но передъ хозяйкой дома безмолствовалъ, считая ее нужной и полезной для другихъ цѣлей и зная ея придворное значеніе. Да, кромѣ того, онъ питалъ къ ней неподдѣльное почтеніе.

И Татьяна Борисовна не оставалась въ долгу. Гдѣ только могла, она старалась его поддерживать. На письменномъ столѣ Андрея Николаевича всегда лежало золотое перо въ футлярѣ, на которомъ золотыми буквами было написано: „Перо Муравьева.“ Это перо-даръ Татьяны Борисовны. За то и Андрей Николаевичъ не поскупился на описаніе прелестныхъ Святыхъ горъ.

Въ этомъ Потемкинскомъ домѣ пребывало существо, которое жило своею особою жизнью, не касаясь и не зная и не желая знать, что дѣлалось вокругъ него. Это существо былъ самъ хозяинъ дома, Александръ Михайловичъ Потемкинъ, безобидный старикъ, который хлопоталъ только объ одномъ, чтобы его не тревожили и не мѣшали безчисленнымъ его привычкамъ. А все остальное было дѣломъ Татьяны Борисовны. „Все она“, — говорилъ старикъ. Ужъ только когда очень быстро разлетались денежки, то Александръ Михайловичъ приходилъ къ своей „Pouffette“—такъ называлъ онъ Татьяну Борисовну—и просилъ ее быть умѣреннѣе. При немъ неизмѣнно, Богъ знаетъ сколько лѣтъ, состоялъ сожителемъ французъ докторъ Patenôtre; но этотъ докторъ давно забылъ всякое лѣченіе, сильно напоминая собою іезуита, и отличался особенною беззвучностью голоса и изяществомъ манеръ. Любилъ онъ говорить о вопросахъ богословскихъ, а потому весьма часто сходился съ Муравьевымъ. Кто въ свѣтѣ петербургскомъ не слыхалъ имени доктора Патенотра!

Былъ еще домъ, въ которомъ принимали Муравьева, какъ человѣка близкаго, почти родного,—то былъ домъ Ивана Акимовича Мальцова. Патріархальный этотъ пріютъ не имѣлъ ничего общаго съ Потемкинскимъ, а послѣ смерти почтеннаго старика Мальцова Муравьевъ продолжалъ ѣздить къ сыну Сергѣю Ивановичу и къ его женѣ Анастасіѣ Николаевнѣ.

Когда скончался Митрополитъ Филаретъ, то для Муравьева эта смерть была большимъ ударомъ. Страннымъ образомъ узналъ я объ этомъ.—Утромъ меня будятъ; просыпаюсь, вижу — передо мною стоитъ Андрей Николаевичъ. Я не могъ сраву понять, что значило это необычайное появленіе. „Вставай!“— говорилъ Андрей Николаевичъ: „проспишь всю жизнь, вставай!“ — „Да что такое?“—„Митрополитъ Филаретъ скончался!“ И тутъ же объявилъ онъ, что сейчасъ ѣдетъ въ Москву. Кажется, Муравьевъ хотѣлъ, чтобы я съ нимъ ѣхалъ въ Москву на похороны, и теперь я сожалѣю и не помню, почему я не отправился.

Въ лицѣ Митрополита Филарета Муравьевъ терялъ наставника и друга; вмѣстѣ терялось и его собственное значеніе, такъ какъ Филаретъ выслушивалъ Муравьева, и онъ былъ лицомъ довѣреннымъ. Сейчасъ являлся вопросъ—кому быть преемникомъ Филарету? Вопросъ былъ очень важенъ, послѣ того высокаго положенія, какимъ пользовался Филаретъ. Называли многихъ. Но Муравьеву всѣ они казались немыслимыми. Онъ написалъ статью, въ которой вывелъ, что замѣстить Филарета только можетъ одинъ человѣкъ-Архіепископъ Камчатскій Иннокентій, человѣкъ не высокой учености, но высокой добродѣтели. Выбора не было. Муравьевъ, не теряя времени, бросился къ А. Н. Мальцовой, по старой дружбѣ. Та принимаетъ. Онъ не говоря ей ни слова, въ ноги и земной поклонъ! Мальцова въ недоумѣніи, да и трудно себѣ представить высокую фигуру Муравьева, распростертую у ногъ. Тогда началъ онъ говорить о бѣдственномъ положеніи Церкви, о назначеніи преемника, прямо категорически указалъ на Иннокентія, прося содѣйствія А. Н. Мальцовой для устройства этого дѣла. Такъ и состоялось оно помимо Оберъ-прокурора. Избранъ Иннокентій, черезъ А. Н. Мальцову и благодаря Муравьеву. Но для послѣд-

няго тутъ былъ еще другой вопросъ, близко до него касавшійся: возможно ли будетъ ему оставаться въ занимаемой квартирѣ на Троицкомъ подворьѣ? По пріѣздѣ Митрополита Иннокентія, Муравьевъ понялъ, что оставаться ему нельзя и глубоко этимъ огорчился. Но съ другой стороны и Митрополиту нельзя же было отказаться отъ квартиры въ виду пріѣздовъ въ Петербургъ. Не знаю, эта ли причина была или другія обстоятельства, но Муравьевъ съ Иннокентіемъ не сошлись. Тутъ онъ рѣшился бросить Петербургъ и Москву и поселиться окончательно въ Кіевѣ. Разставаться ему было тяжело съ цѣлымъ прошедшимъ, но и Кіевъ его манилъ. И зажилъ онъ въ очаровательной своей усадьбѣ у Андреевской горы, окруженный соборами.

„У вратъ Твоихъ, свою обитель
Благоговѣйно прислоня,
Живешь ты тамъ, не праздный житель,
На склонѣ трудоваго дня", –

писалъ Тютчевъ, очарованный видомъ на Подолъ и все Заднѣпровье.

Прежде, чѣмъ говорить о моемъ посѣщеніи Андрея Николаевича въ Кіевѣ, нужно еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Муравьева къ семейству Шереметевыхъ. Въ сущности, родства никакого не было. Братъ Михаилъ Николаевичъ женатъ на Пелагеѣ Васильевнѣ Шереметевой,—вотъ и все. Но извѣстно участіе, которое принимала Надежда Николаевна Шереметева въ колонновожатыхъ, въ числѣ которыхъ находился и онъ самъ. Сосѣдство близкое.—Осташево отъ Покровскаго 25 верстъ и столько же отъ Волочанова. Андрей Николаевичъ мало по малу началъ смотрѣть на Шереметевыхъ, какъ на семью близкихъ. Варвара Петровна и въ особенности Екатерина Васильевна принимали его, какъ своего человѣка, и не разъ говаривалъ онъ, что въ семействѣ Шереметевыхъ встрѣтилъ въ жизни своей несравненно больше дружбы и привязанности, чѣмъ въ

своемъ семействѣ Муравьевыхъ. Онъ глубоко уважалъ Екатерину Васильевну и преклонялся передъ нею. Смерть ея была и для него истиннымъ горемъ. Невольно это родственное чувство перешло и на слѣдующее поколѣніе.

Въ Кіевъ созывалъ Муравьевъ своихъ пріятелей и знакомыхъ; онъ радъ былъ показывать всю прелесть своей усадьбы, да и пріятно было ему опять встрѣчаться съ людьми напоминавшими ему прошедшую жизнь въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Москва была всегда близка его сердцу, и воспоминаніями Осташева онъ жилъ и въ Кіевѣ. Надъ кроватью его висѣлъ видъ Кремля, освѣщеннаго луной и снятаго изъ оконъ Воздвиженскаго нашего дома. Этотъ видъ берегъ онъ, какъ святыню. Онъ подаренъ былъ ему Екатериною Васильевной.

Муравьевъ нѣсколько разъ зазывалъ отца моего въ Кіевъ и шутя писалъ, что онъ ожидаетъ его съ „Фараоновыми колесницами". Но отецъ былъ тяжелъ на подъемъ и не рѣшился ѣхать.

Андрей Николаевичъ былъ весьма придирчивъ и скоро обижался, когда ему оказывали малѣйшее невниманіе. У меня съ нимъ было два случая, грозившіе навсегда прекратить наше знакомство, и оба раза я былъ дѣйствительно кругомъ виноватъ передъ Муравьевымъ. Позвалъ я его обѣдать; Андрей Николаевичъ почти всегда обѣдалъ внѣ дома у кого-нибудь изъ знакомыхъ и заранѣе распредѣлялъ свои дни. Приходитъ назначенный день для обѣда. Я все позабываю и ѣду обѣдать въ гости. Муравьевъ является и къ изумленію своему слышитъ отъ швейцара, что меня нѣтъ дома. Можно себѣ представить, каково потомъ было объясненіе; но всему есть предѣлъ, и Муравьевъ успокоился, а я, желая поправить дѣло, вторично его приглашаю обѣдать. Не сразу, но согласился. По непростительной же разсѣянности, я опять забываю день, расчитывая на

другой. Муравьевъ вторично является и слышитъ вновь отъ швейцара, что меня нѣтъ дома. Внѣ себя онъ пишетъ мнѣ записку, которая кончается словами: „Видно привыкъ обращаться съ холопами по графски". Мое положеніе было дѣйствительно крайне непріятное и неловкое. Я написалъ ему письмо, послѣ котораго Муравьевъ отвѣтилъ, что желаетъ меня видѣть, тутъ мы объяснились окончательно, а въ знакъ примиренія онъ обѣщалъ мнѣ все-таки прійти обѣдать. На этотъ разъ я устроилъ все по желанію Муравьева, обѣдъ былъ по его заказу, была и „котлетина", позванъ былъ по желанію же Андрея Николаевича — Потуловъ, котораго я весьма мало зналъ, но который былъ любезный и кажется хорошій человѣкъ; позванъ былъ и молодой Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, внукъ графа Михаила Николаевича, и такимъ образомъ состоялся оригинальный обѣдъ у меня внизу. Отецъ мой очень смѣялся надъ моими приключеніями съ Муравьевымъ и удивлялся, что примиреніе состоялось такъ скоро.

Духовникомъ Муравьева въ Петербургѣ послѣдніе годы былъ о. Романовъ, котораго онъ чрезвычайно уважалъ. Е. В. Потапова разсказывала мнѣ, что она помнила Андрея Николаевича въ молодости на костюмированномъ балѣ, при чемъ онъ одѣтъ былъ индѣйцемъ съ большими перьями на головѣ. Какъ-то трудно представить себѣ Муравьева въ маскарадѣ!

Проѣздомъ черезъ Кіевъ въ семидесятыхъ годахъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ вмѣстѣ съ Цесаревной Марьею Ѳеодоровною посѣтили усадьбу Андрея Николаевича. Онъ водилъ ихъ любоваться видомъ и показалъ въ подробности образную. Муравьевъ замѣтилъ, что Цесаревичъ не куритъ. Великій князь со свойственною ему деликатностью сказалъ, что онъ избѣгаетъ курить въ его домѣ. Муравьевъ съ живостью отвѣтилъ: „Домъ мой, но

Россія Ваша!“ Вообще, это посѣщеніе оставило Муравьеву самое отрадное впечатлѣніе.

Послѣдніе годы Муравьевъ какъ-то особенно былъ смущенъ безпорядками церковными, безжизненностью и равнодушіемъ высшихъ іерарховъ нашихъ въ вопросахъ, которые до конца жизни волновали Муравьева. Жажда дѣятельности и желаніе быть полезнымъ церкви не покидали его, но голосъ его нерѣдко оставался одинокимъ. „Вѣрую во единую свою приходскую церковь,“ — писалъ Муравьевъ одному знакомому въ Петербургъ, желая выразить этимъ, что онъ махнулъ рукой на вопросы, столько лѣтъ его занимавшіе. Но все же онъ продолжалъ ратовать и отстаивать права церкви, ревнивѣе любого архіерея.

Кіевскими властями онъ не былъ доволенъ, за исключеніемъ генерала Дрентельна, „Дрентелева,“ — какъ называлъ его Муравьевъ; онъ его уважалъ и сочувствовалъ по старой памяти. Дрентельнъ служилъ прежде въ Вильнѣ подъ начальствомъ Михаила Николаевича. Генералъ губернаторъ, „Дундукъ,“ — какъ называлъ Князя Д. К. Муравьевъ, — считался у него человѣкомъ не серіознымъ. Митрополита Арсенія онъ не уважалъ за словоохотливость, страсть къ анекдотамъ, не всегда приличнымъ сану митрополита, а также — за уклончивый нравъ, безъ истиннаго достоинства, подобающаго Святителю.

Ученаго викарія Порфирія Муравьевъ не выносилъ; онъ упрекалъ его за безобразія Михайловскаго монастыря, въ которомъ жилъ Порфирій, гдѣ передъ глазами у него Богъ знаетъ что происходило. Безпорядочная торговля кольцами у раки Великомученицы Варвары возмущала Муравьева, какъ и многое другое, но Порфирію было все равно. Не знаю почему, но, говоря о Порфиріи, Муравьевъ припѣвалъ будто бы пѣсенку, самого викарія: „Чили, чили, менгули.“ Андрей Николаевичъ не прощалъ ему лѣности, нежеланія участвовать въ крестныхъ ходахъ

и вообще винилъ его за распущенность духовенства и братіи.

Муравьевъ всегда негодовалъ на высшее наше духовенство за его несамостоятельность передъ свѣтскими властями. Даже Филарета упрекалъ онъ въ недостаткѣ самостоятельности и въ царедворствѣ. Но уже по смерти его онъ съ грустью искалъ и не доискивался іерарха, который бы соотвѣтствовалъ его представленію.

Не разъ высказывался онъ въ послѣднее время, что желалъ бы видѣть Оберъ прокуроромъ Сѵнода К. П. Побѣдоносцева. Къ числу его антипатій принадлежалъ Графъ Д. А. Толстой. „Желтъ, какъ лимонъ!"—твердилъ онъ съ раздраженіемъ.

Давно обѣщался я Андрею Николаевичу пріѣхать въ Кіевъ и наконецъ собрался

Пріѣхалъ я вечеромъ съ курьерскимъ поѣздомъ, совершенно голодный, потому что буфеты Кіево-курской дороги до того были плохи, что рискованно было къ нимъ прикасаться. Зная, что у Андрея Николаевича расчитывать плохо на ужинъ, я прямо отправился въ Европейскую гостинницу и, поужинавъ плотно, поѣхалъ уже довольно поздно къ Муравьеву, который уже собирался ложиться; онъ принялъ меня недовольный за промедленіе въ „Европѣ." Но мало по малу разговорился, хотя долго потомъ приставалъ съ упреками за то, что я не могъ обойтись безъ того, чтобы не „жрать въ Европѣ." Мнѣ отвели диванъ въ большой гостиной, средней комнатѣ его дома, съ балкономъ на Андреевскій спускъ. Рядомъ съ этою комнатою былъ кабинетъ Андрея Николаевича, — уютный съ книжными шкафами и покойными креслами. Изъ этого кабинета проходили въ спальную и моленную.

Я прожилъ въ Кіевѣ нѣсколько дней, и все это время Андрей Николаевичъ былъ нездоровъ; больной онъ съ трудомъ былъ на великолѣпномъ крестномъ

ходу въ день Св Владиміра, хотя и не могъ участвовать въ шествіи. Когда крестный ходъ проходилъ мимо его сада, мнѣ бросилась въ глаза высокая фигура Муравьева, стоявшаго на пригоркѣ своей усадьбы въ какомъ-то плащѣ; длинные, сѣдые, курчавые волосы такъ и развивались по вѣтру.

Наканунѣ отъѣзда я долго сидѣлъ съ Андреемъ Николаевичемъ въ его кабинетѣ, у него уже тогда показалась опухоль въ ногахъ, и врачи находили, что ему необходима большая осторожность. Онъ былъ въ грустномъ настроеніи, много говорилъ и вспоминалъ о многихъ, при чемъ выражался откровенно и сердечно. C' est le commencement de la fin,"— сказалъ онъ на прощаньѣ, и хотя я старался его успокоить, мнѣ невольно казалось, что конецъ его не такъ далекъ; и стало необыкновенно грустно при видѣ этой медленно угасающей жизни: разбитыя надежды, несбывшіяся мечты, неудовлетворенное самолюбіе чувствовались въ словахъ его, и при всемъ томъ столько было еще жизни въ этомъ человѣкѣ, столько воли, столько еще силъ для труда, и нужно ли требовать—столько любви къ церкви Православной!

Я уѣхалъ не безъ предчувствія, что больше не увижу Андрея Николаевича.

Невольно распространился я о Муравьевѣ, который, чтобы ни говорили о немъ, была личность далеко незаурядная. Я не могу не припомнить забавнаго случая съ нимъ въ нашей церкви.

Случилось ему стоять около Татьяны Васильевны Шлыковой, всегда придерживавшейся того же мѣста близъ князя Н. А. Долгорукова. Передъ нею неизмѣнно стоялъ собственный небольшой стулъ съ оригинальной спинкой, работы конца столѣтія. Во время вечерней службы случилось имъ одновременно стать на колѣни, при чемъ длинная золотая цѣпочка Муравьева зацѣпила за чепецъ Татьяны Васильевны. По близорукости, онъ этого не замѣтилъ, а когда хотѣлъ

приподняться, то цѣпочка потащила за собою чепецъ. Старушка не понимала, что съ нею дѣлается, и боялась приподняться, а Муравьевъ, замѣтивъ случившееся, также не рѣшался встать. Оба очутились въ странномъ положеніи—какъ бы привязанные другъ къ другу. Невольно всѣ оглянулись. Тогда одновременно овладѣло ими непреодолимое желаніе смѣяться, и оба стали хохотать въ сознаніи своего безсилія освободиться. Только съ постороннею помощію имъ удалось возвратить себѣ свободу. Этотъ случай долго у всѣхъ оставался въ памяти, вызывая невольную улыбку.

„Зайдемъ къ викарію!"—говаривалъ Муравьевъ, когда отъ отца спускался бывало ко мнѣ.

Однажды, въ одномъ изъ соборовъ во время проповѣди кто-то около него спросилъ: „А кто говоритъ проповѣдь?"

— „Отецъ ректоръ,"—былъ отвѣтъ.

— „Ужъ не алекторъ ли!"—возразилъ Муравьевъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что участію Андрея Николаевича службы церковныя у насъ во многомъ обязаны были своею стройностью и благочиніемъ. Иногда онъ упрекалъ Ломакина за протяжность или уклоненія въ напѣвахъ: „Ломакинъ ломается,"—говаривалъ онъ тогда.

Стоялъ онъ обыкновенно въ той части церкви, которую самъ прозвалъ „овчая купель". Тутъ же неподалеку отъ него стоялъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. Живо помню этого привѣтливаго, благодушнаго и пылкаго по чувствамъ старика, съ его свѣтлымъ взглядомъ, съ распущенными сѣдыми волосами и неизбѣжною деревяшкой, заикающагося и разсѣяннаго, но духомъ горѣвшаго до конца дней своихъ. А. С. Норовъ какъ-то особенно любилъ нашу церковь, куда ѣзжалъ еще въ 50-хъ годахъ, съ женою своею Варварой Сергѣевной, урожденной Демидовой, смерть которой была для него тяжкимъ

ударомъ. Одно время, въ бытность Норова Министромъ народнаго просвѣщенія, онъ пересталъ ѣздить въ нашу церковь, имѣя свою; но когда покинулъ Министерство, то вновь сдѣлался постояннымъ прихожаниномъ. Онъ даже пожертвовалъ икону Св. Великомученицы Варвары, которую согласно желанію его помѣстили надъ жертвенникомъ. Большая продолговатая икона эта неизмѣнно виситъ и теперь на томъ же мѣстѣ. Меня всегда какъ-то особенно привлекалъ къ себѣ Авраамъ Сергѣевичъ. Я зналъ о всегдашней привязанности его къ моей матери. Онъ былъ посаженнымъ отцомъ тетушки Елизаветы Сергѣевны. Отецъ разсказывалъ, какъ однажды въ Петербургѣ онъ зашелъ къ моей матери и засталъ Авраама Сергѣевича передъ нею, чуть ли не на колѣняхъ, не смотря на свою деревяшку; и моя мать очень любила Авраама Сергѣевича. Бывало, послѣ обѣдни, заходилъ онъ къ отцу чай пить, неизмѣнно привѣтливый и сердечный.

„Россія для него была земной святыней.
Онъ лавромъ молодымъ и выросшей въ Палестинѣ
Завѣтной пальмою, дней прежнихъ помня быль,
Былъ въ правѣ обвивать свой боевой костыль.
Любили слушать мы, какъ съ молодой замашкой,
Постукивалъ нашъ другъ своею деревяшкой.
Какъ прямо отъ души душѣ онъ говорилъ,
Хоть заикался онъ и хоть разсѣянъ былъ.
Но на дѣла добра, за правду ли вступаясь,
Умъ, въ совѣсть вслушавшись и съ ней не запинаясь,
Мысль выражалъ свою правдивымъ языкомъ.
Нѣтъ, совѣсть ни предъ кѣмъ не заикалась въ немъ!“

Любопытно было слушать, какъ спорилъ А. С. Норовъ съ А. Н. Муравьевымъ. Старикъ горячился и отъ этого еще болѣе заикался. Старое соперничество не мѣшало имъ сходиться пріятелями. Норовъ иной разъ забавно и остроумно подтрунивалъ надъ Муравьевымъ, а тотъ ловилъ его на разсѣянности. Я помню, съ какимъ благороднымъ воодушевленіемъ вспоминалъ онъ про 1812 годъ. Съ какимъ молодымъ и пламеннымъ порывомъ негодованія порицалъ онъ приданное графомъ Л. Н. Толстымъ ложное освѣ-

щеніе иныхъ событій 12 года. Его воодушевленный и правдивый отвѣтъ, отражавшій все благородство души, въ то время только что вышелъ изъ печати. Какъ теперь вижу его въ желтой нашей гостиной, и я не могъ оторваться отъ его оживленныхъ разсказовъ о достопамятномъ прошломъ. Иной разъ появлялся у отца В. Н. Карамзинъ; еще будучи студентомъ, онъ приходилъ въ нашу церковь. И позднѣе, посѣщалъ ее неизмѣнно. Его изысканная небрежная важность раздражала моего отца.

До конца дней своихъ посѣщалъ нашу церковь графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, всегда стоявшій въ темномъ углу моленной. Это та самая комната съ окномъ въ церковь, которая почему-то такъ смутила Протоіерея Преображенскаго собора Сицилинскаго, иронически спросившаго, не продаются ли тутъ билеты. Графиня Антонина Дмитріевна Блудова, по смерти отца своего, продолжала ѣздить въ церковь и становилась на его мѣсто. Она имѣла привычку стоять на колѣняхъ передъ стуломъ, и ее почти не было видно. Постоянная слезливость ея вызвала все подмѣчавшую княгиню М. С. Урусову-прозвать Антонину Дмитріевну - „мvроточивой главой“.

Въ образной нашей въ дверяхъ у церкви всегда становились до 1857 г. мои родственники Шереметевы. По обѣ стороны двери неизмѣнно стояли двоюродныя сестры, Варвара Алексѣевна Шереметева и Софья Михайловна Муравьева. Помню, какъ въ этихъ дверяхъ, на Страстной недѣлѣ, появлялась внушительная фигура Михаила Николаевича Муравьева. Въ „Овчей купели“ становился разбитый параличемъ Василій Александровичъ Шереметевъ: съ важною осанкой, опъ свой высокій станъ опиралъ на спинку стоявшаго передъ нимъ стула съ краснымъ бархатнымъ сидѣньемъ, отъ него не отходила жена его Юлія Васильевна, довольно полная съ вздернутымъ

носомъ и въ старомодномъ чепцѣ. Въ дѣтствѣ моемъ припоминаю появленіе величайшей древности, передъ которой даже Татьяна Васильевна Шлыкова казалась молодой,—то была княжна Анна Александровна Волконская, девяностолѣтняя маленькая старушка, съ маленькими искусственными букляшками на вискахъ, всегда надѣтыми криво. Она мало говорила, но однажды неожиданно распекла стоявшую около нея Варвару Павловну Костромитинову, тогда еще маленькую дѣвочку, сказавъ, что та не крестится, а играетъ на балалайкѣ. Татьяна Васильевна знала княжну Волконскую съ незапамятныхъ временъ.

Во время крестныхъ ходовъ на Пасхѣ появлялся съ своей деревяшкой Генералъ отъ артиллеріи Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ; онъ становился въ „овчей купели“ и во время шествія имѣлъ привычку, весьма для меня неудобную, всею своею тяжестью опираться на мою руку и такимъ образомъ совершать все шествіе. Благодаря его деревяшкѣ, мы конечно двигались медленно.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ пріѣзжала въ церковь девяностолѣтняя старуха Екатерина Ѳедотовна Кобылина,—когда-то красавица Клокачева, съ дочерью своею уже очень престарѣлой Александрою Васильевною Путятиной, съ внучкою Варварою Михайловною Буткевичъ и съ правнучкою Любовіею Михайловною, нынѣ Костандою. Эта почтенная и дружная семья изстари связана съ нашимъ домомъ узами свойства и дружбы. Между ними и Татьяной Васильевной тѣсная и долголѣтняя связь. Только въ концѣ 60-хъ годовъ, когда при Путятинскомъ домѣ выстроилась каменная церковь такъ называемаго „Звѣринаго подворья“, вся семья эта перестала постоянно посѣщать нашу церковь, нисколько не нарушая долголѣтняго и крѣпкаго союза преданій. Къ семьѣ этой принадлежала Надежда Васильевна Левенгагенъ, по первому мужу Апрѣлева. Извѣстна исторія по-

слѣдняго, зарѣзаннаго Павловымъ въ день его свадьбы. Отецъ мнѣ разсказывалъ, что этотъ Павловъ караулилъ Апрѣлева у нашего церковнаго подъѣзда и хотѣлъ тутъ же, тотчасъ послѣ свадьбы, совершить убійство, затѣмъ предпочелъ подождать пріѣзда молодыхъ у подъѣзда квартиры матери Апрѣлева, Анастасіи Ивановны. Въ то время, какъ молодая въ вѣнчальномъ платьѣ хотѣла подняться по лѣстницѣ, Павловъ стремительно бросился на Апрѣлева, только что вышедшаго изъ кареты, и нанесъ ему смертельную рану;— онъ прожилъ еще нѣсколько дней и умеръ, окруженный всею многочисленною семьей. Молодая вдова вышла замужъ за отставнаго улана Левенгагена съ глазомъ, проколотымъ пикой при одной изъ аттакъ Польскаго похода 30 года. У нихъ былъ единственный сынъ Николай-мальчикъ слабаго здоровья, иногда ко мнѣ приходившій, съ своимъ воспитателемъ Французомъ monsieur Victor Valengelier. Этотъ воспитатель былъ простой солдатъ de la grande armée, оставшійся въ Россіи въ плѣну 12 года и никогда не вернувшійся во Францію.

Въ числѣ разнообразныхъ посѣтителей нашей церкви были и такіе, которыхъ привлекало главнымъ образомъ, или исключительно-музыкальная сторона службъ. Конечно таковые были неизбѣжны, но они исчезали своею односторонностью, въ общемъ настроеніи выносимаго отъ богослуженія,—этой живой проповѣди Православія.

Вижу я въ толпѣ выразительную и породистую фигуру Князя Юрія Николаевича Голицына, извѣстнаго „Юрки“, несомнѣнно высоко даровитой русской натуры, со всѣми присущими ей недостатками, доведенными до размѣровъ чрезвычайныхъ.

Отцу онъ нравился, потому что онъ чувствовалъ въ немъ неподдѣльнаго художника.

Былъ у отца одинъ старинный пріятель, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, посѣщавшій также

иногда нашу церковь пріѣздомъ въ Петербургъ и бывшій большимъ меломаномъ. Помню, какъ, входя въ церковь, онъ дѣлалъ знаки Ломакину и пальцами вопрошалъ, какой будетъ номеръ Херувимской? Онъ и самъ немного сочинялъ и вообще былъ чудакъ: толстый и неуклюжій, но всегда необыкновенно веселый и болтливый. Такъ, привязался онъ къ собакѣ, которую называлъ „булинька", и собаку эту всюду таскалъ съ собой и няньчился съ ней, какъ съ ребенкомъ; всѣ его заботы были сосредоточены на этой собакѣ. Спрашиваютъ о здоровьѣ его семейства, а онъ не слушаетъ и толкуетъ про свою „булиньку". Однажды въ церкви у насъ онъ подходитъ къ отцу и шепотомъ говоритъ: „А Булинька со мной!" Отецъ такъ и прозвалъ его: „Голицынъ-Булинька!"

Въ лицѣ Владиміра Петровича Опочинина музыкальное настроеніе соединялось съ церковнымъ, и онъ былъ однимъ изъ постояннѣйшихъ нашихъ прихожанъ вплоть до своей кончины, до 80-хъ годовъ и въ тѣ времена, когда послѣ двухлѣтняго перерыва (1872—1873) и болѣзни Ломакина остатки хора нашего снова сплотились подъ его руководствомъ и спѣли свою лебединую пѣсню.

Сюда же въ этотъ длинный перечень прихожанъ необходимо включить Анну Карловну Лешетицкую-Фридебургъ, изящную даровитую пѣвицу и всю музыкальную семью Кавелиныхъ.

Въ торжественные и праздничные дни церковь бывала биткомъ полна; нерѣдко появлялись и лица не изъ числа обычныхъ посѣтителей, семейство гр. Орловыхъ Давыдовыхъ, иногда и совсѣмъ свѣтскіе элементы, чтобы при случаѣ имѣть возможность сказать: „jái été à la chapelle Chérémeteff"; для извѣстной категоріи въ то время бывать постомъ въ „chapelle Chérémeteff" равносильно было позднѣйшимъ посѣщеніемъ проповѣдей Редстока и Пашкова,

а въ наши дни стремленіямъ иныхъ къ „concours hippique или tir au pigeon“.... а другихъ, пожалуй,— въ Ясную Поляну! Это было признакомъ извѣстнаго времени и довольно характернымъ. Пріѣзжіе иностранцы, музыкальныя знаменитости знакомились съ Ломакинымъ и бывали на нашихъ концертахъ, въ пѣвческой залѣ, въ теченіе поста. Ежегодно и члены дипломатическаго корпуса посѣщали нашу церковь на Страстной, преимущественно въ вечерню Великаго Пятка, чтобы послушать пѣніе „Пріидите ублажимъ“ и видѣть перенесеніе плащаницы. Въ темной моленной, гдѣ стояли Блудовы, необычно бывало появленіе чередующихся пословъ Lord Napier, sir Andreu Buchanan и др. Неизбѣжно и преимущественно Англичане и Французы появлялись въ эти дни. Отецъ принималъ ихъ охотно, но безъ особыхъ заботъ и мало съ ними бесѣдовалъ. „Что же, пускай пріѣзжаютъ!“—говоривалъ онъ, самъ весь погруженный въ сочувственный ему церковно-художественный міръ.

Все это было въ порядкѣ вещей, но нисколько не отражалось на общемъ бытовомъ строѣ нашего дома. Все шло своимъ мѣрнымъ, изстари установленнымъ ходомъ, безъ малѣйшаго стремленія къ чему-либо поддѣлаться и кому-либо угодить. Только теперь, вспоминая это общество, еще очень недавнее, поражаешься духовнымъ вырожденіемъ современной свѣтской среды и сильнымъ ея обезличеніемъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о причинахъ и о путяхъ пережитой „эволюціи“.

Она въ связи съ многими другими явленіями заслуживаетъ подробной характеристики. Къ этому еще придется вернуться. Все ли однако сглажено современностью, и то, что уцѣлѣло, не сохранило ли задатковъ возрожденія, столь же неизбѣжнаго, какъ неизбѣжны и времена вымиранія и упадка?....

Чужеземная волна, нахлынувшая нынѣ съ небывалою силою — вызоветъ неизбѣжно и волну встрѣчную разумную — народную, съ которой еще очень придется считаться.... Эта волна не разъ спасала Россію отъ всяческихъ нашествій — видимыхъ и невидимыхъ....

Послѣ обѣдни въ церковные и въ семейные праздничные дни многіе прихожане и разнообразное общество приглашались къ большому завтраку въ бѣлой залѣ. На этихъ завтракахъ бывало духовенство, Путятины, Буткевичи, Левенгагены, Безкорниловичи, Грумъ-Гржимайло, Натаровы, Ломакины, Касаткины, Кантемировъ; появлялся и А. Н. Муравьевъ съ княземъ А. В. Шаховскимъ и другіе. Помню въ церкви нашей Митрополита Новгородскаго Григорія, а въ домѣ-Епископа Нижегородскаго Нафанаила, а также-Митрополита Петербургскаго Исидора, не разъ жившаго у отца на дачѣ въ Ульянкѣ, и викаріевъ Христофора и Леонтія. Монахи Сергіевой пустыни, пріѣзжавшіе на Рождество и на Пасху славить Христа, всегда охотно принимались отцомъ моимъ, любившимъ ихъ стройное и дѣйствительно выдающееся пѣніе. Отдѣльно появлялся иногда Павелъ Петровичъ Яковлевъ, одинъ изъ друзей покойнаго Архіепископа Игнатія Брянчанинова, дворянинъ поступившій въ монастырь Макарія на Унжѣ, долго жившій потомъ въ обители Кирилла Новоезерскаго и соединившійся въ Сергіевой пустыни съ Брянчаниновымъ и Чихачевымъ. Онъ былъ друженъ со всѣмъ моимъ семействомъ. Первая жена дяди С. С. Шереметева Варвара Петровна, урожденная княжна Горчакова, писала масляными красками и сдѣлала его портретъ. Яковлевъ не былъ монахомъ, но носилъ рясу и занимался внѣшними дѣлами монастыря. Бывалъ онъ и у Татьяны Васильевны, и у него были связи съ тогдашнимъ обществомъ. Онъ подарилъ мнѣ однажды книжку „Правила Св. Геннадія“.

Говорилъ онъ нѣсколько изысканно и томно, закрывая глаза и часто вздыхая. Онъ представлялся мнѣ всегда нѣсколько таинственнымъ, и съ именемъ его связано немало воспоминаній о лицахъ, давно отшедшихъ; его очень любилъ А. С. Норовъ. Онъ пошелъ въ монастырь по убѣжденію и занялъ тамъ исключительное своеобразное положеніе.

Во время холеры 30-го года графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ переселился къ намъ въ домъ и жилъ неподалеку отъ Татьяны Васильевны, въ тѣхъ комнатахъ окнами въ садъ, гдѣ живалъ въ юношествѣ князь Николай Александровичъ Долгорукій. Вообще графъ Блудовъ былъ очень расположенъ къ Татьянѣ Васильевнѣ и познакомилъ ее съ Жуковскимъ, съ Дашковымъ и съ Вигелемъ. Онъ хвалилъ ея русскую рѣчь, находя ее очень правильной. Не смотря однако на чистоту языка, она никогда не хотѣла отказаться отъ такихъ выраженій, какъ: „пообѣдамши", „погулямши", хотя и знала, что они неправильны, но объясняла это по своему: „что за вши такія?" — говаривала она.

Графъ Блудовъ привлекалъ въ нашъ домъ своихъ пріятелей, а также именитыхъ иностранцевъ, проѣздомъ бывавшихъ у него. Такъ, однажды, устроилъ онъ у отца обѣдъ въ честь прибывшаго въ Петербургъ Гумбольдта. Одного изъ братьевъ Тургеневыхъ я также помню въ нашей церкви, но только разъ. Помнятся разговоры, предшествовавшіе посѣщенію послѣдняго. Татьяна Васильевна не разъ повторяла его имя, и его посѣщенію видимо придавали значеніе. Конечно, онъ пріѣхалъ для того, чтобы слушать пѣніе нашего хора.

Изъ сановниковъ временъ Императора Николая явно сочувствовалъ отцу графъ (впослѣдствіи князь) Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ, и отецъ повидимому былъ къ нему очень расположенъ. Любилъ онъ о немъ расказывать и отлично подражалъ его голосу и манерѣ въ обращеніи. Сколько припоминаю изъ раз-

сказовъ отца, графъ А. Ѳ. Орловъ не разъ выражалъ ему свое глубокое сожалѣніе и выговаривалъ ему, зачѣмъ по дѣлу о поѣздкѣ въ Архангельскъ онъ ограничился Чернышовымъ и не привлекъ его къ этому дѣлу! Можно съ увѣренностію сказать, что будь посредникомъ между Государемъ и отцомъ Орловъ, а не Чернышовъ, все дѣло бы уладилось, и отецъ не вышелъ бы въ отставку. Вникая въ это дѣло, нельзя не признать, что трудно было найти худшаго посредника, какъ Чернышовъ, и всего менѣе можно было ожидать отъ него доброжелательнаго совѣта. Припомнимъ, что все это случилось вскорѣ послѣ брака отца, по поводу котораго такъ выразительно сказалось благоволеніе Государя. Въ дѣйствительности, этотъ бракъ былъ ему сочувственъ, какъ равно и Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, любившей мою мать. Вся же семья ея пользовалась благоволеніемъ Государя и въ особенности Великаго князя Михаила Павловича, всегда помнившихъ неприкосновенность дѣда моего Сергія Васильевича къ событіямъ, подготовившимъ 14 декабря. Наглядно проявилось царское благоволеніе, когда моя мать сдѣлалась невѣстой. На вечерѣ во Дворцѣ, куда приглашенъ былъ мой отецъ, и въ тѣсномъ кругу Государь и Императрица самымъ сердечнымъ образомъ ихъ привѣтствовали и пили за ихъ здоровье шампанское. Кому извѣстенъ придворный бытъ, тому понятно, насколько подобныя проявленія способны возбудить и разнообразнѣйшія чувства, соотвѣтственно нравственному уровню приближенныхъ. Со стороны отца, какъ и со стороны матери, были всѣ данныя для прочности царскаго благоволенія. Извѣстно, какъ Императоръ Николай чтилъ память своего несчастнаго отца, близость котораго къ моему дѣду была, конечно, ему извѣстна. Въ расположеніи его къ отцу отражались свойственная Императору Николаю вѣрность преданіямъ и прирожденное его добросердечіе.

Придворный же міръ всегда одаренъ бываетъ особенною чуткостью къ воспринятію оттѣнковъ благоволенія и притомъ—чуткостью весьма разнообразною. Личность князя А. И. Чернышова уже достаточно выяснилась. Въ дѣлѣ декабристовъ онъ не былъ безпристрастенъ, и гибель молодаго кавалергарда графа Чернышова достаточно прозрачна. Несомнѣнно, отецъ сдѣлалъ величайшую ошибку, что ограничился именно Чернышовымъ, а не обратился къ сочувствовавшему ему Орлову, ясно даже ему намекнувшему, что въ дѣлѣ его восторжествовала—интрига. Она имѣла въ виду не только моего отца, но и мою мать, ибо сумѣли убѣдить Государя, что она виновница въ нежеланіи мужа ѣхать въ Архангельскъ. Государь долго на нее дулся и даже избѣгалъ съ ней говорить. При такомъ освѣщеніи всего дѣла, самое назначеніе моего отца въ Архангельскъ вскорѣ послѣ свадьбы становится подозрительнымъ. Характеръ отца былъ слишкомъ впечатлителенъ и онъ не могъ остановиться на полпути; онъ подалъ въ отставку. Съ этого дня Императоръ Николай уже не могъ возвратить ему своего благоволенія. Онъ не допускалъ возможности, чтобы его Флигель—адъютантъ могъ бы подать въ отставку, и случай этотъ во все царствованіе, кажется, единственный! Но какъ бы принципіально ни смотрѣлъ Государь на это дѣло, онъ не могъ заглушить въ себѣ прирожденнаго добраго чувства.

Отецъ мнѣ разсказывалъ, что когда послѣ многолѣтняго промежутка онъ вмѣстѣ съ старыми Кавалергардами подносилъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, по случаю юбилея ея шефства серебряный ларецъ, Императоръ Николай, пожавъ ему руку, вполголоса и ласково сказалъ ему: „жаль, что не на службѣ!...“

Домъ нашъ на Фонтанкѣ построенъ графомъ Растрелли, на землѣ пожалованной Петромъ Великимъ въ 1712 году Фельдмаршалу графу Борису Пет-

ровичу. Церковь празднуетъ Св. Великомученицѣ Варварѣ. Это день ангела графини Варвары Алексѣевны. Прадѣдъ мой графъ Петръ Борисовичъ жилъ преимущественно въ своемъ домѣ на Невѣ (нынѣ дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича), который назывался „Милліоннымъ домомъ," въ отличіе отъ „Приморскаго", находившагося на Васильевскомъ островѣ, тамъ гдѣ теперь Горный институтъ. Фонтанный же домъ считался почти загороднымъ. По словамъ Т. В. Шлыковой, съ грустью проданъ дѣдомъ былъ этотъ Милліонный домъ, въ которомъ жить тогда уже было не по силамъ послѣ смерти Анны Петровны и графини Варвары Алексѣевны. Петръ Борисовичъ покинулъ тогда Петербургъ и послѣдніе годы жизни проживалъ въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Никольской и въ любимомъ Кусковѣ.

Дѣдъ мой Николай Петровичъ послѣ 1796 года поселился на Фонтанкѣ, гдѣ нерѣдко живалъ въ особомъ деревянномъ павильонѣ, среди сада—гдѣ бабушка Прасковья Ивановна выдержала смертельную болѣзнь. Потомъ они переселились въ Большой домъ. Спальня ихъ была тамъ, гдѣ теперь образная. Здѣсь и скончалась бабушка Прасковья Ивановна, а послѣ ея смерти дѣдъ переѣхалъ въ угловую комнату, что теперь буфетъ, гдѣ и прежде былъ его кабинетъ, окнами на Фонтанку. Здѣсь навѣстилъ его во время болѣзни Императоръ Павелъ. Въ помѣщеніи нижняго этажа, подъ этими комнатами, была его уборная. Въ томъ же этажѣ у церковнаго подъѣзда жили послѣ 1805 года „барончики" Истровы. Впослѣдствіи здѣсь помѣщалась библіотека, приведенная въ порядокъ моею матерью, съ помощію Simonin и библіотекаря Corsini. Чуть ли не при дѣдѣ, и во всякомъ случаѣ тотчасъ послѣ его кончины, поселилась въ комнатахъ, гдѣ теперь живутъ внуки, Татьяна Васильевна Шлыкова и дожила въ нихъ до 1861 года, послѣ чего переѣхала въ другое помѣщеніе нижняго этажа (гдѣ

теперь живетъ Борисъ) и здѣсь скончалась въ 1863 году. Въ этихъ комнатахъ жилъ я всего одну зиму 1852—1853 г. и заболѣлъ здѣсь тифомъ, послѣ чего меня оставили въ прежнемъ помѣщеніи нижняго этажа, съ дѣтства мною занимаемомъ, окнами въ садъ —гдѣ живу и теперь. Верхній этажъ дома подвергался многимъ и частымъ измѣненіямъ.

Послѣ смерти дѣда—когда въ домъ переѣхала семья Даноуровыхъ—отецъ жилъ и учился въ комнатахъ верхняго этажа между церковью и галлереею. Бальная зала была тамъ, гдѣ теперь бѣлая гостиная; большая зала, бывшая при моей матери бальная, съ тремя посеребренными люстрами, состояла изъ многихъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ умеръ Михаилъ Ивановичъ Даноуровъ. Когда отецъ женился, въ 1837 году произошла большая передѣлка дома и внутренняго устройства комнатъ. Приблизительно въ томъ же видѣ съ тѣхъ поръ остались комнаты до настоящаго времени. Кабинетъ моей матери была угловая малиновая комната съ каминомъ. Рядомъ съ нею-зеленая гостиная проходная; когда-то отдѣлялась она аркою, которая по словамъ отца до того была ветха, что провалилась незадолго до свадьбы. Эта комната всего болѣе напоминаетъ мнѣ отца, сюда любилъ онъ приходить изъ сосѣдняго своего кабинета, здѣсь пилъ чай и принималъ. Его любимое кресло было крайнее у двери въ малиновую гостиную. Эта комната мнѣ особенно памятна многими знаменательными въ моей жизни разговорами съ отцомъ.

Въ малиновомъ кабинетѣ, который моя мать очень любила, послѣ нея сидѣли мало. Эта комната особенно нравилась Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Въ ней разставлены были серебряныя старинныя вещи на шкапахъ Boulle, при моей матери она была жилою комнатою. Мебель, когда-то здѣсь стоящая послѣ 1837 г., теперь въ оранжерейномъ домѣ въ Кусковѣ, въ верхнемъ этажѣ, гдѣ окно въ оранже-

рею. Столовая при отцѣ и матери была тамъ же, гдѣ теперь. Когда отецъ овдовѣлъ и вернулся изъ Москвы въ Петербургъ, у него не было опредѣленной столовой, а послѣ второго брака обѣдали въ комнатѣ около главной лѣстницы (близъ залы), гдѣ у насъ долгое время стоялъ билліардъ. Желтая гостиная—памятна, какъ музыкальная комната, въ которой пѣли Зонтагъ и Рубини, а позднѣе Frezzolini, но чаще всего музыкальные вечера бывали въ большой бѣлой залѣ, здѣсь же бывали и духовные концерты и всегда стояло фортепіано. Въ галлереѣ было два большихъ ужина во время баловъ, бывшихъ въ 40-хъ годахъ въ присутствіи Царской фамиліи. Комната эта въ настоящемъ ея видѣ отдѣлана при моей матери. При ней же пристроенъ каменный двухъэтажный домъ около галлереи для кухни—какъ удобство для ужиновъ. Въ дѣтствѣ отца здѣсь въ галлереѣ была сцена,—деревянная стѣна отдѣляетъ донынѣ эту комнату отъ смежнаго Института. Т. В. Шлыкова разказывала, что дѣдъ подарилъ то мѣсто, гдѣ теперь Институтская зала—для расширенія помѣщенія. Спальня матери была угловая комнтата, гдѣ и теперь тоже спальня. Здѣсь родились братъ Николай и я. Здѣсь же родились Петръ и Сергѣй. Соединеніе съ флигелемъ къ сторонѣ манежа сдѣлано мною. Между спальней и малиновымъ кабинетомъ былъ небольшой кабинетъ моей матери въ два окна, гдѣ я живо ее помню. Въ немъ было уютно. Рядомъ кабинетъ отца, гдѣ старинные часы со стразами на маятникѣ стояли на каминѣ.

Комната эта такъ и осталась отцовскою до конца. Подъ жилыми комнатами было низкое помѣщеніе за малымъ подъѣздомъ, въ которое вела витая лѣстница. Здѣсь стояли ванны. Въ мезонинѣ третьяго этажа долгое время жилъ Simonin, воспитатель отца, а послѣ него мой учитель музыки Ю. Ѳ. Гренингъ, а еще гораздо позднѣе—Швейцарка Wulliens.

Флигель занятъ былъ служащими. Въ домѣ на Литейной, гдѣ теперь большой новый домъ, а прежде было двухъэтажное каменное зданіе, помѣщалась контора весьма обширная, съ многими отдѣленіями и большою гостиной для совѣщанія главныхъ управителей. Среднее зданіе, соединявшее этотъ домъ съ флигелемъ на Фонтанкѣ, заключало въ себѣ домовую больницу—квартиру доктора Э.И. Рейнгольдта (въ двухъ этажахъ), пѣвческую залу въ два свѣта для спѣвокъ и помѣщеніе капеллы. Подъ церковью тамъ, гдѣ недавно была ризница, въ темныхъ низенькихъ комнатахъ окнами въ садъ помѣщалась сестра няньки отца Марья Никитична. Маленькая сгорбленная старушка, чуть ли не десятью годами старше Татьяны Васильевны Шлыковой—она никогда изъ своей каморки не выходила, и я видѣлъ ее не болѣе двухъ разъ. Меня къ ней приводили. Въ памяти остались висѣвшіе у нея на стѣнѣ портреты Петра Борисовича и его дочери Анны Петровны съ пряжею въ рукахъ.

По словамъ Андрея Кузьмича, въ нижнемъ этажѣ зданія, примыкающаго къ манежу, тамъ гдѣ теперь кладовая, была „мыльня.“ Манежъ при моей матери былъ обновленъ; смутно припоминаю, что она ѣздила въ немъ верхомъ, хотя не совсѣмъ довѣряю этому воспоминанію и спросить теперь уже не у кого. Дядя Сергѣй Сергѣевичъ мнѣ разсказывалъ, что въ зданіи грота, что на Литейной въ саду, когда-то свалены были старыя ноты, что Ломакинъ дѣлалъ тамъ поиски и находилъ интересныя рукописныя ноты, между прочимъ „Stabat mater,“ будто бы писанный рукою Гайдена. Несомнѣнно, что у Ломакина должны были сохраниться драгоцѣнныя ноты. У него вообще были и любопытныя гравюры, которыя онъ мнѣ же продалъ. Слышалъ я, что часть книгъ свалена была когда-то въ кладовой, которая въ саду по Литейной. При мнѣ эти книги приведены въ порядокъ. Нѣкоторыя съ помѣтами, между прочимъ—рукою Державина.

Сохранилось и любопытное собраніе музыкальныхъ рукописныхъ произведеній прошлаго столѣтія, въ переплетахъ того времени.

Много вещей утратилось въ домѣ; такъ, не осталось ни одной віолончели дѣда, ни одной отцевской трубки (самъ онъ не курилъ никогда, но держалъ трубки для друзей). Говорятъ, янтари были особенно хороши.

Всего непонятнѣе,—это исчезновеніе всей переписки Фельдмаршала съ Петромъ Великимъ, не говоря уже о другихъ драгоцѣнныхъ историческихъ бумагахъ, сберегавшихся въ особомъ красномъ ларцѣ и опись которымъ сохранилась. Не такъ давно еще найдена мною старинная карета прошлаго вѣка, гдѣ-то заставленная въ кладовой. Теперь ее перевезли въ Кусково.

Стихи Пушкина: „На выздоровленіе Лукулла" отецъ зналъ наизусть, я самъ былъ свидѣтелемъ разговора между нимъ и Княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Послѣдній говорилъ объ этихъ стихахъ и распрашивалъ отца о поводахъ къ нимъ и объ извѣстномъ преданіи. Отецъ рѣшительно отрицалъ справедливость нареканія и хотя смѣялся, но говорилъ, что ничего подобнаго не было. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій припоминалъ изреченіе графа Юлія Помпеевича Литты: „Jl a la fievre de la succession."—И оно было также ему извѣстно, и тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ отрицать самый фактъ, на который намекали. Въ дѣйствительности, однако, меня всегда поражала отчужденность ближайшей родни и отсутствіе всякихъ сношеній между семьями, не смотря на близость родства. Если въ настоящее время поослабли къ сожалѣнію семейныя узы, то въ прошлое время было иначе. Въ семьѣ же моей матери я привыкъ совершенно къ противоположному. Тамъ считались самыми дальними—и сохраняли близость отношеній. Вообще, я никогда не слыхалъ, чтобы отецъ когда-нибудь помянулъ свою родню. Сближе-

ніе мое съ княжною В. Н. Репниной и посѣщеніе княгини Варвары Алексѣевны, двоюродной сестры отца, было случайно и чуждо ему. Изъ словъ и намековъ осторожнаго Г. В. Грудева я старался доискаться причины; кое-что проглядывало и у другихъ, но яснаго представленія у меня нѣтъ—тутъ возможны только догадки, основанныя на обычномъ психологическомъ явленіи....

Нѣтъ сомнѣнія, что отецъ сильно заболѣлъ въ Воронежѣ и былъ при смерти. Въ его выздоровленіи многіе уже отчаивались, и событіе это должно было отразиться хотя внѣшнимъ образомъ на ближайшей роднѣ.

Самое выздоровленіе въ Воронежѣ побудило отца питать особое чувство благоговѣнія къ Святителю Митрофанію, и онъ далъ обѣтъ вновь поклониться Ему. Но годы проходили, и съ каждымъ годомъ отцу все труднѣе было двигаться. Такъ прошло болѣе 20 лѣтъ. Митрополитъ Филаретъ, знавшій объ этомъ обѣтѣ, всякій разъ, когда я бывалъ у него, меня спрашивалъ: „А что вашъ батюшка исполнилъ ли свое обѣщаніе?"—И я всякій разъ сообщалъ о томъ отцу, который уже ожидалъ обычнаго напоминанія. Только въ 60-хъ годахъ удалось ему съѣздить въ Воронежъ и Задонскъ.

По пословицѣ: „Нѣтъ дыму безъ огня"—я думаю, что, при отсутствіи родственныхъ сношеній, всякое проявленіе интереса къ отцу и въ особенности во время его тяжкой болѣзни могло быть принято сочувствующими за нѣчто другое.. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Пушкинъ, который, зналъ не только отца, но и Татьяну Васильевну.

Братья Corsini: архитекторъ Jerôme и библіотекарь Joseph—оба служили при жизни моей матери. Первый переустроилъ подъѣздъ Фонтаннаго дома и Ульянку, а также содѣйствовалъ убранству дома. Онъ былъ довольно непріятенъ, и въ началѣ 50 годовъ съ нимъ

разстались, а Joseph еще остался многіе годы и отличался удивительною мягкостью пріемовъ. У него былъ большой порядокъ въ библіотекѣ, къ которой относился очень сочувственно. Послѣ смерти матери, мнѣ особенно дорого было продолжать сношенія съ человѣкомъ, ей пріятнымъ. Онъ сблизился съ моимъ воспитателемъRouget, и разговоръ ихъ во мнѣ давно возбуждалъ интересъ къ библіотекѣ, въ которую рѣдко кто заглядывалъ. Витая лѣстница вела въ нее прямо изъ образной.

Помѣщалась она въ трехъ смежныхъ комнатахъ нижняго этажа, примыкающихъ теперь къ церковному подъѣзду. Меня рѣдко пускали по этой витой лѣстницѣ, а потому съ дѣтства какъ-то особенно тянуло меня въ эти таинственныя комнаты, вообще мало посѣщаемыя и большею частію запертыя. Первая комната была въ два окна. Въ ней книгъ не было, а были разставлены въ порядкѣ дорогіе историческіе и семейные предметы. Тутъ въ красномъ сафьяновомъ ларцѣ лежали золотые ключи Риги и медаль, выбитая въ память основанія Страннопріимнаго Дома. Здѣсь по стѣнамъ висѣли гравюры—походы и побѣды Александра Македонскаго въ рамахъ 20-хъ годовъ. Въ деревянномъ, стеклянномъ шкафу разставлены были мелкія вещи, между ними бокалъ, изъ котораго пилъ Императоръ Николай шампанское на крестинахъ брата Николая. Въ комнатѣ помѣщалось сѣдло Карла XII, взятое послѣ Полтавы, и большихъ размѣровъ магнитъ, который меня особенно привлекалъ. Въ окнахъ всей библіотеки размѣщалась богатая нумизматическая коллекція—множество рѣдкихъ золотыхъ Петровскихъ монетъ и медалей.

Дверь въ слѣдующую комнату была также всегда заперта. Проникнуть въ нее было цѣлымъ событіемъ. Эти рѣдкія посѣщенія казались для меня праздникомъ. Откроешь бывало дверь, и сразу пахнетъ затхлымъ воздухомъ и нѣкоторою сыростью. Окна полузастав-

лены, а потому въ комнатѣ полумракъ, но не на столько, чтобы нельзя было заниматься. Всѣ стѣны, подоконники и мѣста между окнами — заставлены прочными, краснаго дерева шкафами. Посреди комнаты параллельно стояли: большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и другой высокій столъ съ помѣщеніемъ для гравюръ и альбомовъ. Посреди комнаты мраморный каминъ. Два—три кресла старомодныхъ съ высокими спинками, но весьма удобныхъ, составляли все убранство. Стулья, обитые зеленымъ кожанымъ сафьяномъ работы Гамбса, словно застыли на своихъ мѣстахъ. Моя мать нерѣдко приходила сюда заниматься. Здѣсь сложено было много ея вещей, даже шкатулки и ларчики съ письмами. Казалось мнѣ, что и послѣ многихъ лѣтъ она еще жива въ этихъ комнатахъ, никѣмъ почти не посѣщаемыхъ!

Третья комната въ одно окно, и вся въ шкафахъ, заключала въ себѣ ея личную библіотеку. Здѣсь находились всѣ ея музыкальныя коллекціи, русская, французская и нѣмецкая литература. Переплетчиками ея были: Николай (Nicolay), жившій на Владимірской, и Charet, проживавшій на Караванной, пріятель Simonin. Въ проходѣ, на полкахъ краснаго дерева, стояли совсѣмъ маленькаго формата книги, которыя мнѣ особенно нравились. Въ старой дѣдовской библіотекѣ переплеты были превосходные. Рѣдко проникали сюда любители. Помню, какъ раза два, конечно съ отцовскаго разрѣшенія, вводилъ я въ библіотеку графа А. В. Бобринскаго. Съ какимъ увлеченіемъ разсматривалъ онъ изданія прошлаго вѣка, и какъ интересенъ онъ былъ въ своихъ замѣчаніяхъ; въ другой разъ пришелъ онъ вечеромъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ княземъ Львомъ Николаевичемъ Гагаринымъ, бывшимъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ. Мы втроемъ проникли въ библіотеку. Князь Гагаринъ былъ тонкій знатокъ и любитель нумизматики. У него у самого была богатая и рѣдкая коллекція, нынѣ принадлежа-

щая его племяннику князю Виктору Николаевичу Гагарину. Графъ А. В. Бобринской тогда еще только начиналъ свою нумизматическую коллекцію, которая потомъ разрослась и, пожалуй, не уступитъ Гагаринской. Какъ истый любитель, кн. Гагаринъ осторожно и внимательно приступилъ къ осмотру монетъ, и по мѣрѣ знакомства съ ними восхищеніе его росло. Онъ нашелъ здѣсь рѣдчайшіе экземпляры и въ особенности любовался полнотою Петровской коллекціи. Долго сидѣли мы въ этомъ уединеніи; двери за собою мы заперли, и никто не могъ помѣшать намъ: въ комнатѣ полумракъ, одинокая лампа на письменномъ столѣ освѣщала высокіе книжные шкафы и старомодную мебель. Кн. Гагаринъ и Гр. Бобринской наслаждались обстановкой и тишиной, среди благоуханья старины, столь имъ сродной и сочувственной. Я былъ тогда еще очень молодъ, но этого тихаго вечера въ нашей старой библіотекѣ мнѣ не забыть! Миръ вамъ, люди завѣтныхъ преданій! Вы чутко понимали истинное художество и были отзывчивы къ нуждамъ родины. Вы исполнили свой долгъ предъ отечествомъ!

Когда родился мой старшій братъ Николай, его воспріемникомъ былъ Императоръ Николай Павловичъ, а воспріемницею—бабушка Варвара Петровна Шереметева. Государь былъ привѣтливъ и благоволителенъ. Отецъ, всегда особенно цѣнившій всякое царское вниманіе, сохранилъ бокалъ, изъ котораго пилъ Государь и сдѣлалъ на немъ надпись: „Крестили въ нашей домовой церкви.“

Вобще отношенія отца ко двору носили свой особый характеръ. Полученіе приглашеній было совершеннымъ событіемъ; онъ принималъ посланнаго и разговаривалъ съ нимъ, пользуясь особливымъ сочувствіемъ придворной прислуги, даже до великихъ должностей камеръ-фурьерскихъ.

Нарѣдка, уже въ царствованіе Императора Александра II, бывалъ онъ въ Петергофѣ на выходахъ и

для этого нанималъ особую дачу, чтобы всегда имѣть готовое и самостоятельное помѣщеніе.

Люблю я нашъ старый садъ съ густыми липами и кленами, съ давно знакомыми мнѣ кустами сирени и стройною лиственницей передъ окнами дома. Татьяна Васильевна Шлыкова разсказывала, что была другая такая же лиственница къ сторонѣ образной, но погибла. Передъ окнами церкви донынѣ уцѣлѣла береза, посаженная дѣдомъ Николаемъ Петровичемъ, и рядомъ съ нею кленъ, посаженный бабушкою Прасковьей Ивановной. Клены были вообще любимымъ ея деревомъ. Засталъ я въ саду деревянный, запущенный домъ, въ которомъ они жили близъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ въ саду. На этомъ мѣстѣ теперь дровяной дворъ. Фруктовый садъ устроенъ уже мной передъ переѣздомъ въ Москву. Прежде здѣсь была луговина, и деревянный заборъ отдѣлялъ садъ отъ маленькаго дворика у манежа. Развѣсистый дубъ передъ послѣднимъ и клумба кустовъ, его окружающихъ, были всегда любимымъ мѣстомъ моимъ въ дѣтствѣ. Здѣсь же во время своей болѣзни любилъ сидѣть Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, и здѣсь писалъ, онъ свои воспоминанія. Когда-то среди сада былъ прудъ, подернутый тиною. Его завалили еще до моего рожденія. Горы устроены были при переѣздѣ нашемъ въ домъ съ Почтамтской, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то были также горы. Съ ними особенно связаны воспоминанія о Павлѣ Ламздорфѣ, жившемъ у насъ по праздникамъ, когда онъ былъ въ морскомъ корпусѣ. Въ дѣтствѣ моемъ мы долго не переѣзжали въ Ульянку, а потому этотъ садъ служилъ большимъ утѣшеніемъ въ лѣтніе жаркіе дни, которые проводили мы зачастую въ городѣ. Теперь мнѣ даже непонятно, какъ возможно было жить, не зная деревенскаго воздуха. Но среди однообразія этой жизни до переѣзда въ Ульянку и томительныхъ жаркихъ дней одна уже растворенная къ саду дверь доставляла особенное удо-

вольствіе. Какимъ-то неожиданнымъ и даже хорошимъ воспоминаніемъ осталась случайная поѣздка за городъ въ Лѣсное. Помню, какъ въ первый разъ мы переѣзжали на Ульянку въ 1852 году. Пріѣхалъ И. Ѳ. Апрѣлевъ и до окончательнаго переѣзда пригласилъ меня съ нимъ съѣздить туда погулять въ саду. Дни были жаркіе. Ѣхали мы въ четырехмѣстной каретѣ. Когда переправлялись черезъ Обводный каналъ, мнѣ показалось, что уже мы были очень далеко. Апрѣлевъ показалъ мнѣ дачу Циммермана, и мнѣ представилась она верхомъ совершенства и вкуса. Нарвская застава произвела на меня внушительное впечатлѣніе своимъ шлахбаумомъ. Я сталъ разматривать дачи по сторонамъ дороги и съ того времени изучилъ всѣ надписи на дачныхъ столбахъ; позднѣе слѣдилъ я за перемѣнами на нихъ и переходами отъ одного владѣльца къ другому. Деревня Тентелева мнѣ казалось образцовой. Менѣе приглядною представлялась мнѣ Автова деревня, въ которой всѣ дома были на одинъ образецъ, черезчуръ напоминавшій времена военныхъ поселеній. „Красный кабачекъ“ произвелъ извѣстное впечатлѣніе; названіе это мнѣ было знакомо со словъ Т. В. Шлыковой; онъ существовалъ до пятидесятыхъ годовъ. За Краснымъ кабачкомъ, мнѣ казалось, начиналась уже глушь. Тутъ большія дачи: Баташева, Берчевыхъ и Кандаурова, Ганфа и Шефера и наконецъ Крутиковой (бывшая графа Брюса) уже подъ самою Ульянкою, Домъ умалишенныхъ (бывш. Щербатовыхъ) былъ внушителенъ. Дача Ганфа осталась у меня въ памяти по разсказамъ Татьяны Васильевны. Здѣсь одно лѣто жилъ дѣдъ до покупки Ульянки и выбралъ дачу потому, что одинъ прудъ, окруженный деревьями, напоминалъ ему пруды Кусковскіе. На дачу Андерсона глядѣли съ особымъ вниманіемъ. Она дѣйствительно представляла изъ себя исключеніе по образцовому порядку и благоустройству. Еще шагъ, и передъ нами старое зданіе трактира съ потускнѣвшею вывѣской: „Входъ въ гос-

тинницу-въ Ульянку". Мы повернули круто влѣво и въѣхали черезъ деревянныя ворота, построенныя архитекторомъ Корсини, на просторный дворъ Ульянскаго дома. Смутно припоминаю прогулку въ лѣсу, изобиліе всякихъ травъ и множество желтыхъ цвѣтовъ. Когда вернулись въ городъ, то эта необычная прогулка въ рощѣ мнѣ показалась сновидѣніемъ. Все же Петербурскій садъ никогда не могъ утратить своего значенія, по пословицѣ: „старый другъ лучше новыхъ двухъ". Таковымъ остался для меня нашъ старый садъ, и годы не изгладили дѣтскаго чувства. Все тѣ же стоятъ въ немъ липы и клены, тѣ же кусты виднѣются изъ тѣхъ же оконъ. Живо впечатлѣніе весны и раскрытаго перваго окна, когда утреннее солнце освѣщало комнаты, и дверь открывалась въ садъ, а съ Литейной доносились звуки рожка—признакъ наступленія Юрьева дня, когда коровы выгоняются въ поле. Татьяна Васильевна оживлялась съ этимъ первымъ весеннимъ отголоскомъ, и все мнѣ тогда казалось свѣтло и радостно. Все такъ живо предо мною, словно вчера, потому такъ дорогъ мнѣ этотъ старый садъ, съ мавзолеями и статуями, съ преданіями старины, съ тѣнистыми дорожками и украшеннымъ раковинами гротомъ. Словно все это было не въ столицѣ, а гдѣ-то далеко, далеко, въ какомъ-то сказочномъ мірѣ дѣтскихъ сновидѣній!

При моей матери заведена была Англійская конюшня, то была временная уступка модѣ, навѣянной Дворомъ, былъ жокей и англійскій кучеръ. Отецъ очень былъ недоволенъ этою конюшнею и вообще не терпѣлъ англоманіи. Въ качествѣ жокея помню нѣкоего Чебоксарова, который впослѣдствіи сдѣлался горькимъ пьяницею. Для меня были выписаны моею матерью Шотландскія пони, которыя прибыли въ Москву уже послѣ ея кончины. Одна изъ этихъ лошадей дожила чуть ли не до моего офицерства. Въ числѣ старыхъ служителей былъ Дикушевъ. При

дѣдѣ Дикушевъ былъ архитекторъ и строилъ Останкинскій домъ. Помню въ 50-хъ годахъ молодаго тогда еще Дикушева, жившаго на Ульянкѣ и извѣстнаго въ домѣ, какъ охотника. Стрѣлялъ онъ хорошо и пользовался покровительствомъ нашего стараго врача Эмилія Ивановича Рейнгольдта. Впослѣдствіи этотъ Дикушевъ также спился.

Особый типъ представляли изъ себя дозорные, сидѣвшіе у воротъ. И теперь странно звучитъ это слово „дозорный", когда вездѣ уже знаютъ только дворниковъ. На воротахъ подъ гербомъ находится донынѣ образъ Неопалимой Купины, впервые повѣшанный моимъ дѣдомъ. Образъ этотъ обращенъ къ дому. На противоположной сторонѣ крестъ.

Помню въ дѣтствѣ какого-то очень искуснаго столяра, жившаго у насъ въ домѣ въ саду около Литейной, кажется онъ также подверженъ былъ крѣпкимъ напиткамъ; его работы сохранились искусные ларцы съ гербами, принадлежавшіе моей матери.

Семья Жарковыхъ пользовалась значеніемъ при моемъ дѣдѣ. Одинъ изъ нихъ былъ управителемъ и оставилъ состояніе. Всѣ Жарковы-родомъ изъ Останкина. Многіе изъ нихъ были позолотчики. Помню старуху Жаркову, приходившую ко мнѣ въ Москвѣ, когда я пріѣзжалъ туда изъ Петербурга офицеромъ. Спросишь ее бывало, гдѣ живете? Она такъ и отчеканитъ: „На Живодеркѣ, батюшка, на Живодеркѣ!" Она приходилась теткою Ивану Жаркову, поступившему ко мнѣ въ 1845 году и съ тѣхъ поръ неизмѣнно продолжающему свою усердную службу, не смотря на преклонный возрастъ.

Помню одно событіе въ нашемъ домѣ. Отецъ вдругъ объявилъ, что ѣдетъ на нѣсколько дней къ Потемкинымъ въ Гостилицы. Это было лѣтомъ въ 60-хъ годахъ. Всѣ знали, какъ трудно и необычно было ему измѣнять своимъ привычкамъ,—онъ никогда и не у кого не гостилъ. Положимъ, это было общее съ Графинею желаніе,

но здѣсь и со стороны отца было намѣреніе почтить уважаемаго имъ старика А. М. Потемкина. Въ Гостилицахъ онъ прожилъ нѣсколько дней, былъ очень доволенъ и много разсказывалъ о радушіи хозяевъ. Простой и добрый былъ человѣкъ Александръ Михайловичъ Потемкинъ и по мнѣ—гораздо сочувственнѣе своей жены, извѣстной Татьяны Борисовны. Вижу его, какъ теперь, въ нашей церкви у средняго простѣнка, во время торжественной службы храмоваго праздника. Хоръ поетъ концертъ Бортнянскаго, а Александръ Михаиловичъ стоитъ, какъ вкопанный, съ закрытыми глазами и на лицѣ его блаженная улыбка. Онъ былъ чудакъ, какихъ мало, и человѣкъ въ высшей степени скромный, за что отецъ особенно его уважалъ и цѣнилъ; Потемкинъ много дѣлалъ добра и лучше своей жены. Незамѣтный при жизни, онъ сталъ понятнымъ, когда его не стало; всѣ сознали вдругъ, что съ его смертью неизбѣжно рушится домъ. Прямыхъ наслѣдниковъ у него не было. Его сестра была замужемъ за старикомъ графомъ Рибопьеромъ. Видѣлъ я А. М. Потемкина въ мундирѣ Александровскихъ временъ, съ трехъугольною шляпою съ чернымъ плюмажемъ. Еще не мало засталъ я такихъ генераловъ съ плюмажами, ѣздившихъ по Невскому проспекту, какъ и засталъ буточниковъ съ алебардами, а на Невскомъ-полосатые фонари казенной окраски съ четырьмя тускло горящими масляными свѣтильнями.

Отецъ очень считался сосѣдствомъ съ Екатерининскимъ институтомъ и съ старымъ пріятелемъ графомъ Г. А. Кушелевымъ. Начальница Института Екатерина Васильевна Родзянко, съ дочерью Екатериною же, бывала у насъ въ церкви. Ежегодно 24 ноября въ день институтскаго праздника приглашались мы на балъ. Для меня это было крупнымъ событіемъ. Балы пятидесятыхъ годовъ казались волшебствомъ, и я долго ими бредилъ. Тогда еще сохранялись

танцы съ гирляндами и декоративныя позы; маленькія дѣвочки исправно выплясывали передъ сидѣвшимъ въ первомъ ряду начальствомъ и грозною директрисой. Въ то время въ Институтѣ была красавица княжна Трубецкая (дочь декабриста), будущая герцогиня Морни, и Наталья Александровна Черевина, старшая сестра которой Софія Александровна была замужемъ за М. М. Родзянко, сыномъ Директрисы. Ротмистръ Кавалергардскаго полка, типичный Михаилъ Михайловичъ Родзянко, прозванный въ полку „Михунъ", всегда выказывалъ особое вниманіе и сочувствіе моему отцу, которому онъ также нравился. Помню и юнкера Черевина, подходившаго прикладываться къ образу на аналоѣ въ церкви. То былъ извѣстный впослѣдствіи Петръ Александровичъ Черевинъ.

Графъ Кушелевъ, женатый на Е. Д. Васильчиковой, давалъ праздники и обѣды, но зная, что отецъ не любилъ выѣзжать, приглашалъ его рѣдко. Разъ впрочемъ позвалъ, сказавъ ему смѣясь: „Гдѣ намъ мелкопомѣстнымъ!" Когда двоюродная сестра моя В. А. Шереметева сдѣлалась невѣстою графа В. И. Мусина-Пушкина, у старшаго изъ братьевъ Пушкиныхъ, графа Алексѣя Ивановича былъ большой свадебный обѣдъ, на которомъ участвовалъ отецъ. Онъ очень расхваливалъ этотъ обѣдъ, потому что цѣнилъ всегда тонкій столъ.

Забылъ сказать, что въ числѣ прихожанъ былъ Г. А. Зиновьевъ. Помню одного Сенатора Зубова, который всѣхъ напугалъ въ церкви—потому что вдругъ упалъ, и всѣ думали, что съ нимъ плохо, но онъ тотчасъ же поднялся, какъ ни въ чемъ не бывало. Помню раздраженіе отца на генерала Золотницкаго, у котораго были лихіе сѣдые усы и прическа съ кокомъ, за то, что онъ нѣсколько заслонялъ пѣвчихъ и при этомъ охотно подпѣвалъ фальшивымъ голосомъ, чего отецъ не выносилъ. Подпѣвалъ иногда

и почтенный В. Д. Олсуфьевъ, пріѣзжавшій одно время весьма часто съ своими дочерьми.

Отношенія отца къ Надеждѣ Александровнѣ Безкорниловичъ (Долгорукой) и къ Любови Сергѣевнѣ Натаровой были совершенно родственныя. Онъ подтрунивалъ надъ ними, шутилъ и забавно смущалъ ихъ. У Любови Сергѣевны Натаровой, дочери барона Сергѣя Николаевича Истрова, былъ хорошій голосъ, но бракъ ея не былъ счастливый. Она вышла за врача Натарова, брата актрисы и сына бывшаго камердинера и фактотума дяди Василія Сергѣевича Шереметева, Петра Аѳанасьевича Натарова—извѣстнаго „Петруши.“ Братъ его Василій Аѳанасьевичъ Натаровъ послѣ него былъ камердинеромъ дяди. Любовь Сергѣевна очутилась въ средѣ, несовсѣмъ для нея подходящей;—она воспитывалась въ Институтѣ и вообще могла расчитывать на лучшія связи. Мужъ ея до того былъ тупъ, что на экзаменѣ, какъ говорятъ, при опредѣленіи одной болѣзни, машинально повторилъ за однимъ шутникомъ „Populus Romanus,“ и многіе послѣ того продолжали его прозывать этимъ именемъ. Единственный сынъ Любови Сергѣевны Натаровой, Дмитрій, крестникъ отца, скончался, а мать развелась съ мужемъ. Въ отцѣ она потеряла послѣднюю опору. Лѣтомъ 1871 года она еще прожила нѣкоторое время у него въ Кусковѣ. Татьяна Васильевна ее не жаловала, но Ломакинъ ей покровительствовалъ, интересуясь ея голосомъ. Часто пѣвала она довольно печальный романсъ: „Матушка голубушка!“

Въ небольшомъ флигелѣ, прилегающемъ къ Институту, долгое время жилъ Г. Я. Ломакинъ съ женою и дочерью Вѣрочкою. Здѣсь бывали у него интересные музыкальные вечера. Жена Ломакина Надежда Андреевна, бывшая институтка, хотя и вышла по влеченію замужъ за артиста, но очень дорожила своимъ дворянствомъ и была довольно сентиментальна. Гавріилъ Якимовичъ имѣлъ брата Степана Якимовича,

который былъ полнымъ хозяиномъ дома—но всегда стушевывался, наслаждаясь славою своего брата, талантомъ котораго онъ гордился, преклоняясь безпрекословно передъ его женою, которую оберегалъ и охранялъ отъ всякихъ хозяйственныхъ заботъ. Иногда Надежда Андреевна становилась очень сладкою—хотя нерѣдко за этою сладостью сквозило и жальце. У нея была любимая собачка левретка „Djaly," съ которою возились до нельзя. Мужа своего Надежда Андреевна называла всегда „Gabriel," хотя тотъ по французски не говорилъ. Поѣздка заграницу совсѣмъ ихъ увлекла. Это было въ концѣ 50-хъ годовъ. Они вели свой дневникъ, и я помню, какъ мнѣ его читали. Надежда Андреевна любила говорить комплименты и притомъ съ „оника" и совершенно неожиданно. Жили они дружно и не могли наглядѣться на свою дочь Вѣрочку, которая долгое время была у нихъ единственною. Гораздо позднѣе родилась вторая дочь Лидія и сынъ „Воля," который не пошелъ по родительскимъ стопамъ и увлекся хозяйствомъ. У нихъ было обширное пріятное знакомство, и вечера у Ломакиныхъ остались у меня въ памяти въ числѣ добрыхъ воспоминаній. Ломакинъ и жена его говорили оба на распѣвъ. У него было безчисленное число учениковъ по разнымъ мужскимъ и женскимъ заведеніямъ, которые его почитали и любили.

Мой отецъ былъ довольно тяжелъ на подъемъ и любилъ сидѣть дома. Мысли его часто волновались, онъ создавалъ себѣ несбыточные планы и предположенія и жилъ очень много воображеніемъ. Моя мать чрезвычайно любила путешествія, много читала и слѣдила за общественными и политическими движеніями. Отцу до нихъ не было никакого дѣла. Моя мать не могла отдалиться отъ Двора, отъ постоянныхъ съ нимъ сношеній, въ силу прежней своей фрейлинской службы и дѣйствительнаго расположенія къ ней Императрицы. Отца тяготили эти близкія сношенія съ дворомъ,

а свѣтскимъ человѣкомъ онъ и въ молодости никогда не былъ. Моя мать любила общество дипломатовъ, которыхъ отецъ за немногими исключеніями избѣгалъ. Онъ сохранялъ только добрыя и близкія отношенія къ старому другу дѣда, герцогу Серра Капріола и хорошо зналъ графа Юлія Помпеевича Литта. За то они сходились въ артистическихъ вкусахъ и въ врожденной склонности къ музыкѣ и пѣнію. Общество артистовъ было всегда отцу по душѣ, и очень любилъ онъ Рубини. Долгое время онъ вовсе не ѣздилъ въ театръ. Послѣ продолжительнаго перерыва, уже послѣ втораго своего брака, онъ абонировался въ итальянской оперѣ. Нерѣдко бывалъ я тогда съ нимъ и графинею по понедѣльникамъ въ ложѣ бель-этажа. Отецъ внимательно слѣдилъ за пѣніемъ, и какъ-то особенно пріятно было видѣть его оживленіе и слушать его замѣчанія, либо разсказъ, о прежнемъ театрѣ и о прежнихъ артистахъ. Тамберликъ, Кальцолари, пѣвцы 50-хъ и 60-хъ годовъ, которыми восхищалось наше поколѣніе, не могли заглушить въ немъ впечатлѣній другихъ артистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ: Рубини, Тамбурини, Маріо, Гризи, Лаблашъ, которыми наслаждался отецъ. Теперь, при современной бѣдности, воспоминанія о Тамберликѣ и Кальцолари доставляютъ утѣшеніе. Но отца уже утомлялъ театръ, какъ утомляли его свѣтскіе выѣзды, и съ графинею Александрою Григорьевною нерѣдко приходилось мнѣ его замѣнять. Особенно любилъ я видѣть отца въ свѣтѣ на какомъ-нибудь дипломатическомъ вечерѣ. Встрѣчался онъ тогда съ людьми своего поколѣнія, иногда находилъ пріятелей и старыхъ товарищей, и эти встрѣчи его оживляли. Онъ любилъ держаться въ сторонѣ, въ наблюдательномъ положеніи и всегда сочувствовалъ буфету. Однажды у Англійскаго посла Буканана ему предложили какой-то напитокъ, который показался ему вкуснымъ. На вопросъ, что такое, ему отвѣтили по нѣмецки, и онъ

могъ только разобрать слово „Zusammen.“ Въ слѣдующіе разы онъ всегда, подходя къ буфету, уже самъ просилъ, чтобъ ему налили этого Zusammen. Отецъ по нѣмецки не говорилъ. Припоминалъ онъ только одну фразу, слышанную въ Мемелѣ, когда онъ стоялъ тамъ съ полкомъ. Къ нему въ номеръ гдстинницы постучалась Stubenmädchen со словами „Ist die Thure angeschlossen?“ Дальше Мемеля отецъ нигдѣ заграницей не былъ. Не разъ встрѣчалъ я его на блистательныхъ раутахъ Канцлера Князя Горчакова, который всегда плѣнялъ отца своею обворожительною вѣжливостью. Здѣсь видѣлся онъ съ старымъ пріятелемъ лицеистомъ Яковлевымъ, другомъ и товарищемъ Пушкина—авторомъ романсовъ: „Когда душа просилась ты;“ „Сиротинушка дѣвушка“ и др. Здѣсь развязно и самодовольно подтрунивалъ надъ отцемъ старый его пріятель Миклашевскій (Miclochon), другъ Князя Горчакова. „Je ne desespere pas de vous voir mondain,“—говоритъ онъ ему мимоходомъ. „Кисла щей!“—отвѣчаетъ ему отецъ, подражая его говору, и оба расходятся. Здѣсь же видѣлъ я, какъ обрадовалась отцу не молодая уже, но съ необыкновенно выразительными глазами дама—у которой отецъ поцѣловалъ руку. То была Устинова, урожденная Полянская. Проходитъ мимо старый кавалергардъ и дипломатъ Свистуновъ и говоритъ отцу: „А шляпа въ картонкѣ?“ Тутъ же и Андрей Ивановичъ Сабуровъ, не унывающій директоръ театровъ—„Табулевъ,“ какъ называютъ его пріятели. Для князя Горчакова отецъ дѣлалъ исключеніе и пріѣзжалъ къ нему одинъ, и оба разсыпались во взаимныхъ изліяніяхъ вѣжливости.

Въ теченіе тѣхъ лѣтъ, когда съ отцомъ мы жили на Ульянкѣ съ 1853 по 1862 г., всего торжественнѣе праздновался имъ день I августа. Въ этотъ день крестный ходъ выступалъ изъ церкви на шоссе и затѣмъ садомъ проходилъ до пруда, гдѣ устроена

была Іордань. Часовня была очень красива и убиралась цвѣтами. Всѣ эти приготовленія занимали отца, и онъ радовался, когда при хорошей погодѣ все кончалось праздновито и благополучно. Дѣйствительно впечатлѣніе этого дня всегда было свѣтлое. Множество народа шло за крестнымъ ходомъ. Соборное служеніе, пѣніе хора на берегу, много пріѣзжихъ изъ города. Въ тотъ же день бывалъ большой обѣдъ духовенству, и не расходились до вечера.

Въ послѣдніе годы своей жизни отецъ мой находилъ отраду въ привязанности къ моему брату. При видѣ его онъ оживлялся—радуясь каждому его движенію, каждому слову. Онъ веселѣлъ и шутилъ съ нимъ, называя его „шалунишко". Присутствіе брата въ домѣ было для него великимъ и послѣднимъ утѣшеніемъ. Я былъ на его крестинахъ. Именемъ Государя воспріемникомъ былъ Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, воспріемницею Татьяна Борисовна Потемкина. Крестили въ нашей домовой церкви, и въ этотъ день впервые появилась въ домѣ нашемъ Анна Львовна Трунева.

То же чувство перенесла на брата и Т. В. Шлыкова. Помню, какъ радовался и я новому оживленію въ домѣ. На крестинахъ произошелъ забавный случай, благодаря разсѣянности отца.

Когда, послѣ службы, старая нянька (вскорѣ потомъ оставившая мѣсто) поднесла къ нему новокрещеннаго, онъ впопыхахъ вмѣсто ребенка поцѣловалъ няньку, совершенно тѣмъ озадаченную!..

Позднѣе она была замѣнена Марьей Михайловной Степановой...

Драгоцѣнное собраніе оружія, нынѣ хранящееся въ домѣ нашемъ на Фонтанкѣ, было мною перевезено изъ Москвы. Въ началѣ прешлаго столѣтія все это собраніе находилось въ Кусковѣ вмѣстѣ съ сѣдломъ Карла XII. Затѣмъ оружіе было расположено въ одномъ изъ флигелей большого Останкинскаго дома,

гдѣ въ 1856 году приготовлено было помѣщеніе для Великой княжны Маріи Александровны; къ этому времени все оружіе было уложено въ ящики и свезено въ Москву въ большой Воздвиженскій домъ, гдѣ и хранилось въ томъ видѣ до раздѣла. Существуетъ опись этому оружію прошлаго столѣтія подъ заглавіемъ: „Описаніе Рисъ-Каморы“ (Kriegs Kammer). Къ сожалѣнію, это только краткій перечень, весьма точный, но безъ всякихъ комментарій и примѣчаній. Нѣтъ возможности по этой описи прослѣдить происхожденіе того или другаго предмета и постепенный переходъ онаго изъ рукъ въ руки. Кромѣ №, что на вещахъ весьма рѣдко, можно встрѣтить надписи, изъ которыхъ видно, кому эти вещи принадлежали. Опись эта и донынѣ цѣла. Мы знаемъ по надписямъ, что имѣется щитъ боярина Головина, пороховница князя Оболенскаго-Лыкова и пр. Несомнѣнно, что коллекція эта весьма драгоцѣнна, что между мечами имѣются рѣдчайшіе экземпляры, что главная закраса собранія-это отдѣлъ русскаго оружія XVII и даже XVI вѣка. Оружіемъ этимъ любовались многіе знатоки.

Теперь все это собраніе сохраняется на Фонтанкѣ. Оно описано во всѣхъ подробностяхъ; трудъ Ленца можно почитать образцовымъ*). Только нѣсколько шпагъ дѣда съ его именемъ на эфесѣ: „Графъ Николай Шереметевъ“-достались моему брату да еще кольчуга, которую Фельдмаршалъ носилъ подъ Полтавой. Особенно драгоцѣнны стремена изъ финифти, русскаго дѣла; пороховница и шестоперъ. Весьма вѣроятно, что въ числѣ вещей имѣются вещи, принадлежавшія Петру Васильевичу большому Шереметеву и Василію Борисовичу-плѣннику Крымскому, владѣльцу Чиркина. Въ описи XVIII вѣка случайно нашелъ я записку о томъ, что одинъ кинжалъ пода-

*) „Опись собранія оружія графа С. Д. Шереметева, съ приложеніемъ 26 фототипическихъ таблицъ, составл. Э. Ленцомъ“. С.-П.-Б. 1895. Стр. I—V, 1—197 и I—XXVI, in folio.

ренъ былъ герцогомъ де Лиріей Императору Петру II и послѣ его смерти достался Петру Борисовичу,— по какой именно причинѣ, не извѣстно. Въ числѣ вещей нашлось часть чепрака съ вензелями „С“ и королевской короной. Судя по цвѣту и по вензелю, можно съ вѣроятностью предположить, что это была принадлежность сѣдла Карла XII. Значки съ гербами — вѣроятно походные значки Бориса Петровича.

Все сохранившееся теперь въ нашей образной составляетъ одну долю мою по раздѣлу. Походная церковь же Фельдмаршала, его путевая икона Тихвинской Божіей Матери—многія иконы семейныя въ ростъ при рожденіи: изображеніе Спасителя подарокъ Папы фельдм. Борису Петровичу, шитое изображеніе Тайной вечери и пр. перешли къ брату. Все оставшееся приведено въ порядокъ. Лучшія древнѣйшія иконы и кресты разсмотрѣны и описаны Г. Д. Филимоновымъ въ отдѣльной описи. Древняя хоругвь XVII вѣка не находилась прежде въ образной, она найдена подъ Останкинской церковью и привезена, когда мы переѣхали въ домъ. Иконы двунадесятыхъ праздниковъ, заказанныя моею матерью, достались брату и теперь находятся въ Селѣ Вороновѣ, куда онѣ имъ пожертвованы; всего ихъ 24 иконы, въ томъ числѣ и святцы съ общею для всѣхъ серебряною рамой. Изъ позднѣйшихъ иконъ въ образной хранятся: „Благовѣщенье“, приписываемое Симону Ушакову, образъ Михаила Архангела, пожертвованный преемникомъ Кузмича Сорокинымъ, и всѣ образа, бывшіе въ кіотѣ Маленькаго Василія, въ томъ числѣ и икона Св. Алексія Митрополита—благословеніе Высокопр. Алексія Архіепископа Литовскаго, съ надписью его руки на оборотѣ. Съ дѣтства помню изображеніе Лѣствицы Іакова изъ слоновой кости, она и теперь хранится въ образной. Передъ отъѣздомъ въ походъ 1877 года взялъ я икону Спасителя и помѣстилъ надъ плащаницей, подъ иконою Божіей Матери съ мечами въ

сердцѣ. Этотъ образъ Спасителя—благословеніе Императора Николая моей матери на день ея свадьбы. Стоявшіе долгое время рядомъ образа въ ростъ моей матери и брата Николая нынѣ перевезены и находятся въ Михайловскомъ. Такой же образъ въ ростъ отца, работы Боровиковскаго, имѣется у моего брата. Картина Пр. Сергія передъ источникомъ, работы художника Vital de Groneke, написана была на моей памяти. Въ маленькой комнатѣ у входа въ церковь изображеніе Спасителя, гравюра О. А. Кипренскаго.

Въ церкви у жертвенника образъ Великомученицы Варвары пожертвованъ А. С. Норовымъ; образъ Благовѣщенія у большаго клироса пожертвованъ Ломакинымъ; складень съ изобр. Знаменія Б. М. (пріобрѣтенный въ Москвѣ у Стрѣлкова) и образъ Всѣхъ святыхъ семейный—благословеніе Архимандрита Леонида, Намѣстника Троицкой Сергіевой лавры находятся въ образной. Въ церкви же образъ Св. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, купленный мною послѣ смерти Жемчужникова, работы Боровиковскаго, и икона Василія Великаго въ память Василія младенца. На аналоѣ размѣщены кресты и мощи, взятые изъ образной; еще при отцѣ и по совѣту А. Н. Муравьева заказанъ былъ для нихъ серебряный ковчегъ мастеру Верховцеву. Подъ нимъ красный небольшой коверъ, вышитый Юліею Васильевною Шереметевой.

Ризница, такъ же какъ и образная, находилась подъ наблюденіемъ Андрея Кузьмича, котораго смѣнилъ Сорокинъ, соблюдавшій до конца жизни вѣрно эту домашнюю святыню. Теперь эта обязанность перешла по наслѣдству старику Пономареву, настоящее имя котораго „Сова,“ а церковная ризница, долгое время хранившаяся подъ церковью, нынѣ сосредоточена въ особомъ помѣщеніи надъ галлереей. Ризъ много, всѣ онѣ мнѣ особенно памятны и живо переносятъ въ прошлое. Въ шкафахъ образной хранятся книги, между ними молитвенникъ бабушки Прасковьи Ива-

новны. Теперь въ комнатѣ, гдѣ она скончалась, повѣшенъ мною, закрытый деревянною рамою, краснаго дерева портретъ ея (въ гробу) подъ стекломъ. Снаружи текстъ: „Наказуя, наказа мя Господь, смерти же не предаде.“

Тутъ же надъ нимъ—гравированный портретъ Императора Александра III; въ темной моленной подъ стекломъ—пальмовая вѣтвь, взятая съ его гроба; а передъ иконой Спасителя—серебряная лампада съ двуглавыми орлами, работы Овчинникова, и съ надписью, что лампада эта точная копія съ той, которая виситъ у гроба незабвеннаго Государя передъ складнемъ, пожертвованнымъ къ его гробу лицами его прежней свиты. Здѣсь въ этой моленной, еще будучи Цесаревичемъ, слушалъ онъ литургію вмѣстѣ съ Цесаревною Маріею Ѳеодоровною, а по воцареніи своемъ не разъ внимательно разсматривалъ нашу образную, вполнѣ отвѣчавшую духу его искреннихъ стремленій и связей его съ древней Русью. Да будетъ благословенна память его въ родъ и родъ!.....

Въ образной все тотъ же старый коверъ, тѣ же кіоты и лампады.—Все переноситъ въ далекое прошлое. Все здѣсь мнѣ дорого, все полно воспоминаній. Знакомые лики иконъ, деревья сада, покрытыя инеемъ и снѣгомъ; тихій свѣтъ лампады, Распятіе, передъ которымъ молилась моя мать, даже старые стулья съ золоченными птичьими головами,—все тѣ же дорогіе и давно знакомые съ дѣтства предметы,—все здѣсь отрадно для души, все смиряетъ и располагаетъ къ молитвѣ. Да сохранится же въ нашемъ старомъ домѣ это завѣтное убѣжище свято и нерушимо, и да послужитъ оно и грядущимъ поколѣніямъ отрадою и успокоеніемъ среди жизненной борьбы!..

Въ небольшой комнатѣ—образной, близъ двери, ведущей въ церковь, насупротивъ плащаницы и рядомъ съ небольшою дверью темной моленной, донынѣ стоитъ кресло, на томъ мѣстѣ, гдѣ всегда стояла

моя мать, а надъ плащаницей виситъ повѣшенный ею образъ Божіей Матери „умягченія злыхъ сердецъ“ въ серебряномъ окладѣ. Посреди иконы изображено сердце, вокругъ котораго сосредоточены мечи.—Она всегда молилась передъ этимъ образомъ.

Графъ Сергій Шереметевъ.

Михайловское.
13 сентября 1899 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

именъ и фамилій, встрѣчающихся въ „Домашней Старинѣ".

Агнія, странница, стр. 45.
Адлербергъ, графъ, 55.
Алабушевъ, регентъ, 9.
Аладьинъ, кавалергардскій офицеръ, 12.
Алексій, архіепископъ Литовскій, 149.
Андрей Кузьмичъ, хранитель образной, 9, 15, 35, 36, 57. 67, 95, 131, 150.
Анна Павловна, Королева Нидерландская, 104.
Антоній, Петербургскій митрополитъ, 100.
Апраксинъ, Степанъ Федоровичъ, графъ командиръ кавалергардскаго полка, 25, 26.
Апрѣлевы: Анастасія Ивановна, 121.
А. Ѳ., убитый Павловымъ, 121.
И. Ѳ. управляющій, 72, 91, 138.
Араповы, кавалергарды, 24.
Арнаутовскій, оффиціантъ, хохолъ, 56.
Арсеній, митрополитъ Кіевскій, 114.
Ахматовъ, Г. А., оберъ-прокуроръ Св. Синода, 97, 98, 107.
Бадровъ, сторожъ, 53.
Балдовскій, камердинеръ, впослѣдствіи дворецкій, 22, 89,
Балакиревъ, духовный композиторъ, 16.
Барсовъ, отецъ Василій, священникъ, 104.
Бартенева, Прасковья Арсеньевна, камеръ-фрейлина, 22.
Барятинскій, князь фельдмаршалъ, 68.
Бахтеміровъ, служащій въ конторѣ, 64.
Безкорниловичъ, Надежда Александровна, 98, 124, 143.
Блудовы графы:
Антонина Дмитріевна, 9, 80, 81, 82, 92, 119.
Димитрій Николаевичъ, 9, 80, 92, 98, 119, 125.
Бобринской, А. В. графъ, 135, 136.
Бондаревъ, Артемій, смотритель Ульянки, 39, 67.
Боровковъ, служащій въ конторѣ, 15, 89.
Боровиковскій, художникъ, 150.
Бортнянскій, духовный композиторъ, 16, 141.
Бровцыны: Контръ-адмиралъ, 96.
Татьяна Ивановна, 17.
Брошье (Brochiet), учитель французъ. языка, 37.

Брюхоненко, поваръ, 53.
Букананъ, англійскій посолъ, 123, 145.
Букины: Буфетчикъ, 64.
Вѣра Марковна, его жена, 64.
Булыгины: Авдотья Ивановна, 13.
Василій Ивановичъ, 79.
Буркова, Минна Ивановна, 55.
Бутурлинъ, Алексѣй Петровичъ, кавалергардъ, 18, 24, 27, 68, 91.
Бутеневъ, К. А., 65.
Буткевичъ, Варвара Михайловна, 120, 124.
Валянжеліе, Викторъ, французъ, солдатъ «великой арміи», 121.
Василій, отецъ священникъ домов. церкви, 57.
Васильевъ, подлѣкарь, 15, 53, 54.
Вейденгаммеръ, управитель, 64.
Веліо, баронъ, 86.
Вендригъ-фонъ, управляющій Московскими имѣніями, 74.
Верещагинъ, главный смотр. Страннопр. дома, 63, 64.
Верховцевъ, серебр. дѣлъ мастеръ, 101, 150.
Викторія, королева англійская, 39.
Вилліе, лейбъ-медикъ, 26.
Виттъ графъ, уланскій полковникъ, 11.
Віельгорская, графиня, 98.
Волконскіе: Князь, католикъ, 65, 88.
Княжна Анна Александровна, 120.
Вотье (Vauthier), парикмахеръ, 10.
Врасскій, кавалергардъ, 24.
Вюлльенсъ (Wulliens), швейцарка-гувернантка, 38, 39, 40, 130.
Вяземскіе князья: Братья, гусары, 24.
М. А. княгиня, 98.
Павелъ Петровичъ, 52, 137.
Петръ Андреевичъ, 71, 97, 132.
Гагарины князья:
Викторъ Николаевичъ, 136.
Левъ Николаевичъ, бывшій Моск. губ. предвод. дворянства, 135, 136.
Юлія Соломоновна, прихожанка церкви 96.
Гайденъ, композиторъ, 131.
Гваренги, архитекторъ, 30.
Герасимъ, іеромонахъ, впослѣдствіи архимандритъ 103, 104.
Гинамъ (Нупам), придворн. часовщикъ, 43, 44.
Гимеръ, Самуилъ Филипповичъ, врачъ, 32, 33, 34.

Гиршфельдтъ, зубной врачъ, 15.
Глинка, композиторъ, 49.
Голицыны, князья: Братья: Левъ Григорьевичъ и т. н. Фирсъ, 24.
Владиміръ Сергѣевичъ, 121, 122.
Сергій Михайловичъ, 64.
Юрій Николаевичъ, 121.
Головины: А. А, 106.
Константинъ, 106.
Бояринъ 148.
Горнъ, поваръ нѣмецъ, 53.
Горчаковы: А. М., канцлеръ 146.
В. П., 99.
Граффъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, докторъ, 65.
Гребенниковъ, смотритель малолѣтн. пѣвчихъ, 9.
Гренингъ, учитель музыки, 14, 94, 130.
Григорій, митрополитъ петербурскій, 62, 124.
Гризи, пѣвица 145.
Гринвальдъ генералъ, командиръ кавалерг. полка, 26.
Гробе, портной, 15.
Гронеке Виталій, художникъ, 150.
Грудевъ Г. В, 133.
Грумъ-Грижимайло, прихожане, 124.
Грюнбергъ, пѣвица, 21.
Гумбольдтъ, ученый, 125.
Гурьева, Марина Дмитріевна, 88.
Даноуровы: Иванъ Михайловичъ, 92, 129.
Марья Ѳедотовна (урожд. Веригина), 92.
Михаилъ Ивановичъ, 19, 92, 129.
Петръ Михайловичъ, 91, 129.
Депрерадовичъ Н. И, командиръ кавалергадск. полка, 25, 54.
Державинъ, Г. Р. поэтъ, 131.
Дебольскій, протоіерей духовникъ графа Д. Н., 90
Дегтяревъ, управляющій хоромъ, 15.
Дикушевъ, домовый архитекторъ, 30. 140.
Дирины, прихожане церкви, 96.
Долгоруковы: князья: В. А. Моск. ген. губ., 53, 65.
Василій Андреевичъ, 147.
Николай Александровичъ, 20, 71, 98, 116, 125.
Дрентельнъ, генералъ, 114.
Дубенскіе, любители музыки, 24.
Дундуковъ,-Корсаковъ, князь, Кіевскій. генер. губернаторъ 114.

Дѣлорадовъ, Пименъ Семеновичъ, подлѣкарь, 54.
Дюсо (Dusaux), поваръ французъ, 15, 31, 53, 58.
Дютуръ (Dutour), гувернантка Блудовыхъ, 92.
Евсѣевъ, пѣвчій, теноръ-солистъ, 49.
Елена Павловна, великая княгиня, 80.
Ермаковъ, буфетчикъ, 68, 69.
Жарковъ Иванъ и его семья, 140.
Жемчужниковъ, 150.
Жидовцевъ, дорожный докторъ, 66.
Житковъ, медоваръ, 53.
Жуковскіе: В. А, поэтъ 125.
С. С., 82.
Жуковъ Ѳедоръ, конюхъ, 57.
Загребинъ, квасникъ, 53.
Зиновьевъ Н. В., Генералъ-адъютантъ, прихожанинъ, 142.
Золотницкій, генералъ, 142.
Зонтагъ, пѣвица, 130.
Зубовъ, сенаторъ, 142.
Игнатій (Брянчаниновъ), архіепископъ, 124.
Ильинъ, Василій Васильевичъ, главн. смотритель Страннопр. дома, 64, 65.
Императоры;
Александръ Александровичъ, 29, 113, 151.
Александръ Николаевичъ, 7, 29, 30, 31, 83, 87, 92, 136, 147.
Александръ Павловичъ, 26, 28, 63, 87, 88, 94.
Николай Павловичъ, 20, 23, 26, 27, 28, 47, 60, 66, 85, 86, 89, 125, 126, 127, 134, 136, 150.
Павелъ Петровичъ, 67, 87, 94, 128.
Петръ I Алексѣевичъ, 127, 132.
Петръ II Алексѣевичъ, 149.
Императрицы:
Александра Ѳеодоровна, 25, 29, 66, 86, 126, 127, 129.
Анна Іоанновна, 52, 70.
Екатерина Алексѣевна, 37, 43, 44, 54, 87.
Елизавета Алексѣевна, 26.
Елизавета Петровна, 52.
Марія Александровна, 29, 30, 80.
Марія Ѳеодоровна, 28, 47, 54, 87, 92.
Иннокентій, архіепископъ Камчатскій, потомъ митрополитъ Московскій, 103, 110, 111.
Истомина, балерина, 43, 85.
Исидоръ, петербургскій митрополитъ, 62, 124.

Островы бароны:
Александръ Николаевичъ, 37, 128.
Николай Николаевичъ, убогій 37, 128.
Сергѣй Николаевичъ, 12, 37, 38, 128, 143.

Иосселіани, грузинъ генералъ, 94. 95.

Кабановъ Д. В., домовый архитекторъ, 59.
Кавелины, прихожане, 122.
Казакова, Елена Семеновна (впослѣдствіи Погодина), 37.
Казачковъ, Евдокимъ Гавриловъ, кучеръ, 56.
Казинъ, адмиралъ, 96.
Каленый, старикъ кассиръ, 15.
Кальцолари, пѣвецъ, 145.
Кантемировъ, Эдуардъ Николаевичъ, контролеръ и правитель дѣлъ, 73-75 124.
Кантемиръ Антіохъ, князь, сатирикъ, 70.
Каракозовъ, госуд. преступникъ, 108.
Каринскій, Александръ Семеновичъ, священникъ, 64, 65.
Карлъ XII, король шведскій, 35, 134, 147, 149.
Касаткинъ Ростовскій Ѳ. М, князь главноуправляющій имѣніями, 65, 72, 73, 78, 79, 124.
Кафтырева А. В., 90.
Кильдюшевскій, докторъ операторъ, 65.
Кипренскій Орестъ Адамовичъ, портретистъ 27, 35. 59, 150.
Киселевъ, графъ, 89.
Киттель, артистъ на цитрѣ, 50.
Кобылина, Екатерина Ѳедотовна (урожд. Клокачева), 120.
Кожины, кавалергарды, 24.
Комаровскій, графъ Егоръ Евграфовичъ, 98.
Коноплевъ, регентъ, 9.
Константинъ Никифоровичъ, священникъ церкви Харитонія въ Огородникахъ, духовникъ, графа Д. Н, 90.
Константинъ Николаевичъ, великій князь, 29.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 88, 94.
Коптевъ, Иванъ Степановичъ, служащ. Стр. дома, 64, 67.
Корсини: Жеромъ библіотекарь, 98, 133.
Жозефъ, архитекторъ, 134, 139.
Костанда, Любовь Михайловна, 120.
Костромитинова, Варвара Павловна, 120.
Костюшко, польскій генералъ, 67.
Кравцовы: Евграфъ Семеновичъ, камердинеръ, 15, 54, 76, 77.
Его братъ, смотритель домов. церкви, 54.
Его жена и сестра послѣдней, 59.

Кругляковъ Илья, дьячекъ, 57, 100, 101.
Крюковская, пѣвица, 50.
Кузнецовъ, поваръ, 53.
„Кузьма Ефремовичъ“, 41, 42.
Куницынъ, инспекторъ Лицея, 17.
Куртнеръ, дорожный докторъ, 66.
Кутайсовъ, управитель, 64.
Кучерявенко, буфетчикъ, 56.
Кушелевы: Г. А., графъ губернскій предводитель, 21, 141.
Е. Д., его жена, урожд. Васильчикова, 142.
Кушнеревъ, управитель, 64.

Лаблашъ, пѣвецъ, 145.
Лавровскій, отецъ Алексѣй, протоіерей Симеоновской церкви, 104.
Ламздорфъ П. А., графъ, 137.
Ланге, Иванъ Ивановичъ, завѣд. вин. погребомъ, 52.
Левбергъ, Генрихъ Ивановичъ, управляющій, 46, 74, 75.
Левенвольде, командиръ кавалергардск. полка, 26, 54.
Левенгагенъ· Надежда Васильевна (по первому мужу Апрѣлева), 120, 121, 124.
Ея мужъ, отставной уланъ, 121, 124.
Николай сынъ, 121, 124.
Леонидъ, архимандритъ Троице-Сергіева монастыря, 150.
Ленцъ, авторъ Описи оружія, 148.
Леонтій, петербургскій викарій, впослѣдствіи митрополитъ московскій, 124.
Лешетицкая-Фридебургъ, Анна Карловна, пѣвица, 122.
Ливенъ, баронесса, съ дочерьми, прихожанки, 96.
де-Лиріа, герцогъ, 149.
Листъ, композиторъ, 17.
Литта, графъ Юлій Помпіевичъ, 132, 145.
Ломакины: Вѣра, Воля и Лидія, дѣти, 144.
Гавріилъ Якимовичъ, преподаватель пѣнія и композиторъ, 16, 17, 22, 49, 51, 93, 117, 122-224, 131, 143, 144, 150.
Надежда Андреевна, его жена, 144.,
Степанъ Якимовичъ, его братъ, 143.
Лудовикъ XVIII, король французскій, 31.
Львовъ Андрей, кавалергардъ, 24.
Любецкій, писатель, 46.

Мазовскóй, Аркадій Николаевичъ, камергеръ, 95, 96.
Малиновскіе:
Алексѣй Ѳедоровичъ, 20.

Павелъ Ѳедоровичъ, 20.
Ѳедоръ Акксентіевичъ, протоіерей, 20.
Мальцовы: Анастасія Николаевна, 37, 93, 97, 98, 109, 110.
Капитолина, вдова Ив. Ак., 92.
Иванъ Акимовичъ, 92, 119.
Сергѣй Ивановичъ, 119.
Мареничъ, хранитель нотъ, 9.
Марія Александровна, великая княжна, 148.
Марія Ѳеодоровна, цесаревна, 113, 151.
Маріо, пѣвецъ, 145.
Марсовъ, дьячекъ, 95.
Мартыновы, прихожане церкви, 96.
Мезенцовъ, Н. В., 106.
Мессарошъ И. В., служащ. Страннопр. дома, 65.
Миклашевскій, дипломатъ., 146.
Митрофаній, Святитель Воронежскій, 133.
Михайловъ, Константинъ Михайловичъ, служащ. Страннопр. дома, 64.
Михаилъ Николаевичъ, великій князь, 128.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, 28, 47, 126.
Мордвиновъ, графъ Николай Семеновичъ, 90.
Муанъ (Moine), парикмахеръ, 10.
Муравьевы: Андрей Николаевичъ, 95, 96, 98-118, 124, 150.
Михаилъ Николаевичъ, графъ, 79, 82, 99, 106, 108, 111, 114, 119.
Михаилъ Николаевичъ, графъ внукъ, 113.
Пелагея Васильевна, графиня (урожд. Шереметева), 106. 111.
Софья Михайловна (урожд. Шереметева), 119.
Мусинъ-Пушкины, графы: Алексѣй Ивановичъ, 97. 142.
В. Н., 142.
Мухановъ, Илья Дмитріевичъ, почетный опекунъ, 96.
Мысловскій, протоіерей духовникъ графа Д. Н., 90.
Нарышкина, Марья Антоновна, урожд. кн. Четвертинская, 88.,
Натаровы; Василій Аѳанасьевичъ, камердинеръ, 143.
Любовь Сергѣевна, урожд. бар. Истрова, 38, 46, 124, 143.
Ея мужъ, врачъ, 143
Димитрій, ея сынъ, 143.
Петръ Аѳанасьевичъ, камердинеръ, 143.
Наташа, лѣвушка-прислуга Т. В. Шлыковой, 67.
Нафанаилъ, епископъ нижегородскій, 124.
Нахимовъ, адмиралъ, 67.

Непиръ, лордъ посолъ, 123.
Неручевъ, оффиціантъ, 56, 68.
Несвицкій, князь, членъ Англійскаго клуба, 46.
Нечаевъ, о. Степанъ, священникъ, 44, 45.
Никаноръ, петербургскій митрополитъ, 62.
Николай (Nicolay), переплетчикъ, 135.
Новосильцова М. Н., 23.
Норовы: Авраамъ Сергѣевичъ, 88, 101, 117, 118, 125 150.
Варвара Сергѣевна (урожденная Демидова), 117.
Оболенскіе, князья: прихожане церкви, 96.
Алексѣй Васильевичъ, 97.
Егоръ Васильевичъ, 97.
Оболенскій-Лыковъ, князь, 148.
Обрѣзковы: Дмитрій Михайловичъ, 25, 58.
Мих. Дмитр., „Michlnka", его сынъ, кавалергардъ, 58.
Наталья Васильевна, урожд. Шереметева, 58.
Одоевскій, В. Ѳ., князь, любитель музыки, 49.
Олсуфьевъ В. Д. и его дочери, прихожане, 143.
Ольденбургскій П. Г. принцъ, 44, 55, 95, 96.
Опочининъ, Владиміръ Петровичъ, морякъ, 50, 122.
Орловъ, князь А. Ѳ., 37, 89, 125, 126, 127.
Орловъ Дій. смотритель малолѣтн. пѣвчихъ, 9, 64.
Орловъ-Давыдовъ, графъ В. П., 96, 122.
Павелъ, іеродіаконъ, 51.
Павловъ, убійца Апрѣлева, 121.
Пантелѣевъ, кавалергардъ, 24, 91.
Патенотръ, докторъ, 109.
Пеніонжекъ, Софья Сергѣевна, 38.
Перуцци (Peruzzi), теноръ итальянецъ, 86.
Петръ Герасимовичъ, подлѣкарь, 20, 54.
Пиккель, скрипачъ, 49.
Плещеева, Наталья Ѳедотовна, статсъ-дама, 92.
Побѣдоносцевъ К. П., 115.
Покровскій, священникъ Стран. дома, 65.
Полетика Александръ Николаевичъ, кавалергардъ, 19,
Поликарпова Марья Андреевна, урожд. Щербатова, 9.
Полтарацкая Софья Борисовна, урожд. кн. Голицына, 40, 81.
Пономаревъ (прозвище „Сова"), хранитель ризницы, 150.
Попова Марья Лукинична, 36, 37.
Поповъ, 15.
Порфирій, кіевскій викарій, 114, 115.
Постниковъ, художникъ, 35.
Потаповы: Прихожане церкви, 96.
Екатерина Васильевна, урожд. кн. Оболенская, 113.

Потемкины: Александръ Михайловичъ, 90, 109, 141.
Татьяна Борисовна его жена, урожд. кн. Голицына, 81, 90, 108, 109, 141, 147.
Потуловъ, камергеръ, 106, 113.
Прозоровскій-Голицынъ князь, 24.
Прокопенко, конторщикъ, 15.
Пряхинъ, домашній кондитеръ, 53.
Путятины: Александра Васильевна, урожд. Кобылина, 50, 120.
Маргарита Петровна, урожд. Реметева, 17, 18.
Пушкины: Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, 132, 133, 146.
Василій Львовичъ, поэтъ, 93.
Рагазановъ, оффиціантъ, 56, 68.
Радонежскій, пѣвецъ, 51.
Райковскій, духовникъ графа Д. Н., 90.
Растрелли, графъ архитекторъ, 127.
Рейнгольдтъ: Амалія Ивановна, 54.
Эмилій Ивановичъ домашній врачъ, 11, 21, 26, 27, 32, 35, 54, 55, 131, 140.
Ремеръ, прихожане церкви, 96.
Репнины: княгиня Варвара Алексѣевна, урожд. гр. Разумовская, 133.
Варвара Николаевна, княжна, 133.
Рибопьеръ, графъ оберъ-камергеръ, 89, 141.
Родзянко: Екатерина Васильевна 22, 96, 141.
Екатерина Владиміровна, фрейлина, 22, 96, 141.
Михаилъ Михайловичъ, кавалергардъ, ротмистръ 142.
Софья Александровна, его жена (урожд. Черевина), 142.
Романовъ, священникъ, духовникъ А. Н. Муравьева, 113.
Рубини, пѣвецъ 130, 145.
Руже (Rouget), воспитатель графа С. Д., 98, 134.
Рутландъ, Шарлотта Ивановна, воспитательница графа С. Д., 65.
Рыбаковъ, оффиціантъ. 56.
Сабуровъ Андрей Ивановичъ 42, 43, 146.
Саломирскій, гусаръ, 24.
Сапіенца, учитель пѣнія, итальянецъ, 16.
Свистуновъ, кавалергардъ, 146.
Серра-Капріола, итальянскій посланникъ, герцогъ, 89, 145.
Серафимъ, петербургскій митрополитъ, 62.
Сивковы: Василій Ивановичъ, дворецкій, 15, 68, 69.
Матрена Филипповна, его жена, 68.
Симоненъ (Simonin), воспитатель, 18, 19, 35, 46, 48, 135.
Сироткинъ, кассиръ. 15.
Сицилинскій, протоіерей церкви Преображенія, 105 119.

Смарагдовъ, священникъ церкви Симеона, 104, 105.
Снѣжковы: Александра (быв. Ячейкина), 57.
Григорій, смотритель Кусков. дома, 57.
Соловьевъ, Петръ Кириловичъ, любитель канареекъ, 9,48,49.
Сорокины: Хранитель ризницы, 150.
Генералъ товарищъ, Г. И. Левберга, 75.
Степанова, Марья Михайловна, 46, 147.
Степанъ, слуга воспитателя Симонена. 18, 19.
Суворовъ князь А. А, петерб. генер. губерн. 25, 89.
Сусловъ Прокофій управляющій, 15, 99.
Сутцо князь, грекъ зять Обрѣзкова, 58. 59.
Сухозанетъ, Иванъ Онуфріевичъ, генералъ, 120.
Тамберликъ, пѣвецъ, 145.
Тамбурини, пѣвецъ, 145.
Танѣевы, прихожане церкви, 96.
Тарасенковъ Алексѣй Терентьевичъ, главный докторъ Страннопр. дома, 65, 75.
Татариновъ, помощ. камердинера, 57.
Толстые: Д. А., графъ 115.
Л. Н., графъ писатель 118.
Николай и Павелъ Матвѣевичи, братья 24.
Томилинъ, „шталмейстеръ", 53.
Тринклеръ Анна Петровна, дворянка, 71.
Трубецкіе: князь Н. П., 18, 24, 27.
Княжна, впослѣдствіи герцогиня Морни 142.
Трунева, Анна Львовна, 40, 41, 46, 147.
Тургеневы братья, 125.
Уваровъ, генералъ, 20.
Урусовы: князь Аполлонъ, 96.
княгиня Екатерина Борисовна, 72.
М. С, 119.
Устинова, урожденная Полянская, 146.
Фаціусъ, музыкантъ, 89.
Ѳедосья, дѣвушка Т. В. Шлыковой, 68.
Ферапонтовъ Моисей, старикъ, 15.
Фидлеръ, нѣмецъ, 46.
Филимоновъ, Г. Д, 149.
Филаретъ, митрополитъ московскій, 67, 69, 85, 99, 102, 110, 115, 133.
Флевицкій, діаконъ, 104 и 105.
Фортунатовъ, священникъ, 104.
Фреццолини, пѣвица, 130.
Хитрово, Алексѣй Захарьевичъ, 91.
Христофоръ, викарій петербургскій впослѣдствіи епископъ

Вологодскій, 45, 124.,
Цвѣтковъ, домовый архитекторъ, 59.
Чебоксаровъ, форейторъ, 53, 139.
Черевины: Наталья Александровна, 142.
Петръ Александровичъ, 142.
Черкаскій князь А. М, 70.
Черкасовы: Авдотья Никитична, старушка, 35.
Марья Никитична, нянька, 35, 131.
Матвѣй Михайловичъ, библіотекарь, 35.
Четвертинская, кн. Жанетта Антоновна, 88.
Чернышовъ, А. И., военный министръ, князь, 28, 126 и 127.
Четвериковъ, конторщикъ, 64.
Чоглоковъ, кавалергардъ, 24, 43.
Шалины: Яковъ, старикъ дядька, 56.
Вѣра, его дочь, 56.
Natalie, его жена, 56.
Шаре (Charet), переплетчикъ, 135.
Шатилова, жена князя Н. А. Долгорукова, 71.
Шаховская-Моденъ, княгиня, прихожанка, 96.
Шаховскіе князья: А. В., 95, 96, 98, 124.
Иванъ Леонтьевичъ, 96.
Николай Ивановичъ, 97.
Софья Алексѣевна, 97.
Софья Ивановна, 97.
Шевичъ, Лидія Дмитріевна (урожд. гр. Блудова), 92. 98.
Шелетовъ, швейцаръ, 56.
Шереметевы:
Борисъ Сергѣевичъ, 99.
Варвара Алексѣевна (граф. Пушкина), 68, 119, 142.
Варвара Павловна, 13.
Варвара Петровна, 47, 71, 111, 124, 136.
Василій Александровичъ, 119.
Василій Борисовичъ, крымск;й плѣнникъ, 148.
Василій Сергѣевичъ, 24, 59, 64, 143.
Екатерина Васильевна, 13, 90, 99, 112.
Елизавета Сергѣевна, (впослѣдствіи Делеръ) 47, 118.
Надежда Николаевна, 90, 111.
Наталья Васильевна (по мужу Обрѣзкова), 58, 59, 70.
Петръ Васильевичъ Большой, 148.
Сергѣй Васильевичъ 70. 126.
Сергѣй Васильевичъ (нижегородскій), 73.
Сергѣй Сергѣевичъ, 35, 124, 131.
Татьяна Ивановна, 55.
Юлія Васильевна, 56, 119, 150.

Шереметевы, графы:
Александра Григорьевна, 34, 39 72, 99, 130, 140, 145.
Александръ Дмитріевичъ, 71, 147, 149.
Анастасія Алексѣевна, 72.
Анна Петровна, 62, 128, 131.
Анна Сергѣевна, 23, 127, 129, 131, 134, 135, 140, 144, 145, 149, 151 и 152.
Борисъ Петровичъ, фельдмаршалъ, 62, 72, 127, 132, 148 и 149.
Борисъ Сергѣевичъ, 129.
Варвара Алексѣевна, 128.
Димитрій, Николаевичъ 7-46, 48-52, 54, 57-63, 69-67, 79-79-81-93, 98 100, 103-105, 107, 112, 113, 117—119, 121-127, 129, 132, 135-147, 150.
Димитрій Сергѣевичъ, 63.
Михаилъ Борисовичъ, 72.
Николай Дмитріевичъ, 130, 134, 136, 150.
Николай Петровичъ 8, 10, 20, 21, 30, 62, 94, 128, 137, 140, 148.
Петръ Борисовичъ, 18, 35, 36, 37, 62, 128, 131, 149.
Петръ Сергѣевичъ, 130.
Прасковья Ивановна, 8, 21, 62, 128, 137, 150.
Сергѣй Димитріевичъ, 5, 25, 33, 34, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 51, 53, 54, 56, 58, 59, 62, 63, 64, 66-75, 77-82, 84-86, 88-94, 96-107, 110-113, 115-122, 125, 127, 129-142, 144—152.
Сергѣй Сергѣевичъ, 130.
Шиповы: Николай Павловичъ, 99.
Сергѣй Павловичъ, 99.
Шишмаревы, петербуржцы мужъ и жена, 24.
Шлыкова Татьяна Васильевна, 9, 17, 18, 20, 21, 27, 30, 31, 36, 38, 39, 44, 45, 48, 54, 56, 59, 62, 63, 64, 67, 68, 71, 78, 91, 92, 104, 116, 117, 120, 124, 125, 128-131, 133, 137-139, 143, 147.
Шляпкинъ И. А, 71.
Шубертъ, віолончелистъ, 49.
Шуваловъ графъ, Оберъ-гофмаршалъ, 30.
Щеголевъ, поваръ, 53, 64.
Щербатовы князья: Андрей Николаевичъ, 9.
Антонина Воиновна, 9.
Марья Андреевна, княжна, (въ замужст. Поликарпова), 87.
Щербинина, Анастасія Павловна, 72.
Яковлевъ, Павелъ Петровичъ, 124, 146.
Яньковъ Д. А., управляющій, 46.

*PB-39917-SB

Stanford University Libraries
3 6105 013 552 596

DK
378
S5S5

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

NOV 26 1
MAR 17 1986